

ДЕНИС СТАРЫЙ

**ПО ГРЕЗАМ
НАШИМ 1**

Роль человека в истории. Человек творит историю, либо создает человека под стать эпохе? Что могло бы быть, если?.. Пожилой историк-реконструктор получает второй шанс и попадает в один из самых спорных периодов Руси. Может ли существовать раздробленная Русь, либо нужно было уничтожить половину населения...

От автора.

«По грехам нашим, в лето...» — так начинает летописец описывать события Батыева нашествия. Так и называется цикл произведений про попаданца в ту эпоху.

Это моя первая книга, если не считать ранних попыток что-либо написать, которые совершались мной на протяжении уже более-менее продолжительного времени.

Выложенная некогда книга получила отклик у пиратов (связывался с администраторами сайтов и просил убрать, что многие и сделали). Между тем вашему вниманию предоставляется сильно переработанная версия, содержащая новые сюжетные повороты, чуть более осмысленное описание событий. Учитывалась и критика книг относительно диалогов, которая раздавалась из-за сильной увлеченностью стилизацией древнерусского языка, когда часто было не понять о чем вообще говорят герои. Так что то, что можно найти где-либо, кроме Автор Тудей, уже в немалой степени — иные книги

Вместе с тем, когда я писал данное произведение, как будто прожил жизнь рядом со своими героями, при доработке книг я вновь ощущал это интересное чувство.

Были изучены все доступные исторические документы по периоду, проведена попытка осмысления мотивов, которыми руководствовались те, или иные исторические персонажи. Что-то из написанного можно, без сомнения, отнести к фантастике. Существование параллельных миров, как и попаданцев из них — уж точно! Некоторые явления могут быть гипертрофированы, что допускается выбранным жанром. Немалое количество первоначальных «роялей» — то, что я допускал с большим сомнением, но именно так виделось начало пути главного героя.

При описании характеров исторических персонажей опирался на те личностные характеристики, коими их одаривали современники. Мало сохранилось источников по данному периоду, что с одной стороны осложняет понимание и восприятие времени, но с другой, давало мне больше простора для фантазий.

Приятного чтения!

ПРОЛОГ

— Таким образом, русские княжества не могли ничего противопоставить монголо-татарам. — Закончил я свою лекцию.

— Корней Владимирович, так было иго или нет? — нарушил образовавшуюся тишину студент.

Мне, доценту, кандидату исторических наук, уже пожилому, с больным, но, все еще, смею надеяться, не угасшим, а пылающим энтузиазмом сердцем, стоило усилий задуматься над ответом.

— Скорее да, чем нет. Но этот вопрос все же сложный. Что есть иго? Понятие, которое в исторической науке используется как период взаимодействия с ордой, Золотой ли или Большой — не важно. Вам, как будущим экономистам, вероятно цифры больше прояснят ситуацию, чем мое субъективное мнение, — в горле поселился суховей и я достал из портфеля бутылку с водой и сделал глоток.

Две лекции подряд сильно утомляли, ноги зудели от трехчасового стояния. Подходило время для очередного укола инсулина и принятия таблеток. Но я имел, среди прочих принципов, не оставлять без ответов любые вопросы студентов.

— Утеряны десятки технологий, которыми владели ремесленники Древней Руси, население резко уменьшилось и вернулось к цифрам до нашествия только в XVI веке. Политический вес Северо-Восточной Руси на полтора века снизился до нуля, если только не брать в расчет новгородские земли. Резко упали показатели торговых отношений, — поспешил закончить я закончить и в нетерпении посмотрел на часы.

— Но все же не совсем понятно. Было ли это иго? Московское княжество вело себя как улус Орды и смогло укрепиться только в рамках взаимоотношений с ордынцами. Это же они принесли на Русь самодержавную систему управления, — не унимался любознательный студент.

— Да это так, Орда стала еще одним фактором в интригах русских княжеств. Уже ослабленных, не способных на самостоятельность. Разделяй и властвуй! Ордынцы не были глупы и использовали этот древний принцип. А на вопрос о том было иго, или нет — каждый может ответить сам. И на коллоквиуме я хотел бы услышать ваши мнения, — долгожданный звонок принес облегчение.

Сейчас у меня полтора часа отдыха и нужно набраться сил еще на две лекции.

Сигнал об окончании пары, смел с лиц студентов всю любознательность, и молодые люди, шумно переговариваясь, стали покидать аудиторию.

Я плелся по коридорам университета и, как это часто бывало, размышлял о своем бытии. В очередном приступе рефлексии и самокопания, в последнее время часто заглядывал в свое прошлое. Я не считал, что прожил жизнь достойно, и это понимание все более прожигало рану в моем сердце. Казалось, что я способен свернуть горы, защитить докторскую, наконец, которую несколько раз начинал, но постоянно что-то мешало. Но поздно, буквально недели две назад я понял, что жизнь прошла.

Некогда я стоял у истоков движения реконструкторов. Занятия в секции фехтования, наряду с художественной литературой, формировали романтическое отношение к истории.

Я был настолько стар, что увлекся реконструкцией наполеоновской эпохи, еще в то время, когда все только зарождалось. Именно с реконструкций Отечественной войны начиналось славное движение советских реконструкторов. После было ранее средневековье, эпоха викингов. Дальше увлекся реконструкцией событий Великой Отечественной войны. Сегодня в сообществе людей, которые восстанавливают давно минувшие события, меня знают, как «деда», и только и остается, как с важным видом посещать форумы в статусе почетного гостя. Тут я получил признание.

Семья? Не сложилось! Было много женщин, кратковременных попутчиц. Я, некогда статный брюнет с врожденным умением задурить голову любой женщине, был еще тем ходяком. Яркие голубые глаза, контрастирующие с черными волосами, всегда, как мне казалось, мужественный, спортивный вид знающего себе цену гусара, покорили не одну женскую натуру.

С одной девушкой, с Леночкой, пытался создать семью еще в начале 90-х годов — не сложилось. Она ушла от меня, не простила очередную измену, переехала в другой город, и, как я узнал позже, вышла замуж за спокойного мужчину, олицетворявшего семейный уклад.

Только лет восемь назад узнал, что Лена ушла от меня беременной и родила сына — моего сына! И это еще больше сжимало болезненное сердце. Лена проговорила сыну, кто на самом деле является его генетическим отцом, «пиная» парню на амурные похождения и несерьезность.

Алексей, так зовут сына, сам нашел своего меня, приехал, встретились, помолчали и

все... Больше ничего... Я действительно попробовал наладить отношения с сыном, ничего не вышло. И сегодня от этого больно.

— Корней Владимирович, зайдите к декану, — сказала встреченная в коридоре секретарша, строго, будто она и есть декан.

— Хорошо, Оксана, через минут десять, — устало проронил одинокий человек, проживший яркую, но, как считал, бесполезную жизнь.

Зайдя на кафедру, я уколол инсулин и перекусил. Переведя дух, пошел к декану.

— Любовь Михайловна, можно? — заглянув в деканат, спросил я.

— Да, да — входите! — ответила женщина средних лет, не отрываясь от чтения какого-то документа. — Секундочку. Ага, так, Оксана, сделайте нам чаю, пожалуйста.

Плохое предзнаменование. Чай — это какая-то услужливость, не свойственная этой женщине, которую я знал очень хорошо. Люба когда-то так же была увлечена реконструкцией. Вот только ее привлекали не только и не столько погружение в историю, а, скорее, общение с молодыми и интересными молодыми людьми. И я мог много чего припомнить любвеобильной некогда женщине. Но Люба смогла расставить приоритеты, удачно выйти замуж за одного богатенького любителя старины и еще более удачно с ним развестись. Занялась карьерой, не задумываясь о материальной стороне бытия. Денег, отсуженных у бывшего мужа, хватало до сих пор на все, в том числе и на колледж в Великобритании для единственной дочери.

— Я так понимаю, разговор не из приятных? — спросил я, принимая чашку чая от секретарши.

— Ну, как посмотреть? Думаю разговор, так сказать, — назревший! — декан пристально посмотрела на меня. — Вы же понимаете... Пенсия — это не приговор!

— Пенсия это исполнение приговора! Я понял — не продолжайте! — я стал спешно подыматься, но резво встать со стула не получилось.

— Да, постойте, же. Корней Владимирович, мы вас уважаем, любим. Я помню, как вы критиковали мой доспех X века, — декан встала из-за стола и подошла ближе.

— Он не был X века, да и, простите, на валькирию в своем железе Вы малс походили, — опущенными в пол глазами, тихо говорил я.

— Может быть, может быть. Вы специалист по раннему средневековью. Что же не защитили докторскую? И разговора бы этого не было. Деканату нужны профессора... — Любовь Михайловна фривольно присела на край стола.

Если бы не старость, я бы расценил данный пассаж, как призыв к действию, но сейчас это выглядело как некое издевательство.

— Корней Владимирович, слышали — Егор Александрович защитился? Кстати, сегодня он всех приглашает в кафе в нашем корпусе к 19.00, будете?

— Вряд ли — ответил я и все же заострил взгляд на ногах знающей себе цену женщины, — мужские рефлекссы.

— Что ж. Я рада, что этот разговор состоялся, а к концу недели, в том же кафе мы торжественно и с почетом проводим Вас на пенсию, — удовлетворенно отследив сфокусированный на ногах мой взгляд, декан привстала и начала копаться в разложенных бумагах. — Тут интересовались Вами, Корней Владимирович. Какой-то клуб реконструкторов, как там его... «зов предков» что ли. Странное название. Не знаете такой?

— Нет, так пафосно назваться могут, наверное, только подростки с ведрами на голове, да и то вряд ли. Что хотели? — спросил я.

Мозг пожилого человека отказывался что-либо анализировать, не выдав ни единой версии, зачем кто-то интересуется мной, уже всеми забытому человеку. В голове крутилось только одно — что делать? Жизнь прошла... И когда я успел превратиться в человека только и делающего, что жалеющего себя? Две недели назад, раньше за собой такого не замечал. Как в один момент вынули стержень.

— Да ничего они не хотели, только спрашивали о Вас — каким периодом увлекаетесь. Ты, Корней Владимирович, не кручинься. Я-то помню еще, как ты на ристалище рубился. А помнишь того двуручника — негра?

— Да нет, он был, как там... — мулат что ли. Отец из Африки, мать из-под Рязани. Парень все хотел доказать, что он русский. Хороший был боец, если бы не спесь — кто ж на латника да без щита. Ладно, Любовь Михайловна я все понял. Сколько еще мне работать? — спросил я, пока еще преподаватель, но уже скоро забытый пенсионер.

— На следующей неделе придет новое дарование. Молодым у нас дорога... Да, найдешь, где подработать! Вон, сколько контор для несознательных студентов. Курсовые попишешь. Оксана, позовите Махоненко, что там с подготовкой конференции? — обратилась декан к секретарше, демонстрируя, что разговор закрыт.

— Как-то неуважительно, Любка-фурия, — тихо пробормотал я уже бывший преподаватель, бывший рубака, бывший реконструктор, и вообще — бывший...

ГЛАВА 1. «ЗОВ ПРЕДКОВ»

— Здравствуйте, Корней Владимирович, — поприветствовал незнакомый мужчина, как только я вышел из деканата.

— Вы меня караулите? — спросил я не особо приветливо, настроение было не очень. — Радуйтесь, дождались, вот он я!

— Пожалуй, — да, это Вы. Разрешите отрекомендоваться — Илларион Михайлович Радкевич, — представился щеголеватого вида мужчина годами чуть за пятьдесят.

— Вот как? Интересно, — сказал я, на грани приличия, разглядывая собеседника.

Это был высокий мужчина с карими глазами настолько яркими, что повеяло неким мистицизмом. Выправка выдавала если не военного, то аристократическое воспитание. И его имя Илларион — прям батюшка Михаила Кутузова, за всю свою уже не маленькую жизнь не знал ни одного «Иллариона». И этот классический костюм троечка — ну, прям, только с аудиенции английского короля.

— Мы можем поговорить? — спросил фронт.

— Интересно чем мог я Вас заинтересовать? Ладно, поговорим. Кафе, как место беседы, подойдет? Прошу сударь, — сказал я и, как мне казалось, максимально галантно, указал в сторону студенческого кафе.

— Я представляю общество «Зов предков», — начал разговор Илларион Михайлович, присев, «по-аристократически», на самый край стула.

— Признаюсь, уже слышал от декана название вашей организации. И испытываю какой-то диссонанс. Вы ведете себя как дворянин царской России, Ваше имя так же сродни эпохе. И такое несерьезное название организации, — я позволил себе ухмылку.

— Пустяки — сегодня «зов предков», завтра еще как. Важна суть, чем мы занимаемся, — проговорил загадочный человек, испытующе посмотрев на меня.

— Здесь, согласно логике разговора, я должен спросить, и чем вы занимаетесь, и зачем вам понадобился старый больной человек? — я устало откинулся на спинку стула, «держатъ мину» было сложно, да и незачем.

— Позвольте, Корней Владимирович, все же не прямые ответы, давайте поговорим немного пространно, вам понравится, уверяю, — спросил мужчина и улыбнулся.

Я развел руками, демонстрируя внимание и приглашая к разговору.

— Корней, Владимирович, Вам, как историку, никогда не было интересно, как некоторые события в истории случаются «вдруг». К примеру, не самая перспективная Англия, Франция казалась куда более развитой, вдруг создает мощнейший флот, теснит испанцев, потом голландцев, начинает промышленную революцию, всех и вся громит, сталкивает лбами, первая создает мощнейшую спецслужбу, когда еще ни одна страна об этом не помышляет. Или вот, Тамерлан. Хромой высокий нескладный на первый взгляд человек, контрастируя со всем окружением — европейского вида, рыжий. Не знатного рода. И вдруг — гроза всей Азии. Громит всех, османы так вообще бежали от него в Европу. И таких примеров множество. Для России — князь Олег, Петр 1. Олег вообще не был князем, а именно он начал сбор земель по торговому пути в единое государство. О политике Петра вообще молчу — никаких предпосылок для его царствования, там номинальный царь Иван, да Софья держалась крепко. Сколько новшеств принес? Не всегда правильных, но все же «аристократ» покрутил в осуждении головой.

— Вы настаиваете на диспуте, Илларион Михайлович? — спросил я, понимая, что таких примеров могу «накидать» множество.

Я нередко размышлял над проблемой роли личности в истории и пришел к выводу, что иногда совпадали два фактора — личность и время, которому она соответствовала. Наполеон никогда не стал одним из крушителей системы, если не было бы революции и усталости от нее у французов, так и про Гитлера и многих других. Действительно много в истории было сюжетов.

— Нет, что Вы, Корней Владимирович, диспут, уверен, не уместен, так как я прекрасно осведомлен о причинах и следствиях подобных переломных моментов в истории. И здесь мы подходим к самому главному, — Илларион Михайлович испытующе посмотрел на меня, размышляя продолжать ли разговор. — Вы любите книги об «исторических попаданцах»?

Я слушал и не знал, как реагировать. С одной стороны — чушь, издевательство над старым человеком, но я раньше периодически жил в парадигме разных эпох, был и княжеским гриднем, даже тысяцким, был полковником в армии Багратиона, гренадером Апраксина и много кем — тогда я не играл, я проживал отдельную жизнь. И хотелось верить даже в такую фантастику.

— Итак, если позволите, я резюмирую, — сказал я после почти двадцатиминутного монолога Иллариона Михайловича.

— Любопытно, что именно Вы прояснили из сказанного мною.

— Чувствую себя студентом на экзамене. Ну да ладно, — раздраженно сказал я.

Хотелось домой, кружилась голова, и весь этот разговор все больше утомлял. Я спешил закончить странную беседу, поэтому постарался кратко сформулировать свои мысли.

— Существуют некие точки бифуркации во времени, в эти точки можно попасть с помощью вашей организации. Я, конечно, хочу верить, но..., кстати, заплатить нечем — я не богатый человек, квартиру не отдам ни под любым предлогом. Но, допустим, все так и есть, и это не дешёвый фантастический рассказ, — то не совсем понятно, зачем Вам я.

— Что Вы, Корней Владимирович? Мы сами готовы Вам заплатить, или, к примеру Вашему сыну помочь и с работой и деньгами и квартирой, — загадочный мужчина посерьёзней, достал блокнот и стал его листать. — Так... Вот оно имя Алексей, адрес, проблемы с алкоголем, попытки употребления наркотиков, пока слабых. Это все Ваш сын. Мы имеем все возможности помочь ему. И сделать это как от Вашего имени и, если того желаете — инкогнито.

— Я должен продать душу дьяволу? — с усмешкой произнес я. — И да, удивлен Вашей осведомленности обо мне, может, не менее, чем и пересказу не лучшего фантастического романа.

— К счастью, уточню, Вашему счастью, это не фантазии, — предельно серьезно сказал мой загадочный собеседник.

— А давайте так — я увижу реальные шаги в отношении моего сына и, если вы будете убедительны, и его жизнь наладится, то сделайте со мной что хотите, — принял я решение.

— Замечательно, встретимся через две недели, — сказал загадочный представитель общества «звон предков» и ушел.

Две недели пронеслись в крайнем депрессивном состоянии. Проводы на пенсию закончились попойкой всех и вся, коллеги умудрились песенки попеть и искренне порадоваться, что я ухожу. Подарили крайне плохого качества саблю-новодел — и с чувством выполненного долга навалились на алкоголь и закуску, деньги на банкет выделил

деканат. Иначе просто никаких проводов не случилось. Лучше бы на руки выдали.

Пришла и моя замена — молодой щеголь с амбициями академика. Ох, и поплачет еще от этого карьериста Любочка.

— Здравствуйте, Корней Владимирович, — я, апатичный ко всему происходящему, как обычно за последние несколько недель, напичканный лекарствами, горюющий по несбыточному, и не заметил, как провел пальцем по экрану смартфона, когда тот завибрировал.

— И Вам не хворать. Я так понимаю, Илларион Михайлович? — сказал я.

— Да. Прошу о встрече, Корней Владимирович. Вы же помните наши договоренности? — продолжил навязчивый собеседник.

— В любое время, — без энтузиазма ответил я.

— Через десять минут у Вас дома, — сказал «общественный деятель» и отключился.

— Э, постойте, не так быстро, — спохватился я, но разговор был закончен. — Мне укол нужно сделать, поесть, убраться, наконец.

Но слова были сказаны в пустоту.

— Здравствуйте, — поздоровался гость, пройдя в квартиру ровно через десять минут, после звонка. — Итак, к делу. Ваш сын получил наследство от Вас.

Я недоуменно поднял брови.

— Да, именно, наследство, Вы оказались весьма зажиточным. Неплохая квартира, приличная сумма денег на счету. Работу присматриваем — можете не волноваться! Отчет, видео встречи с нотариусом, посты в социальных сетях, выписки со счетов сына, фото подписанных документов, — гость передал флешкарту.

— Так я умер? — недоуменно спросил я.

Гость развел руками.

— Вы сжигаете мосты, — задумчиво произнес я.

Страх не появилось, но некоторая нервозность стала проскакивать, как бы ни было, какая бы апатия не захватила меня уже как месяц, неопределенность волновала.

— Мы сжигаем старый, но тут же строим новый мост, — торжественно произнес гость.

— Как-то пафосно это звучит. Между тем Вы уже столько ресурсов потратили и это серьезно. Признаться, я воспринимал все происходящее как некую затянувшуюся шутку, но я готов, — последние слова я выкрикнул, привстал, закружилась голова, и я рухнул на стул, но собравшись с мыслями, продолжил. — Рассказывайте!

— Итак. Вся наша планета — накопитель информации, существуют механизмы, которые мы не можем научно обосновать, но сама матушка-Земля может отматывать назад время, как магнитофон кассету, — начал вещать гость. — Мы можем предугадать место, портал, если хотите, когда будет очередная перемотка и послать туда человека. Есть предположение о параллельных вселенных, может при переносе именно туда, в другую вселенную, и попадает человек.

Я смотрел на «общественного деятеля», но ничего не говорил, а слушал, не веря, но и не опровергая всю эту фантазию, что уже частично звучала двумя неделями ранее. Я успел обдумать и посмеяться над несуразностью ситуации. Сейчас было не до смеха.

— Зачем нам это? Спросите Вы, уважаемый Корней Владимирович. Так вот, есть люди, которым это интересно. Одна из причин, и Вы должны это понять, — научный интерес. Пока мы только догадываемся, что происходит, научились в течение некоторого времени отслеживать испытуемых, или как сейчас модно говорить — попаданцев. Датчики передают

данные в течение суток, иногда чуть больше. Время тут, в нашем веке, течет медленнее, поэтому, в зависимости от разницы во времени, там, куда Вы попадете, может и пять-десять дней пройти.

Я вытер испарину, проступившую на лбу. Головокружение усиливалось, подрагивали руки, ощущалось, что еще немного и случится паническая атака. А Илларион Михайлович все «накидывал»:

— После суток контакта, переход полностью закрывается для передачи данных. Это интересно некоторым историкам, которые сотрудничают с нами. Иногда получается попасть непосредственно в событие. Существуют не более двух десятков периодов, которые доступны для попадания. К примеру, 1917 год, или призвание Рюрика — да, мы уже точно знаем, кто это был! Или Цусимское сражение. И важно, назад дороги — нет, — гость выдохнул.

— Вы понимаете, что звучит это как издевательство надо мной, бред, просто бред, — говорил я дрожащим голосом.

— Безусловно, бред! Вы нормальный человек и поверить сказанное не можете, просто делайте все так, как будто это игра и готовьтесь к переходу, — спокойно сказал гость.

— Зачем Вам старик, даже если еще не сошедший с ума? — спросил я.

— Вот, здесь и кроется еще один интересный факт, который нам интересен. Мы не получаем практической, скажем так коммерческой выгоды от того, что узнаем, пока работают датчики и попаданец записывает свою биометрию. Но все, кто совершает переход, становятся молодыми. Их организмы приходят в идеальное состояние, резко улучшается регенерация, клетки восстанавливаются молниеносно. Понимаете насколько важно подойти к решению проблемы мгновенного выздоровления? — гость посмотрел на меня, ожидая, несомненно, бурной и радостной реакции.

— Понятно, — собравши остатки воли, максимально спокойно произнес я, и на лице гостя промелькнуло разочарование. — Философский камень — бессмертие! Все это звучит... словно шарлатанский опус. И если все так и есть, то эти знания мне вряд ли безопасно иметь.

— Да, как видите, я откровенен. А для Вас откроется во всей красе новая жизнь. И мы тщательно выбираем людей, — продолжил гость.

— Да, больной старик, практически одинокий, увлекался всю жизнь реконструкцией, историк. Должен хвататься за предложение, как за соломинку, такому человеку поверить во все это будет легче, — сказал я, хватая очередную таблетку, иначе разговор вообще бы сорвался.

— Именно так, — констатировал гость.

— И, предположим, это правда. Да я не могу в это верить, но предположим... Я могу делать там — в прошлом что захочу? А если прогрессорство? — ухмыльнулся старик, представив, как из крупнокалиберного пулемета косит шеренги наступающих наполеоновских войск.

— Да что угодно. На нас это не повлияет. Наша парадигма не изменится, скорее всего... Ну, еще никак не изменялась. У нас есть предположение, что в наш мир приходили люди из неких параллельных миров, как мы уже говорили, некоторые события и тенденции в нашей истории объяснить крайне сложно, если не учитывать фактор попаданца. Вы будете изменять другой мир, в котором нас, скорее нашего будущего, не будет. Нам же важно, чтобы датчики зафиксировали как можно больше процессов по изменению в Вашем

организме. Мы уже кое-что смогли сделать для долголетия, и работа продолжается, — сказал собеседник. — Вы же можете даже с собой что-нибудь взять, для прогрессорства и задать там всем жару.

— Эшелон с танками, — усмехнулся я.

— Нет, вся электроника выходит из строя при переходе, да и усложненные механизмы, — усмехнулся гость. — А то бы мы им, ух, как наподдали, супостатам!

— А датчики, где они будут? Они что из строя не выйдут? — спросил я.

— Они будут в вашем организме, и датчики ну очень маленькие, не влияют ни на что, вшиты в запястья рук, — ответил Илларион Михайлович.

— А если механизмы по отдельности переводить, чтобы собрать на месте? — уже предметно спросил я.

— Это возможно, — сказал гость и достал небольшой планшет из внутреннего кармана пиджака. — Есть пожелания?

— Современные джины обходятся без протирания ламп, — задумчиво сказал я и резко воспрял. — Часы лучшие швейцарские механические с подробной схемой составления механизмов, винтовку с оптическим прицелом и тысяч пять патронов к ней. Пистолет с глушителем и к нему патрончиков. Серебряных и золотых монет на килограмм двадцать не меньше, лучший набор инструментов, шашку казачью образца XIX века, меч полуторный XVI века, лучшие морозоустойчивые семена, обязательно подсолнуха и картошечки, перца острого, да и приправ побольше — гвоздики, перца. Хорошую одежду, палатку, топор, ну, и... я подумаю еще что.

— Не утащите, — скептически произнес гость.

— Так пару лошадок еще мне дадите. Орловского рысака, шайра английского, да хорошую повозку. Я что, на плечах буду нести весь скарб? А еще компас, бинокль, и много литературы. Пройдет лошадка-то? — с азартом спросил я и улыбнулся.

Таблетка подействовала, и стало намного легче.

— Вы думаете, что издеваетесь надо мной? Что ж... Лошадь может пройти, а может и не пройти: все зависит от устойчивости прохода — это секунд десять. Дело в том, что мы не знаем, в какое время вас выкинет каждые десять секунд, это в лучшем случае, выход меняется. К примеру, Вы окажетесь в неолите, а конь в ноябре 1917 года, — собеседник развел руками. — Верхом, больше шансов, вероятно.

— Так разгоните платформу, на которой все это будет, и — вперед! — рассмеялся я, этот разговор начинал даже забавлять.

— Эм... Вы усложняете. Даже не знаю, — задумчиво бормотал гость. — Может быть.

— Что не додумались до такого? — я посмотрел на гостя с превосходством.

— Было всякое, похожие истории имели место. Признаюсь, судьба попаданцев интересует только сутки после попадания, да мы и не всегда понимали, с какими потерями свершился переход, — сказал Илларион Михайлович и встал. — Следующий переход через три недели, мы сильно спешим. Все изложите на бумаге и через семнадцать дней вылетаем на север.

— Коней моих не заморозьте, да и семена, а вот еще плуг самый-самый, из титана, — рассмеялся старик.

— И ящик бриллиантов! До встречи, Корней Владимирович, Вы же не против, если с Вами поживут два милых молодых человека? — сказал гость и вышел за дверь, а в квартиру вошли два амбала.

— Так понимаю, я ограничен в контактах и действиях? — спросил я.

— Приятно иметь дело с понимающим человеком.

* *

Виктор Семенович Шамес уже лет как двадцать работал на организацию, которая была настолько засекречена, что даже этот пронырливый истинный сын Израиля, мало что мог сказать о своих работодателях. Да и чуйка Шамеса на неприятности прямо таки «вопила» об истинности поговорки «меньше знаешь — крепче спишь». Поэтому, когда им обуревало любопытство, он представлял свои похороны. Пару раз даже специально ездил на кладбище, что бы провести психологический тренинг. Это извращение помогало Шамесу быть склизким угрем в общении с сильными мира сего и оставаться полезным. Думать же о том, что все, с кем он начинал работать, исчезали, категорически не хотелось. Двадцать лет тренинга — и окончательно побеждено любопытство, которое некогда было частью его характера.

Сегодня Шамес начинал новый проект. Уже найден реципиент, уже найден донор, пополнились старые офшорные счета и открыты новые. Жить хотят все, но богатые люди так цепляются за каждый год своего существования, что их организация уже могла бы составить конкуренцию по капитализации и гуглу, и алибабе, и многим другим известным компаниям.

Вчера операция, которую Виктор Семенович назвал «реконструктор», вошла в завершающую фазу. Шамес любил давать названия проектам. Так он казался себе более значимым.

Три недели назад будущему донору на очередном медицинском обследовании удалось внедрить в тело датчики. Так же и, земля ей пухом, медсестричка ввела специальный раствор в организм этого Корнея, который резко ухудшал общее состояние и так болезненного донора. Сыворотка была рассчитана на два месяца. Если медлить, то скоро Корнею станет легче, и он, вряд ли, согласится. Уход на пенсию Корнея Владимировича обошелся Шамесу тридцать тысяч долларов, не хотела декан лишаться специалиста. А еще Корнею заменили лекарства на психотропные, и он все больше впадал в депрессию.

Пришлось подсадить на наркотики и сыночка донора, как и ввести его в долги. Парень, правда, оказался крепким орешком, даже попытался выкарабкаться, но «медовая ловушка» окончательно его подкосила. Влюбился сынок в элитную эскортницу, которой сделали отличную легенду, она и усугубила проблемы Алексея, сына донора.

В целом, нанесен удар по донору ощутимый и комплексный. Плюсом препараты, и вот готов Корней к любым перипетиям. Только развернулся в своих хотелках так, что Шамесу пришлось даже обратиться к куратору о дополнительном финансировании, так как его собственный гонорар оказался из-за потраченных сумм урезан наполовину, а это было неприемлемо. В какой-то момент даже Шамес поймал себя на мысли, что с большим, чем обычно, удовольствием, нажмет кнопку ликвидации донора. И все было продумано, даже просчитал образ, который вызовет интерес Корнея. Представился ему Илларионом Михайловичем, устаревшим именем, намекая на бурную реконструкторскую молодость повесы-преподавателя.

* *

Две недели прошли в бешеном ритме. Приставленная ко мне группа сбила подошвы, бегая по моим «хотелкам» и расширили даже мой, далеко не маленький, лексикон, матерясь на сумасбродство выжившего из ума старика.

И арбалеты давай, да еще скорострельные револьверного типа утяжеленной

конструкции новосибирского изобретателя Артемьева, чтобы били без перезарядки восемь раз. И винтовку «Корд» давай, а еще каждый день с инструктором тренируй меня на ней, ибо далеко не мастер стрельбы из подобного оружия. Преподавали мне и азы единоборств. Здоровье не позволяло тренироваться, но под препаратами я, по крайней мере, повторял некоторые движения и старался больше не научиться, а запомнить схемы и, в целом, систему. Тоже было и с фехтованием. Да, я ходил в секцию, да выступал на ристалищах, но нашлись профессионалы, которые показали мне за пару минут, что стремиться есть куда. Держать в руках даже слабую рапиру было сложно, порой и невозможно, когда накатывали приступы, но некоторый опыт позволял улавливать связки.

Критиковал я и качество грамот, что были для меня подготовлены. Ни во времена Ивана Грозного, как и третьего, так и его внука — четвертого, обоих именовали «грозными и великими», так качественно составлять документы не умели. Такая же история и с составлением более поздних документов. Нет, текст был выверен хорошо, в духе периодов, но качество бумаги, чернил, подчеркиков — все это не выдерживало критики.

Да, я хотел без грязи сразу в князи! А что за князь без лошадей? И тут уже были требования серьезней. Вначале я потребовал пять коней разных пород, чтобы во все исторические периоды быть «на коне». После долгих споров остановились на трех породах коней. Брал я ахалкетинца, мощного коня английского шайра — черной масти, просто громадного и мощного зверя, ну и орловский рысак.

А потом я захотел собачку, да еще тренированную, но до года. Станок слесарный в разборе с ножным приводом. А доспех из титанового напыления, да сложный, составной, кольчужку. А потом еще, еще и еще.

— Хорошо, что эффекта бабочки нет, а то с таким подходом — «кранты» нам всем ныне живущим. Даже спонсоры обратили внимание на траты и сложности исполнения пожеланий, а их капиталы тяжелы, — проговорил Илларион Михайлович, рассматривая мой скарб, который складывали на платформу, чтобы загрузить в самолет.

Всего было два тяжелых летательных средства, в одном летели какие-то люди и мое «имущество». Второй Ил 76, в котором летел я, внутри был оборудован как мобильный и элитный госпиталь. Там было множество аппаратуры, мебель, несколько генераторов, мебель и много чего еще.

Мой скарб, который казался очень массивным, занимал немало пространства внутри самолета. Платформа, которую надеялся перенести с собой, была восемь на четыре метра, но главное — глубокая. Посередке размещалась чудо-телега, которая была в комплектации «сани», почему-то по статистике перемещение случалось чаще в зимний период. Как выявили такую статистику, мне не сказали. Вообще после откровений в моей квартире, выудить еще информации никак не получалось.

По бокам саней, как и внутри, были четыре мини-сейфа, замок которых закрывался цифровым и буквенным обозначением. Там были уложены монеты, другие драгоценности, частично семена, винтовка, пистолет и часть боеприпасов. Разрубить или как-то вскрыть сейфы без помощи современного инструмента было невозможно. Имелось в санях и двойное дно, где были сложены восемь массивных зеркал, картошка и оставшаяся часть семян. Сани получились тяжелыми, но эксперимент с английским тяжеловозом показал, что коняка может их тянуть. Живность должна быть усыплена и прикреплена по бортам специальными ремнями. Так, ахалтекинский скакун и тяжеловоз находились по длинным краям, пес — передняя стенка, был еще и орловский рысак, закрепленный на задней стенке.

— А доставим? — засомневался я, осматривая свое добро уже в самолете.

— Доставим! Все решили и рассчитали, должно получиться. Смешно будет, когда сразу через переход все это отберут местные хроноаборигены. Мы же не знаем, куда и где Вас выбросит. Есть догадки, что инфополе не позволит выйти при скоплении народа, но все же... — приставленный куратор, посмотрел на меня. — Как самочувствие, Корней Владимирович?

— Ваши пилюли — волшебство! И не надо колоть инсулин, я даже легкие тренировки по рукопашке осилил, — восхищенно проговорил я. — Признаюсь, в какой-то момент были мысли бросить ваши игры.

— Куда же бросить — под миллион мертвых американских президентов ВАШИ игры обошлись, если не считать лошадок. Надо же помесь ахалхетинца с арабом? А золотишка-то сколько? — с укором произнес куратор.

— Осел, груженный золотом, откроет любую крепость, — подражая восточному мудрецу, изрек я.

— Корней Владимирович, подпишите вот это! Это купчая на дачный участок, да и Ваши коллекции монет и оружия неплохо оценили, уж точно больше, чем домик в деревне. Вы же удостоверились в резко ставшей успешной жизни Вашего сына? Квартира, между прочим, досталась ему. А нам нужно было хоть немного отбить Ваши траты, — куратор протянул бумаги.

— Да не вопрос — сгорел гараж, гори и хата! — с улыбкой произнес я и подписал.

..........*

— Это все? — задал вопрос Глеб Всеславович своему пленнику.

— Не ведаю боле ничего, крест на том поцелую, — разбитыми в кровь губами сказал черноризец Лаврентий.

Глеб Всеславович одним только взглядом указал своему человеку и тот вонзил нож под лопатку монаху.

— Зови Божеяра ко мне в покои, — обронил Глеб Всеславович и подошел к кади с водой, чтобы помыть руки от крови.

Почти сутки держался Лаврентий, по первой стойко выдерживая пытки и даже лаялся, осыпая всех проклятиями, словно и не монах, а какой-то ушкуйник.

Глеб Всеславович уже больше года пытался противостоять, как оказалось, очень мощной организации, которую возглавил иеромонах Даниил, прозванный Затворником. Первые попытки выяснить, чему именно учат отроков в ростовском Затворе, закончились небывалым сопротивлением. Церковники, как бесноватыми стали, никого не пускали, пока князь, по просьбе Глеба Всеславовича, лично не поехал на моление в монастырь, где и находился Затвор с учеными отроками. Отказать князю монахи не посмели, но Глеб, находившийся в свите князя Василько, заметил, что перед приездом князя, монахи много чего прятали. Косвенно о суете и неестественности в монастыре говорили и следы на земле, и абсолютно пустые помещения, растерянность в глазах одних монахов или вызов во взгляде других. Также складывалось впечатление, что черноризцы показывают только то, что можно, настаивают на конкретных маршрутах следования делегации.

Разработка монастыря выводила на разветвлённую сеть некой организации, цели которой были направлены на максимальное усиление церкви, практически создание теологического государства. Открыто они не выступали против княжеской власти, но уже были заподозрены в сношениях со степняками, причем не с союзными половецкими родами.

Люди Глеба Всеславовича, как и его побратима Василия Шварновича, которого все зовут Войсилом, подняли свои немалые связи в среде половецких ханов, те указывали, что монахи с немалыми отрядами сопровождения проходили и по степям и шли со стороны болгар, на юг.

— Звал, Глеб Всеславович? — в пыточную вошел Божеяр.

— Одвуконь скачи в Унжу к Войсилу, перескажи все на словах и вот эту бересту передай, — приказал своему порученцу Глеб Всеславович и в привычной для себя манере, начал прокручивать ситуацию в очередной раз.

С месяц назад удалось перехватить очередной отряд, отправленный, как оказалось, на поиск некоего человека. Через два дня пришли вести, что разгромлен еще один отряд, проплаченный монахами. Даниил Затворник не жалел серебра на организацию поисков. Отрядами по два десятка далеко не слабых и, следовательно, не дешевых, наемников, монахи обследовали конкретное место на границе Степи и мокши. Что это за человек, за которым так охотятся, было не понятным, как не ясна была и его внешность. Ориентир у монахов был только один — искомый человек должен быть до крайности странным и, вероятно, владеть диковинными вещами, которых ни у кого не может быть.

Люди давнего приятеля Глеба Всеславовича, Войсилом, перекрыли возможные пути вокруг места появления загадочного человека. Сам Войсил должен, после записки от Глеба, отправиться на поиски. Перехваченный монах, которого только что удалось расколоть, направлялся в Степь как раз для того, чтобы активизировать поиски, так как время пришло.

.....

Сам переход оказался до скукоты будничным. Мне что-то вкололи, посадили на металлическую платформу, показали направление, где стояли два вездехода арктической раскраски с антеннами-тарелками, а потом ускорение и поехали...

Никаких протуберанцев, всполохов, магии — ничего! Я закрыл глаза и открыл их. Только в толк не смог понять, почему зажмурился. В какой-то момент я оказался где-то...

Резко приподнявшись, закружилась голова, я упал на подстеленную в санях медвежью шкуру, теряя сознание.

Очнувшись, сразу почувствовал себя не просто хорошо, а великолепно! Хотелось встать и бежать хоть километр, да и десять осилил бы без проблем. Так себя не чувствовал никогда, или уже забыл о тех временах, когда был молод.

Вопросов, что переход произошел — не возникло — вокруг были нетронутые просторы степи, а на горизонте виднелся лес, так что скорее сего местность лесостепная. Да и значительно теплее было, нежели в полярном круге. Ощущение ранней весны. Свежий воздух, который возможен только в диких, нетронутых человеком местах, опьянял. По ощущениям, казалось, что сейчас полдень.

Что ж, начнем работу... Я вылез из саней и оглядел свое имущество. Обычно я не матерюсь, но тут пришлось — задней стенки платформы не оказалось — ее просто срезало, как лазером отсекли, даже часть конской упряжи осталась, а коня — моего рысака не было, как не было и трех мешков со специями и, что больше всего огорчило, автомата с частью боеприпасов и большинства книг.

Успокаивался я долго, и только скулеж пса и недовольное ржание оставшихся коней привели меня к сосредоточению. В конце концов, то, что называли в прочитанных мной книгах, «роялями» наличествовали в большом количестве, в какой бы период времени меня не забросило. Было всего столько, что самостоятельно все за раз и не вывезти, а придется

частью оставить и прикопать.

Сама платформа была сооружена так, чтобы можно было ее закопать без ущерба для имущества. Повезло и в том, что наполовину конструкция самостоятельно вошла в землю.

Взяв лопату и кирку, я начал расчищать снег вокруг платформы.

СТОП! А как же вторая жизнь — молодость. Где зеркало???

— Мать моя... взглянув на свою физиономию, я вздрогнул. На меня смотрел я лет так в семнадцать. — Но, как же так, ничего не почувствовал? Просто раз — и все! И они упрекнули меня в тратах? Да за одно осознание, что это возможно — получить вторую жизнь, а может и больше — миллиарды покажутся копейками.

Раздевшись и не обращая внимания на морозец, а было не более минус три, я рассматривал себя, насколько хватало растяжки.

— Так, и тут все в порядке, а тут — ух, берегитесь девки! Корней вернулся! — уже кричал я, впадая в некую эйфорию.

Чуть успокоившись от нахлынувших эмоций, я начал работать. Не обращая внимания на время, погоду, я лихо орудовал киркой и лопатой, отбрасывая замершие глыбы земли. Работал отчаянно, физическим трудом забывая накапывающую панику. Осознание, что я куда-то перенесся, приходило и пугало неизвестностью. Через неопределенное время, наконец, начал осознавать происходящее вокруг и в голову вломились истошные звуки. Черт! Мой зоопарк очнулся!

Отсоединил крепления от собаки и коней, последним накинул повод от уздечки на шею, вставляя трензель в рот. Вбил кол в оледенелую землю и привязал к нему коней, наложил овса, смешанного с соломой. Собаке дал сухого корма, которого взял на пару дней.

Работа, несмотря на огромный объем, спорилась, но нужен был день, а то и больше, чтобы успеть прикопать такую махину, благо во время перехода часть моей работы сделала неведомая сила, вбив платформу в землю. С перерывами на короткий отдых, общение с животными и еду, я продолжал до сумерек вгрызаться в землю.

Поставив палатку, распалил костер из прессованных специальных брикетов, поставил воду на кипятилок.

— Нужно бы осмотреться, нахожусь тут, как на ладони, — пробормотал я, и перехватил поводок Шаха.

— Пошли, дружище, пока водица закипит, пройдемся до леса, только вооружимся чутка, — проговорил я псу.

— Так, вот это присоединяем сюда, это сюда, ага, — приговаривал я, собирая массивную винтовку.

После сбора оружия, проверил-таки утверждения куратора. Двигатель действительно не заводился, ноутбук и смартфон не включались. Не обманули — техника и электроника полетели. Ладно, сложная электроника, но двигатель — это же механика, почему и она? А было бы интересно, если конунгу Рюрику на смартфоне показать, какой-нибудь недорогой фильмец про него же. Она сколько версий о первом русском князе в конце 20-го века появилось. Если у конунга было чувство юмора, уверен, он бы долго смеялся от некоторых несуразиц историков.

— Ну, что, Шах, я готов, — произнес я, обращаясь к псу, и накручивая глушитель на винтовку, массивное оружие, и переносить ее было бы неправильным, но так же было бы неправильным не вооружиться по максимуму, поэтому прихватил и гранату.

Сборы заняли больше времени, чем я предполагал, и вода почти закипела, пришлось

котелок отставить.

Рассеянный я какой-то, берусь за дело, бросаю его, хватаюсь за другое. Прежде всего, необходимо думать про безопасность, а уже потом все остальное. Копать начал, лучше бы осмотрелся, куда уже торопиться, я уже «приплыл».

До ближайших деревьев было метров восемьсот-девятьсот. Вокруг все спокойно, только темнело, день переходил в вечер — не критично, в бинокль встроен прибор ночного видения. Нужно, по крайней мере, посмотреть местность на предмет техногенной обстановки, может в леску кемпинг с окурками и пластиком, а я тут что-то себе надумал. Желательно найти и какие-либо следы деятельности человека — уже по спиленному дереву можно многое понять об уровне технологий. Ну, и зверье интересовало. ПНВ не работал!

— Твою маковку, — выругался я, пытаюсь переключить бинокль на ночной режим. — И это навернулось!

Разведка местности заставила задуматься. В редком лесу и рядом с ним на снегу было много отпечатков толи лап собак, то ли волков. А у меня кони... Вокруг степь. Так что нужно быть начеку. Нашел я и что-то похожее на следы конских копыт, немало, но вдруг это лоси, или дикие лошади, когда-то и таких хватало.

Вернувшись в свой маленький лагерь, и в очередной раз, накормив «зоопарк», я решил перестраховаться от ночных гостей. Вокруг своего лагеря, я разлил драгоценнейшую горючую жидкость. Если волки бросятся в атаку, она разгонит их и даст света для возможности отстрела хищников. Вооружившись всем, чем можно, и активировав грелку на основе карбида и чего там еще, улегся в палатку. День выдался трудовым.

Ночью меня разбудил лай Шаха и ржание коней. Я же перевернулся и попытался, не обращая внимания на раздражители, продолжить сон.

— Какого черта? — выругался я, когда в очередной раз вздрогнул от пронзительного лая пса, и услышанного воя.

Сознание не могло сразу переключиться на реальность. Не было понимания, где я и почему режет уши эта какофония звуков. Телевизор не выключил?

— Стоп! Вой!

Резко сев в уютной палатке, укутанный в теплый спальник, я протер глаза. Проверил пистолет, нащупал винтовку и топор в углу палатки, после быстро выскочил и увидел на белом снегу фигурки серых то ли собак, то ли волков, они уже окружали навес, сооруженный для коней. Вокруг моих копытных спутников как юла крутился, лаял и скалился Шах.

— Зажигалка, — сказал я сам себе и быстро зажег бензиновую горелку, после бросил ее в место, где была разлита горючая смесь, не озаботившись тем, что зажигалка может испортиться.

Ослепительный свет и резкий жар заставил волков попятиться назад, но два хищника остались внутри огненного кольца.

Так, снять с предохранителя, прицелится.

— Хлоп, — почти беззвучно прозвучал выстрел из винтовки с глушителем.

Мимо! Меня нешуточно лягнуло в плечо. Резко вспоминал уроки стрельбы, которые удалось взять перед переносом. Вот только обстановка не предполагала возню.

— Да ну, так и патронов никаких не хватит, если мазать, — прорычал я, отбросил винтовку и кинулся на ближайшего волка, прихватив топор.

Замах. Удар. Визг. Трофей в виде волка. Шах резким прыжком бросился на второго зверя, и они закрутились. Я подбежал, но никак не мог приноровиться, чтобы ударить

топором волка, который одерживал победу над моим еще молодым псом. Только, когда волк свалил Шаха и навалился на него сверху, мне удалось подрубить волку заднюю лапу. Вдали послышался вой десятка хищников, от которого стыла в жилах кровь.

Оторопь. Взгляд на волка. Глаза полные понимания и боли. Зверь ждал и осознавал, что из хищника он превратился в добычу. Удар. Смерть и взгляд укора от таких человеческих глаз. Ком подкатил к горлу.

— Если я попал в средневековье, и меня так будет мутить от смерти хищника, как быть с людьми? — бормотал я. — Так, собраться — стая рядом! Пистолет, где же он?

Вбежал в палатку и нащупал новое оружие, которым я умел обращаться лучше, чем винтовкой. Прицел. Небольшое упреждение. Вдох. Мягко выжать спусковой крючок. Выстрел. Трофей!

— Вот так, нечего сопли жевать. Я живой и жить хочу. Я сильный и по праву сильного, — прокричал я и начал выцеливать следующее серое пятно, суется на белом снегу в метрах шестидесяти.

Горючее уже прогорало, преграда от волков могла вот-вот исчезнуть. Снова вой. Волки метались, не понимая, что происходит — стая уменьшалась, а добычи не было.

— А если так, — проговорил я и открутил длинный глушитель. Все же интересно было и время, в которое я попал.

Если это современность или, скажем поздние периоды истории, то волк должен знать и бояться звука выстрела. Это я позже понял, что зверь может испугаться и просто громкого звука.

— Твою мать! — прорычал я, когда очередной раз промахнулся.

В ушах стоял звон. Кони дернулись, волки попятились назад, но я не увидел реакции, кроме непонимания, происходящего у хищников. Вероятно, волки не знают огнестрела. Хоть что-то.

Дальше начался отстрел. Сплошная тренировка. Я выцеливал очередного волка и стрелял. Каждый второй выстрел попадал в цель, пока не закончились два магазина, а оставшиеся четыре волка спешно отступили.

Шах уже немного оправился, но с его передней лапы сочилась кровь. Перевязав терпеливого пса, который только тихо поскуливал, я пошел собирать трофеи.

Свежевать волков было сложно. Знать, как и уметь, — разные вещи. Вымазался, рвота подступала, но я не сдавался. Было необходимо себя тренировать. Если попал в стародавние времена, к примеру, в неолит, времен неолитической революции, бронзовый век, с приходом индоевропейских племен, то изнеженность — путь к провалу. Как и провальным было бы оставить волков без свежевания, может, шкуры еще для чего пригодятся.

После, снарядив сани, я запряг Орла, как назвал английского тяжеловоза, подвязал Араба, соответственно арабско-ахалкетинского жеребца, законсервировал и прикопал платформу. Путь предстоял на Север.

Выбор направления был, как по мне, очевидным. Степи в России находятся южнее, леса и пахота на Севере. На протяжении большого периода истории по степям шастали все, кому не лень: скифы, гунны, авары, сарматы, печенег, болгары. Список можно продолжать еще долго. Договориться с любым представителем кочевого народа для меня будет многим сложнее, чем со славянином, русом или даже варягом. Дело не только в языковой проблеме, хотя и в ней тоже, а еще в том, что лесная, равнинная, пашенная цивилизация для меня ближе, понятнее.

Взял в сани то, что могло испортиться, и что, на мой взгляд, было необходимо в период становления. Все семена, которые были упакованы в контейнер, положены в ящик, прикрепленный к одному боку телеги. Второй ящик вместил арбалет, винтовку, укутанную в войлок, часть патронов и четыре барабана болтов к арбалету. Картошку укутал так же в войлок и уложил к другим семенам. Взял саблю, немного продуктов, с килограмм серебра и немного золотых монет, часть зеркал и еще по мелочи. В санях ехать пришлось весьма компактно, стесняя себя барахлом.

По всей дороге я периодически делал пометки с указанием направления компаса — было бы обидно впоследствии потерять дорогу к своему кладу. Все чаще стали встречаться пролески, которые переросли в лиственный лес. Уже когда начало смеркаться, заметил человеческие следы. Идти по ним не стал, пришло время обустройства ночлега, благо недалеко показался удобный для бивуака холм, скрытый с двух сторон лесом. Даже зверью будет сложно залезть. Подход к вершине возвышенности был только с одной стороны, которую можно и обезопасить. Вырыл уже в потемках небольшую яму с заранее подготовленными заостренными кольями. Подумал и поставил две растяжки. Гранат было только три, а всего взял в «переход» двадцать штук.

Ночь прошла спокойно, Шах спал со мной в палатке и даже не вылез ни разу за ночь. Наутро быстро собрались, снял растяжки, присыпал волчью яму, и поспешили в путь. Корма для живности осталось максимум на два приема, и вот это — проблема номер раз. Если мы с Шахом как-то могли пропитаться — зайчишки попадались периодически, то, как с конями быть, понятия не имел.

Шел вдоль леса, не углубляясь в чащу, стали попадаться и отпечатки полозьев от чужих саней, благо уже два дня было ясное небо и следы читались хорошо. По периоду, куда я попал, подобные наблюдения ничего, кроме того, что время не техногенное, не говорили. Но факт — я все же ПОПАЛ!

— Шах! Смотри! Дым! — радостно вскрикнул я и осекся. Ну, никакого самоконтроля.

Внимание аборигенов ко мне было бы лишним. Нужно осмотреться, принять тактику социализации, или элементарного общения, определить речь, степень агрессивности среды.

— Шах! Охраняй! — сказал я, выискивая арбалет.

Так, рычаг, барабан с болтами. Пистолет под куртку.

Спрыгнув с саней, я пошел в сторону виднеющегося дыма. Тихо с максимальной осмотрительностью я передвигался по лесу, высматривая, откуда же мог быть дым, держа арбалет наизготовку.

— Не выдюжим! Первак уходи! — отчетливо услышал я.

Лес наполнился звуками, в которых слышались отголоски борьбы. Уже не страшно быть обнаруженным, я поспешил на шум. Через пару минут выбежал на край небольшой поляны, где стал свидетелем драматических событий. Под лапами огромного медведя находился человек, который казался сильно израненным. Мужчина сжался в комок, видимо, отчаявшись. Рядом с этим человеком, которого было сложно рассмотреть из-за порванной в клочья одежды и обильно вымазанного в кровь, скорее всего, свою, был еще один мужик, который пытался достать зверя большим копьём, такое на Руси чаще называли рогатиной.

Мое оцепенение прошло, когда хозяину леса удалось отбить лапой копьё, мужик не смог удержать древко рогатины и остался безоружным, смотря в след отлетающего копья. Медведь, оставив без внимания предыдущую жертву, рванул к новой. Я снял арбалет и прицелился. Расстояние было не более сорока метров, что позволяло надеяться на пробитие

плотной шкуры зверя.

Вдох, выдох! Выстрел! Болт устремился, как мне казалось в шею медведя, однако результат был не столь обнадеживающим, распоров кожу, наконечник прорезал у медведя лишь правый бок. Подобная рана не могла стать смертельной для крупного хищника, однако, и приятной для мишки ее назвать тоже нельзя. Разъяренный хозяин леса обратил внимание на новую опасность и, как будто, прищуриваясь, начал рассматривать поляну в моем направлении. Быстрая перезарядка арбалета позволяла надеяться на еще несколько выстрелов, даже в условиях атаки зверя, и я не медлил. Выстрел! Болт попадает в правую лапу зверя. Выстрел! Мимо! Надо же было промахнуться в такую громадину! Выстрел! Болт прочерчивает кожу в районе груди, однако, не входит в тушу. В это время медведь получает удар рогатиной в шею. Второй мужик не тратил время, успел не только подобрать свое оружие, но и сноровисто и прицельно ударить отвлекшегося зверя в уязвимое место. Я же сделал несколько шагов в сторону раненного хищника и выстрелил. На этот раз попал картинно — в глаз! Смертельно раненый хозяин леса еще призывно прорычал и окончательно свалился на бок, подергивая в судорогах задними лапами.

Мужик сразу же бросился к раненному товарищу, который, в установившейся тишине тихо постанывал. Осмотрев раненого, мужик перекрестился. Это действие можно было растолковать двояко: или он уже прощается с человеком, или же благодарит Бога за спасение.

Я же немного замешкался, рассматривая мужика, который стал разрывать лохмотья на своем товарище. Мужчина был невысокого роста, может сто шестьдесят пять сантиметров, или того меньше, однако широкие плечи виднелись даже через одежду. Он был с бородой, однако, коротко пострижен, да и борода была стрижена, выглядела, по крайней мере, ухоженной. Из оружия была рогатина, которая все еще торчала в медведе, на поясе висел топор и меч. На кромке поляны рассмотрел и сложносоставной лук.

Какие выводы можно сделать? Точки бифуркации были разные, но их не так и много. Изучая этот вопрос, я насчитал около пятнадцати судьбоносных событий, что изменили историю, семь событий из списка относятся к XIX–XX веку. Отсутствие огнестрела и наличие меча уже исключало как в большей степени XIX, так и XX век. Исключил я и XVI век, как и большую часть следующего столетия, так как ножны от меча были ну явно не периода становления Российской империи. А вот XV век исключать бы не стал окончательно, но скорее всего не в этот период я попал. Уже во время Иванов, как третьего, так и четвертого сабля стала основным холодняком. Мог ли какой крестьянин сохранять старый клинок? Мог, но вряд ли. Да крестьянин, не мог иметь такое оружие вовсе.

Сузим вероятный промежуток времени еще, исключая время Рюрика по причине наличия явных христиан. Исключаются и более ранние периоды. Оставим, как наиболее вероятными время перед монголо-татарским нашествием и Куликовской битвой.

— Кто таков? — спросил подошедший мужик.

Я так увлекся своими размышлениями, что упустил из вида происходящее. И вот я уже в метре от притупленного меча, наставленного в мою сторону. Мужик выглядел или, скорее всего, старался выглядеть, строгим и грозным. Был он молод, даже достаточно густая борода не могла состарить лицо. Русые волосы, нос картошкой, в целом самое что ни на есть славянское лицо, которое иногда нарицательно называли «рязанское». Удалось рассмотреть меч, извлеченный из ножен. Это был рубящий клинок позднее XI-го века, но никак не раньше XIV. Если использовать прикидки исторических событий, то меня могло выкинуть в

период монголо-татарского нашествия, или чуть раньше.

— Я Корней, Владимиров сын, — ответил степенно я, глуша в себе волнения.

А ну, как ползет в драку? Кто его знает, все ж — менталитет средневековых русичей. Тут и знание истории подвести может.

— Если с добром ты, то спаси Бог за помощь и спасение, — произнес нарочито официальным тоном мужик.

— А ты кто будешь, мил человек? — спросил уже я.

Нельзя помыкать собой и уходить в глухую оборону оправдывающегося человека. В конце концов — это я спас и его и друга, или кем они там друг другу приходятся.

— О как! Мил человек! Токмо мы не миловались с тобой, чай не девка, — сказал мужик и откровенно рассмеялся, по-детски, самозабвенно.

А я почувствовал себя юмористом. Уж клоуном называть себя не стал. Вообще все происходящее я воспринимал, как некую компьютерную игру с максимальным погружением. Вот сейчас разговариваю с неписем, а до этого завалил локального босса. Мозг наотрез отказывался воспринимать действительность, как реальный мир. Скорее всего, это была защитная реакция организма, чтобы не помутиться рассудком.

— Ты, это, самострел свой кидай! — неуверенно скомандовал мужик.

Я стал быстро разбирать арбалет, отстегивая барабан с последним болтом.

— У-у, прытки какой, степенно убирай, не суетись, — скомандовал неприветливый абориген. — У лесу как тать таишься.

— Так я не тать, — сказал я, медленно поворачиваясь, думая, как украдкой вытащить пистолет.

— Да, кто ж тебя знает, ты кидай самострел, — уже скорее попросил бородач и пристально впялил в меня взгляд. — Одежда чудная, самострел такой, ты воин?

— Убери меч, греха брать на душу не хочу, поговорим спокойно, без оружия, — сказал я, нащупав пистолет, снял его с предохранителя.

— Ну, коли не тать, так сказывай, кто есть! — потребовал мужик.

— Так, сын своего отца, Корнеем кличут, — сказал я, старательно пытаюсь встроиться в манеру разговора. — Дурного от меня не будет, а своего не отдам. А ты кто есть?

— Так, Первак я. Вот зверя брал, — задумчиво проговорил мужик.

— То, что охотник ты, я понял, медведя почти что сам взял, — намекнул я на то, что спас его от зверя.

Мужик почесал затылок. И выглядело это так наивно, такой жест как бы просил прощения.

— Скажи, а где это я, на чьих землях? — задал я уже предметный вопрос, а то долго можно топтаться на этих «Ты кто? А ты сам-то кто?»

— Дык, эта, мордва тут живет, земли родов мокши. Чудна одежда твоя, отрок, — мужик отставил меч в сторону и взялся мять левой рукой материал куртки.

Ясно — все же время перед монгольским нашествием. Не обманули благодетели. После 1238 года эти земли уже стали Золотой Ордой. Конечно, могут и в конце XIII века мордву так называть, но хроноабориген тогда обязательно должен был упомянуть про Орду.

— А на Калке то сеча была? — задал я уточняющий для меня вопрос.

Мужик завис.

— Не ведаю, мы живем тут, в Ростов, да в Суздаль, в Городец ездим, мы, эта... города такого Калка не знаю, — Первак стушевался и говорил слова, словно выучил стишок в

школе, но без всякого выражения, пару раз даже закатывая глаза, словно вспоминая нужные слова.

Нужно брать бразды разговора в свои руки, а то простоим как татары на Угре. Все в принципе ясно. Илларион Михайлович говорил о времени битвы на Калке как один из периодов для перехода. Другой ближайший период — время Дмитрия Донского или призвание Рюрика. Меч дает хронологию, как и отношение к религии аборигена. Следовательно, битва на Калке либо только прошла, либо в этом году будет. Первак может и не знать, видимо, они живут уединенно, в политику князей не лезут, да и знать о небольшой речке Калке не должен.

— А пошли, Первак, хлеб преломим, — сказал я и показал направление, где находился мой лагерь. — Давай друга твоего на сани положим, да раны посмотрим, а то кровью истечет.

— Так это, Третьяка нужно к огню, в дом его нужно, — сказал мужчина и стушевался, как будто военную тайну раскрыл мне.

Простота парня подкупала, но пистолет все же я еще раз проверил. Первак с интересом посмотрел на мое оружие, но кроме своего очередного «Чудно» ничего не сказал.

Быстро и сноровисто сделав волокуши, Первак без моей помощи уложил, как оказалось, своего брата Третьяка. Я не долго оставался в стороне и также впрягся в тягло, что значительно нас ускорило. По мере движения по оставленным мной следам, Первак не отводил глаз, следя за каждым моим движением. И я был уверен, что он готов к любым вывертам. Станный охотник. Ухватки как у воина, или, точнее, казака.

Подойдя к моему зверинцу, Первак проявил настоящее детское восхищение. В XXI веке так удивляться не умеют.

— Какой лютый! — приговаривал мой первый знакомец, обхаживая Орла. — Таких больших коней и не видывал я!

Интересно, что Араб меньше заинтересовал хозяйственного мужика. Может потому, что похожие кони на Руси были? Ахалкетинская, как и арабская, породы древние. Ох, и сложно мне будет оставить коней при себе!

Уложили Третьяка на выстеленную шкуру, возле которой Первак стал быстро собирать хворост на костер, раненный постанывал, выглядел не критично, но в разговор, не вступал. Я раздел Третьяка, так, кажется, его называл Первак, начал осматривать раны. Ни разу не был врачом, но имел дело с разными ранениями. В армии разок довелось шпопать сослуживца, а на реконструкторских форумах чего только не было.

Прежде всего, я уколол обезболивающее, Первак в момент укола вновь обнажил меч, пришлось успокаивать его. Потом я смочил чистую тряпицу спиртом и стал оттирать кровь с тела уснувшего мужика. Обезболивающее подействовало на него, как снотворное. Оказалось не так все ужасно, как выглядело до оттирания крови. Две раны. Одна в районе ключицы и открытый перелом левой руки, остальные повреждения были больше глубокими царапинами. Вправил кость, обработал рану на руке, засыпал стрептоцид, зашил, перебинтовал. Дальше обработав рану на ключице, зашил и ее. После чего зафиксировал руку двумя обтесанными Перваком палками и еще обмотал бинтом, охватил тряпкой руку и шею. Закончил свои действия уколом антибиотика общего действия.

— Жить должен, — ответил я на невысказанный вопрос Первака, который не проронил ни слова, пока я занимался его братом, если не считать нашу перепалку перед уколом.

После моих слов, парень рухнул на колени и стал истово читать молитвы. Я посчитал,

что тоже должен это сделать, чтобы было поменьше вопросов, и также прочитал «символ веры» и «отче наш», больше я молитв не знал.

Ну а после минут двадцати моления, я пригласил Первака перекусить. Во все времена совместное употребление пищи okayмлялось неким мистицизмом. Сложно считать человека врагом, с которым только что ел, это должно быть еще более актуальным в прошлом.

Я достал завернутую в тряпицу снедь, и начал готовить «полянну». Первак уставился на еду замороженно. Даже пришлось его отвлечь псом, чтобы быстро разорвать вакуумную упаковку с ветчиной.

Тут пришел в себя Третьяк и замычал, прося воды. Вот же родители не заморачивались с именами! Но у них и православные имена должны быть, а не только порядковые.

Первак накинулся на еду, и стал жадно есть, уже с набитым ртом отошел на шаг от саней. Я подумал, что он ждет меня, приглашая к обеду, а я просто не успевал за этим ухарем что-то взять. После того, как я подошел и взял ломоть мяса, Первак вновь навалился на еду.

— Спаси Бог, — сказал Первак и отошел от саней. — Приди и ты к нам хлеб преломить коням корма дать, да отдохнуть с дороги.

— Благодарствую, — сказал я, а кланяясь не смог скрыть улыбку.

Социализация началась. В принципе на хороших позициях. По сути, я спас братьев от смерти. Это Первак должен осознавать. Также в мою пользу и врачевание его брата, дай то Бог быстро пойдет на поправку. Что-то я стал часто вспоминать о Боге, внедряюсь в эпоху?

Дорога оказалась не долгая. Километров пять вглубь леса, благо лес был редким, и петлять пришлось не много. Идти пришлось пешком, на сани положили Третьяка, ехать же на Арабе, когда абориген идет на своих двоих как-то не очень, тем более что статус Первака, как и его сословие, так и не были выяснены. Да и посмотреть на передвижение этого охотника было познавательно. Шел он тихо, с пятки плавно передвигались на носок, не цепляя ни одной ветки. Осознавая свою наивность, что в лесу я был бесшумным, невольно пытался подражать охотнику, вот только выходило откровенно не очень.

— А чего ж в лесу живете? — спросил я, когда среди деревьев наш небольшой караван выкатился на поляну, где было пять строений, окруженных небольшим частоколом, в центре была достаточно большая изба.

— Так, с лесу живем, с лесовиками дружим, — объяснил парень, с тоном как будто разговаривал с неразумным дитем.

Нас заметили сразу, и на край частокола вышел рослый, не чета Перваку с Третьяком, мужик. Седина бороды была сдобрена иссини черными прядями. Прямо мелирование какое-то. Может, здесь средневековый барбер шоп имеется? Борода ухоженная, шуба накинута на могучие плечи поверх длинной рубахи. В руках держал топор, который был явно воинский с длинной под метра полтора рукоятью, мужик был опоясан недешевым ремнем с блестящей пряжкой и с костяными узорными накладками.

— Отец, — Первак обратился к мужику, при этом изобразил почтительный поклон.

— Вы только под утро ушли, и уже возвращаетесь раненные? Говори, Первак! — строгим голосом сказал, видимо, глава семейства.

Пусть говорил и Первак, пересказывая события, частью которых я был свидетелем, но некий «отец» посмотрел только в мою сторону. Голубые пронзительные глаза впились в меня. Рентген, не иначе. Я поклонился, но первым обратиться не стал, даже после того, как Первак закончил свой сбивчивый рассказ. Уважение к сединам, да и внушительный, уверенный, вид мужчины фамильярность не предусматривали.

— По добру ли пришел, молодец? — обратился ко мне строгий мужик, продолжая просвечивать взглядом.

— По добру, Спаси Христос, — ответил я и поклонился, учтиво, но явно менее глубоко, нежели Первак.

— Кто таков будешь?

— Отец мой достойный человек, а мать была красива и мудра, жили во Христе они, — я нарочито перекрестился по православному, старообрядчески.

— Так, так. Проходи в дом, а зброю вон энтим отдай, — сказал мужик и показал на Первака и еще одного мужика, подошедшего к нашей компании.

Я отдал кинжал, саблю, но пистолет держал наготове. Понятно, что с оружием незнакомого человека в дом пускать опасно, но если я какого боярского рода племени, то не урон ли чести отдать клинок? Нужно было сразу представиться боярином. Ладно — все спишем на разницу в обычаях, я же не местный.

В доме, том, который был в центре хутора, рассмотрел подошедшего последним еще одного мужчину. Он был больше похож на седобородого, чем и Первак и Третьяк вместе взятые, поэтому я не сомневался, что это был еще один брат. Высокий, статный, развитая мускулатура просматривалась и свозь длинную безразмерную рубаху. Меня жестом, взмахом руки, пригласили в дом, а следом в помещение прошли сыновья, неся на шкуре Третьяка.

— Садись отрок, — пригласил меня сесть глава семейства, жестом указывая на лавку.

Дом был просторным с двумя комнатами. Квадратов так на сорок, вытянутых в форме прямоугольника. Пола не было — только земля. Мебель была представлена большим столом посередине и многими лавками вдоль стен, в двух краях большой комнаты располагались обложенные булыжниками очаги, возле которых были открытые оконца. Еще два узких окна были заколочены. Да и окнами назвать эти отверстия было сложно — бойницы. Я предполагал, что окна на Руси закрывали слюдой, но, видимо, не везде. Да и отсутствие традиционной русской печи! Нет, я знал, что ее время еще не настало, но так по-черному топить?.. Не правильно!

Мне указали на лавку, но сами не присели. Как зверушку рассматривали.

— Чудно! — сказал седобородый.

— Корней, — сказал я, встал и поклонился в пояс.

Вроде как с почтением.

— Божана, вынеси Корнею меду, — сказал Войсил.

Из второй комнаты с глиняным небольшим кувшином вышла миловидная девушка лет восемнадцати. Лицо все красное, коса по пояс. Вся такая стеснительная, по фигурке, о которой можно с большей степени только догадываться из-за многих одежд, была очень даже интересна, по-женски развита. Девушка не была похожа ни на кого из семейства, черноволосая, с легка раскосыми глазами, но между тем и славянскими чертами лица, курносый носиком и прямо ведьмовскими глазами, которые так и блестели огнем. Одного ее мимолетного взгляда хватило, что бы я покрылся мурашками. Если девушка смотрела не в пол, а на меня — утонул бы.

Молодое тело отозвалось таким всплеском гормонов, что я пошатнулся. Напряжение знакомства с аборигенами и в целом ситуацией сменилось на другое, извечное, что между мужчиной и женщиной. А ведь раньше не припомню за собой такого. Или с годами память притупилась? Нельзя же списывать тот океан страстей, что бурлит внутри меня, только на желание секса?

— Спасибо, красавица, — «дал петуха» я в голосе.

Принял из рук Божаны, так же ее называли, кувшин и жадно начал пить слегка сладкую слабоалкогольную водицу. Девушка зарделась и убежала.

— Н-да, — сказал глава семейства и почесал бороду. — Плохо девке. А ну сыны, баню натопите, да Божане наказ дайте, чтобы снеди принесла. А ты, Корней, не бойся — в этом доме обиды тебе не будет. Только расскажи, кто ты, да откуда.

Сыновья разбежались то ли распоряжения выполнять, то ли просто оставили меня с главой семьи для разговора наедине. Пришлось разговаривать под похрапывание Третьяка, который был уложен на большую лавку, засланную медвежьей шкурой.

Еще раньше я думал о легендах как объяснять обществу свое происхождение. Для первой половины XIII века я посчитал, что чем больше невероятного, тем больше стану интересным аборигенам. Смысл всего сказанного был таков...

— Сам я Корней, сын Владимира. Отец мой словенского рода полабов, что живут на западе от ляхов...

Своей легендой я пытался добиться решения нескольких задач. Первое мне нужно было как-то объяснить возможное мое невежество и некоторые словечки, которые могут проскочить. Ну не средневековый я лингвист. Следующая задача схожая с первой — мое оружие, которое явно выбивалась из производственной линейки местных оружейников. То же самое и с некоторыми вещами. К примеру, как мне было объяснить, если любопытные аборигены посмотрят в бинокль?

История моя выглядела следующим образом. Я сын полабского воеводы. Мою мать, братьев и сестру убили немецкие рыцари. Обязательно про сестру рассказать — больше сострадания, чем больше у собеседника вызвать эмоций, тем меньше разума в нем останется. Отец с остатками своей дружины влился в войско другого представителя германской средневековой аристократии, конкурирующей, так как сказать, фирмы. Уже с этим сюзереном отец участвовал в междоусобной войне против своих обидчиков. А после победы с группой безземельных рейтаров влился в отряд, который стремился добыть славу в очередном крестовом походе, куда взял и меня. Так, я попал на войну католиков против мусульман, но сам всегда был православным. Отец погиб, и я со скарбом бежал, заплатив армянину, который и помог мне выехать на Кавказ. Армянин и его два помощника погибли от моей руки, когда попытались ограбить и убить.

Больше года я пацаном четырнадцати лет прожил у аланов, где даже поучаствовал в клановой войне. Когда мужчины селения ушли мстить другому роду, за какую-то обиду, на нас напали и многих посекали, но я убил одного алана, забрал у него коня и смог удрать. Пошел я дальше через земли половцев к венецианцам в Крым, там прожил еще год, познавал науки, учился ремеслу. Но умер старый мастер, который знал много премудростей, а его семья меня выгнала. Вот оттуда я и ехал на Русь, как завещал мне мой отец, который и среди западных схизматиков всегда был веры православной.

В избе было молчание, и глава семейства заворуженно слушал, а симпатичный носик девушки чуть виднелся из соседней комнаты, или светлицы. Такой блокбастер для тех, кто знает округу и считает, что километров через триста-четырееста и вовсе кончается мир, был в новинку, как сказка. Но, я поторопился с выводами.

— Добре баешь, кот-баюн! — сказал Войсил, так представился глава семейства.

Он разгладил бороду и задумался. Пауза длилась не меньше минуты.

— Как православный с схизматами в одном войске воюют? И в каком таком походе был

твой отец? Когда лыщари Царьград взяли? А ныне эллинов в латинскую веру обращают? А по половецкой земле хаживать, как по княжим палатам? Так годами не вышел ты! — сказал глава семейства и вновь разгладил бороду. — Свезло тебе, отрок, чай Мокша сама вела, прости господи.

Я замер. Да заврался я, но здесь не привыкли ко лжи, стараются верить, наверное.

— Отец мой хотел богатство найти в сарацинских землях, потом сам собирался идти на Русь и податься в бояре к князю. Он нанимался к сарацинам и охранял паломников в Святую землю, — сказал я.

Лучше в патриархальном обществе ссылаться на мнение старшего. Был же я еще ребенком, выходило, что отца убили, когда мне лет тринадцать стукнуло. Знать взрослые дела и мотивы было мне, как сейчас бы сказали, «невместно».

— А после ты, отрок, у схизматов наукам и ремеслу учился. Венецианты те, это кто Царьград брал? — спросил Войсил и сам же ответил. — Византийца обойти у коварстве? Ох лукавы те схизматы... А ремесло какое знаешь?

— Стеклодувное, помогал лить железо, самострелы делал, — начал перечислять я ремесла, в которых хоть что-нибудь понимал, или прочитал перед переходом.

— То добре, только самострелы супротив лука хилые, — задумчиво произнес Войсил. — А ты и биться горазд? Вторак, а ну ка мальчика спытай.

Приплыли. Нет, я на ристалищах на реконструкции бывал и многих бивал, да и каратэ там всякое постигал, что в подвалах еще Советского Союза прятали. Сейчас так и здоровье на высоте, думаю и реакцией не обделен.

— Так, это мы быстро, — сказал Вторак. — Отец, а бой смертный, али как?

— Давай на деревянных мечях, — сказал Войсил. — Мальца не припей. Иш ты, ремесло он ведает!

Вышли во двор. Войсил дал деревянные мечи.

Ну, что ж, попробуем. Встали, я поклонился, на что недоуменно посмотрел Вторак, но голову слегка склонил.

— Бой, — скомандовал Войсил.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Вторак занес меч над головой и попытался со всей силы ударить. Парировать такой удар я бы не смог и ушел влево, пытаясь поднырнуть и кольнуть в бок соперника. Успела промелькнуть мысль, что Вторак обращается с мечом как с оглоблей, но он резво успел развернуться и заблокировать уже мой удар с шагом назад. Инициативу мой соперник потерял. Я подбил меч Вторака, и пока он по инерции возвращал свою руку, слегка опущенную моим ударом по мечу, полоснул по кисти своего соперника. Деревяшкой это было терпимо, но, если представить отточенное лезвие, то соперник уже бы лишился нескольких пальцев, а то и самой кисти. Но бой не завершился. Вторак отпрыгнул на полтора метра назад и сделал три боковых замаха мечом, видимо, пытаясь, то ли запутать меня, то ли напугать. Последовал резкий удар соперника снизу вверх с одновременным шагом навстречу. Сложный удар и заблокировать его непросто, но я и не старался это сделать. Мой рывок вперед дезориентировал соперника. Прокручиваюсь против часовой стрелки... Хрясь! Удар локтем в челюсть и Вторак попятился. Я не предпринимал никаких действий. Понятно, что нокдаун противника позволил бы мне одержать победу.

Вторак же заревел как зверь.

— Хватит, — прокричал Войсил. — Видел. Добре. Вторак, в баню отведи гостя, да снестать будем.

Глава семейства развернулся и пошел. Вторак, держась за челюсть, подошел и бросил передо мной свой деревянный меч.

— Идем, Корней Владимирович, баню уже истопили, — сказал через боль бывший соперник и указал на небольшую избу в самом углу хутора.

Баня была небольшая метра два на три с лавками по бокам и печкой-каменкой в дальнем углу. Рассмотреть же весь этот не хитрый интерьер представлялось сложным из-за дыма и пара, клубящегося внутри.

— А вы париться не будете? — спросил я раздеваясь.

Вторак задумался над моими словами и только через паузу ответил:

— Да не.

Я начал раздеваться, но мой «банщик» уходить не собирался, а с выпученными глазами смотрел на мою одежду.

— Ну? — спросил я, зыркнув на Вторака.

Раздеваться под таким присмотром мужика лет двадцати не хотелось. Вряд ли здесь слышали о тенденциях в определении гендерных пристрастий конца двадцатого века, но дискомфорт ощущался.

— Чудно, — прошипел Вторак и вышел.

Присев на лавку я попробовал расслабиться телом, но напрячь мозги. Все смешалось, и рационально мыслить не выходило. Нужна мотивация, как-то определить свои цели, что не болтаться по жизни, словно что-то в прорубе. Жить в чужом, пока чужом, мире без хотя бы краткосрочных целей нельзя. Это не потребительский мир, из которого я пришел, где главные дороги человека находятся по направлениям к холодильнику, телевизору и туалету. И в покинутом мной мире есть люди с более широкой географией, чем я только что сказал, но это, как мне кажется, уже меньшинство, которое все-таки умудряется толкать прогресс.

Зачем я здесь? Нет ясно, что вторая жизнь, что помог сыну, которого видел только

издали, что все это воспринимается пока как игра с погружением. Было и восприятие, что все это сон. Но все же без цели я прожил прошлую жизнь, эту нужно иначе, но как? Спасти Русь от монголо-татар? Я один, даже со всеми своими «роялями», очень слаб. Нет, не получится. Дело ведь не в проигранном каком-то сражении, а в системе, которая, как ее не подпитывай, не способна противостоять активным дисциплинированным ордам.

Так для чего? Ну, внедрю я картошку и кукурузу на лет так шестьсот раньше. Нет, это уже — какая-никакая, но цель. Там где урожай зерновых погибает, картошка чаще всего дает неплохие урожаи. Значит, заделаться таким аграрием — экспериментатором. А еще пушку сделать, да как бабахнуть. Отлично, но церковь к-а-а-а-к объявит колдуном, да к-а-а-а-к даст погреться на костре. Но состав пороха я все же записал. Думать крепко нужно.

Понимаю я то, что Русь в таком виде, как в начале XIII века, слаба системой, но сильна людьми. Направь этих людей в нужное русло и взрыв цивилизации и государственности будет такой, что все соседи содрогнутся. Значит цель — централизованное государство? Может быть, если будут условия созревания самой идеи. Я же не князь и армии не привел, вундервафлю не перенес, почти что, так, сравнительно, по мелочи. Боеприпасы закончатся очень быстро. Но, как говорится, будем посмотреть. Первое — как-то освоится. Купить землю, холопов, или заключить ряд со свободными крестьянами, начать заниматься сельским хозяйством. Второе — создать производство чего только смогу, исходя из реалий времени. Третье — на полученные ресурсы, которые в любом случае захотят отобрать, создать систему безопасности. Пока так.

Мысли перенеслись на этих странных лесных людей, которые меня приютили. Чего они от меня ждут? Может уже Шаха прибили, да коней делят, а меня в бане запрут, да подожгут? Но если никому не доверять и обходить всех людей стороной — много получится в новой жизни? А к князю на поклон нужно идти, если собираюсь крепко встать, а не ходить за плугом, которого и не используют, поди, ну, за сохой да ралом тогда. Думается, здесь проще попасть к князю, чем в мое время к президенту. Но что он мне скажет? Иди, значит, Корней всех басурман бей — вот тебе золото, моя дружина, ты ведь такой красавчик. Ха, ха!

Пока же, на удивление, хорошо разогретая баня.

— Мать, ш-ш, — прошипел я от резкой боли в груди, а через секунду и в затылке.

Боль нарастала и двигалась вместе с маленькими бугорками, выступающими под кожей. Казалось, что сдерживает эти появившиеся непонятные механизмы лишь тоненькая кожа. А еще только что вылил воды на раскаленные камни, и обдало раскаленным паром, может и с перебором.

— Чужие, твою мать, — вспомнил я фильм, когда в героев внедрялись инопланетные твари, а потом искали выход.

Нащупав двигающееся «нечто» на своей груди в районе сердца, я привстал и стал искать нож, который был вложен в специальном кармане на штанах. Эту хрень я решил вырезать. Боль слегка утихла, но понимание, что у меня под кожей что-то есть и оно двигается, заставляло паниковать. Подержав нож над огнем, насколько хватило терпения, уж очень было горячо, я окунул лезвие в бочку с горячей водой — хоть какая-то дезинфекция. Сделал правой рукой разрез места, где остановилось это «нечто», придерживая «шишку» другой рукой. Крови было не много, и она удивительным способом стала быстро сворачиваться, но этому обстоятельству я тогда не придавал большого значения, не осознал.

— Твою мать, Илларион мать его Михайлович, — выругался я, наблюдая у себя на ладони приборчик. — Так вот как вы отслеживаете меня! А как сигналы идут?

— Да ну вас к черту, — я кинул прибор к горячим камням и, нащупав второй, изъясил и его, чуть подрезав на затылке кожу. Кровь протер термобельем, так как не имел под рукой ничего другого.

Видимо температура в бане градусов под 80 спровоцировала какие-то процессы в моем теле и аппаратура начала реагировать.

— Что? Аппаратура? Она же выходит из строя?! Он говорил об датчиках, я был тогда, как в тумане, не особо мог логически думать. А стоило выяснить, почему эти датчики не выходят из строя при переносе, — сказал я в пустоту, уже догадываясь, почему приборы работали столько дней.

Они внедрились свои датчики в сердце и мозг возможно так, что при их отключении я бы умер. Весьма вероятно, что они убили бы меня, как только сигналы перестали поступать, например, взорвались в мозгу или импульсом остановили сердце. Зачем, в принципе, множить сущности этим экспериментаторам. Как только подопытная мышка перестала приносить пользу — убить, а то вдруг «эффект бабочки» существует.

— Да пошли Вы, экспериментаторы. Вторая жизнь! Да я просто подопытная крыса, — продолжал я моральное самобичевание.

— Корней Владимирович, ты чего злишься! — в баню вошла Божана.

.....

— Давление падает, — истерично закричал доктор, который до этого со скукой посматривал на мониторы.

Первоначально процесс восстановления организма у тайного, но явно влиятельного пациента, шел с более чем положительной динамикой. За менее чем сутки омоложение составило до сорока лет и до предполагаемого результата оставалось не более трех часов, уж слишком запущенный организм был у пациента. И когда дежурный доктор начал откровенно зевать, начались процессы, которые еще ни разу не проявлялись. Омоложение не только замедлилось, но, и прямо на глазах, пациент начал стареть. Появились морщины на только что бывшем практически молодом лице, резко начали изнашиваться внутренние органы. Уже аппаратура показала у пациента цирроз печени и ишемическую болезнь сердца. Здоровые клетки организма клиента перестали восстанавливаться и регенерировать, появились и раковые опухоли.

— Что случилось? — в палату вбежал Шемес. — Ты что, скот, сделал?

— Есть пульс! — не обращая внимания на вбежавшего неадекватного куратора, доктор начал реанимационные действия.

Информация от показателей организма клиента приходила на гаджеты всех заинтересованных лиц, Шамес был одним из самых заинтересованных, так как от успеха зависела его жизнь, и это не фигура речи.

— Пульс есть, но наблюдается резкое отмирание клеток, прежде всего, головного мозга. Процесс вряд ли обратим! — кричал доктор.

— Он должен жить! Или умрем мы и все наши родные и близкие! Ты слышишь? — отвечал другой человек, представившись... без разницы, как он себя сейчас называл, это был Виктор Семенович Шамес, тот самый распорядитель и куратор проекта.

— Все, мы его потеряли, — констатировал ассистент доктора.

Сердце пациента запустилось, но буквально через десять секунд самого сердца практически не стало.

— Что могло случиться? — проорал Шамес, держась за спинку стула толи от

опьянения, толи и ему становилось плохо.

— Датчики донора были уничтожены, и импульс от них перешел к реципиенту, — дрожа, вывалил единственное объяснение случившемуся доктор.

— Отключай его, Корнея этого, пусть сдохнет в своем мире! — заорал Шамес.

Доктор обреченно опустил руки и понурил голову. Он знал, что должно дальше произойти. Понимал, что его вины в смерти пациента не было, но никто и разбираться не станет.

— Убей этого гада! — истошно проорал Шамес, переходя на визг.

Ответа не последовало, и тогда куратор сам нажал кнопку уничтожения донора, как это делал всегда, но после омоложения очередного влиятельного старика. Аппаратура не показала, что донор погиб, но Шамес сильно на то рассчитывал. Они всех доноров убивали до момента разрыва связи. Просто взрывали датчики внутри путешественников во времени. Нельзя было рисковать, ведь до конца так никто и не знал, могут ли попаданцы влиять на современный Шамесу мир.

— Телефон, где мой телефон? — судорожно хлопал себя по карманам Шамес.

Он захотел позвонить дочери и сообщить ей номер основного счета на Фарерских островах, где собрал уже полмиллиарда долларов.

Тут в палату ворвались люди с автоматами. Первым же выстрелом в голову неизвестные вооруженные бойцы закончили жизненный путь Виктора Семеновича Шамеса, двадцать лет работавшего на организацию, о которой и сам практически ничего не знал.

* * *

Василий Шварнович окинул взглядом своих сыновей от второй жены Агафьи. Она была хорошей женщиной, подарившей ему трех сыновей и дочь, но первая жена — всегда в памяти. Остался сын от первого брака, который сейчас на службе у ростовского князя Василько.

Войсил смотрел на эту «троицу» и качал головой — сыновья-погодки, но вот средний оказался самым разумным. Но другой... На ровном месте получить ранение... Но насколько же Первака с Третьяком любит Бог — именно им повезло обнаружить того человека, которого так ищут монахи.

— И как он вам? — спросил сотник сторожевой сотни Василий Шварнович.

— Чудной, на мечях бьется странно, много двигается, конь у него болгарский, да еще не конь, а зверь черный, громадный, что таких коней и не видовал никогда. Я посмотрел его скарб, собака там еще чуть не укусила меня. Вельми много странного у Корнея. Точно, он тот, кого мы ищем, — начал высказывать свое мнение Вторак.

Так повелось, что сыновей Войсил назвал по очередности рождения, но у них есть и церковные имена, зваться которыми они станут только тогда, как в полную силу войдут и покажут себя лучше других. А пока постигают науку воинскую, лесную, да другие нужные в сложном и многогранном деле разведки.

— Невместно, не по чести было смотреть скарб гостя, но ладно, дело важнее наряда и правил, — Войсил окинул взглядом своих сыновей — Да, это он, его монахи ищут, только зачем он им?

— Думаю, что и сам Коней не будет знать, зачем он потребен затворникам. Нельзя его отпускать, — продолжил размышления вслух Вторак.

— А мы и не отпустим! Заприметили, как Божана на его посмотрела? — Войсил разглядел бороду, ухмыляясь.

— Отец, ты все знал и для того и взял с собой Божану? — задал вопрос Первак.

— Нет, вы ведаете, что в наше отсутствие Божану ожидает? Насилие! И мы не поможем. А за кого девку отдать после половецкого полона? — ответил Войсил. — Знамо мне, что Вышемир сватов уже готовил послать, потому и спешили мы уйти, чтобы не отвечать боярину отказом и не побудить того раньше времени начать войну с нами. Ведаете сыны, что в Унже за Ратмира часть воев станет, да якшается он с ушкуйниками, коих так же под сотню буде. Выдюжим? Да, а сколь своих положим?

Василию Шварновичу и самому не нравилась ситуация с Божаной. Он не хотел брать племянницу на важное задание, но дома, в Унже, ее ждет много проблем. Уход сотни Войсила из города и так чреват серьезными потрясениями, уж больно много недоброжелателей расплодилось в Унже, пора их зачистить, иначе и болгарских набегов не нужно, чтобы в городе началась резня.

— Отец, ты желаешь скинуть Лазаря? И подставить этого Корнея? — разгадал планы отца Вторак.

— Коли сосватаем Божану, то и оставим Корнея при себе, пойдем, зачем он так нужен монахам-затворникам и побудим Вышемира и Луку ошибиться и поспешить, за раз можно будет убрать всех татей из города, да самим крепко стать, — спокойно ответил сыну Войсил, он умел принимать сложные решения.

Войсил искренне любил свою племянницу, желал ей добра. Добиться этого счастья для родственницы было сложно. Дело даже не в том, что очень немаленькое поместье перейдет в собственность мужу Божаны, Войсил был богат и имел много земли. Дело в том, что подходящей партии для племянницы не было. Возможные женихи оказывались либо просто трусами, так как после общения с Вышемиром, сразу же давали попятную, либо статусом не вышли. Ну и то, что Божана была ранее полонянкой у степняков отбивало у некоторых желание жениться на «порченной девке», пусть и красивой. Корнея же можно представить, как боярина, да и его кони более красноречиво говорят, что парень не от сохи.

— Отец, ты хочешь войны в городе? Лазаря, Луку и Вышемира воевать? — задал свой нелепый вопрос Первак, который констатировал уже сказанное.

Сыновья в присутствии отца всегда терялись и выглядели глупыми. Так уж приучил Войсил своих приемников, что лучше выглядеть глупо, но все досконально переспрашивать, чем не понять даже малости. Вот и сейчас братья могли бы сами до всего додуматься, но, времени устраивать мозговой штурм, не было.

— Да, так и есть, — кратко ответил Войсил, задумался и позвал Божану, которая в это время была в соседней светлице.

— Дядя! — девушка учтиво поклонилась, показывая покорность.

— Приглянулся гость? — прямо спросил Войсил у своей племянницы.

— Как можно вот так? — не слишком убедительно запротестовала девушка.

— А вот так, Божана, вот так! Муж тебе нужен, Корней боярин, рода за ним нет, останешься под моим покровительством, так же у него добрые кони, развести можно и зело сторговаться, — Войсил прищурился. — Али ты за Вышемира хочешь?

— Дядя! Ты же ведаешь, что сбегу, куда глаза глядят, но за татя Вышемира не пойду! — с вызовом ответила Божана.

— Позволяю, как глава рода и твой дядька, познакомится с гостем, да время выгадать, кабы я самолично посмотрел скарб гостя, уж больно интересен он. Побудь с ним, посмотри какие отметины на теле, может какой знак, али еще что. А буде приставать, так кричи,

Вторак рядом стоять будет, — произнес Войсил таким тоном, что возражения были бы не уместны.

Божана поклонилась и вышла из дома, а сотник лично отправился посмотреть добро, что вез странный гость с собой. Войсил никогда бы не позволил себе такое нарушение гостеприимства, как проверка вещей гостя, но на службе все средства хороши, если они позволяют достичь цели.

Если по поводу проверки вещей гостя совесть Войсила молчала, то относительно Божаны, он внутренне сокрушался. Все доводы о ее сватовстве, которые он привел племяннице Войсил, были, по крайней мере, незначительными, просто парень был нужен еще и самому Войсилу, вокруг загадочного гостя идет слишком непонятная возня и этот ребус сотник должен был распутать.

Даже если не разгадать загадку, то уже тот факт, что у монахов не получилось, радовал Войсила. Он со своим другом и кумом Глебом столкнулись до того неизвестным врагом, тайным, который все больше приобретает силу и становится опасным не только для Ростовского княжества, но и всей Северо-Восточной Руси, а может они уже и до Рязанского княжества и Черниговского добрались.

Понимал Войсил и то, что парень может оказаться своевольным и не пойти под опеку к нему, сотнику сторожевой сотни. Тут нужно чем-то прельстить. Божана и вхождение в далеко не последний по положению род, должны побудить гостя остаться. Тогда выждать время, когда откроются монахи и, может, получится понять, кто стоит за всеми этими тайными играми с князьями, степью и меченосцами.

Неожиданностью для Войсила стало достаточно быстрое и покорное принятие решения Божаной. После того, как племянница побывала в плену и с ней не всегда обходились уважительно, девушка проявляла крайнее пренебрежение в вопросах замужества, и вообще мужчин. А тут согласилась поближе познакомиться.

Решал Войсил и собственные задачи по становлению своей власти в молодом городке Унже, на что уже получил через своего друга Глеба, дозволение у Ростовского князя, да и Владимирский был не против Войсила, тому просто особого дела до Унжи не было.

Так, в городе одним из центров силы был Вышемир, который являлся как с ватажниками, так и с начальством городской стражи, имел долю в грабеже купцов и пришлых в городе. Вышемир и сам был десятником городской стражи. Десяток же этот был уже больше штатного, и с этим нужно было считаться. Божана являлась наследницей крупного поместья, на которое сильно косится сосед — тот самый Вышемир. Уже и сватов собрался посылать — сам же вдовец! Да и Божана сильно тому приглянулась.

Если женить Корнея и Божану, Вышемиру останется только идти на открытую конфронтацию, где можно без угрозы попасть в княжескую немилость, перебить всех людей и Вышемира и его подельников. Есть вероятность, что пострадает и Божана, но ее-то сосед точно захочет оставить в живых для легализации своего положения. А вот Корнея — убьет. Ну, так на эту жертву Войсил пойдет — чужой он! Главное, чтобы до этого найти ответ на главные вопросы: кто такой Корней и зачем он нужен монахам.

Ну, коли выживет парень, то пусть и живет с Божаной. Видно было, что девке он понравился.

.....

— Божана, ты чего? — сказал я, спешно прикрывая руками предательскую часть тела.

Даже отведя взгляд, не смотря на вошедшую девушку, возбуждение пришло мгновенно,

и по молодости той первой жизни такого не припомню.

— Я в мыльню шла, а ты кричишь, — сказала девушка, бесцеремонно разглядывая меня.

И что объяснять, что это как-то не правильно? Как попить воды подать, то краснеет и вся такая невинность, а тут к мужику в баню!

— А братья знают, что ты в баню пошла? — спросил я, закладывая ногу на ногу и отодвигаясь на край лавки.

— Да, — спокойно сказала Божана и стала раздеваться.

Черт она же раздевается! А что делать? Я, конечно, читал про открытые отношения на Руси и общие бани, но я же не железный. Тут бы голову не потерять. А последствия какие? Отец, если Войсил ей отец, знает, что она пошла в баню к мужику, то может и... А, если для нее ситуация нормальная, а мои действия оскорбят?

Не выдержав, я все же посмотрел в сторону девушки, и опал в осадок... Она была «нереально» красивой. Что можно было рассмотреть при первой встрече, когда на девушке было куча тряпья — да ничего! А сейчас — все! Это было отлично сложенное молодое тело красивой женщины. Черные, густые волосы, высокая грудь. И это все сочетается в несочетаемом — русская и восточная красота.

— Ты очень красивая, — бормотал я, не обращая внимания на то, что уже стою и не прикрыт, а организм предательски показывает своей физиологией все бушующие эмоции.

Божана рассматривала меня без всякого стеснения, как рассматривали в той моей жизни автомобили. Ага — вот тут бита машина, так, а глушитель-то оторван — вон как торчит.

— И ты пригож, — сказала девушка после досконального осмотра и улыбнулась, направив свой взор в то место, которое я еще недавно пытался безуспешно скрыть.

— Ба... Бажана, а ты чего? — проямлил я.

— Тебя разувала дева? — спросила Божана, присаживаясь на лавку.

Разувала? Видимо это обряд. Точно вспомнил — на Руси невеста разувала жениха.

— Нет, — неуверенно произнес я, надеясь, что правильно понял красавицу.

— А много дев покрывал в далеких краях? — продолжила допрос Божана.

— А тебя покрывали? — нагло, не подумав, сморозил я глупость, видимо кровь отлила от мозга настолько, что соображать уже не способен.

— Да! — и уже подрагивающим голосом добавила Божана. — Я год полонянкой была.

— Прости, — сказал я.

— За что? Не ты меня полонил, а кто полонил, того еще в сичень дядька Войсил порубил, — сказала Божана, пересела на мою лавку и погладила волосы. — А ты пригож.

Я пересел на другую лавку. Вот девка — сводит с ума, не успеваю думать, чушь начинаю пороть. Но выявить нечто важное для себя смог: из краткого разговора стало понятно, что Войсил — не отец Божаны. Дядькой на Руси могли называть чуть ли не любого. Кто же ты, дядька, и зачем эта «медовая ловушка»?

— Так пригожа я, аль нет, чего сторонишься? — спросила девушка и уставилась прямо мне глаза.

— Пригожа.

— Да чтоб тебя, идиот, — корил я себя, взяв можжевелевый веник, стал хлестать спину.

Но как бы я не хотел, нельзя было дать волю эмоциям. А может и, действительно, — медовая ловушка, хотят подцепить на крючок, а потом и виру потребовать, например, все мое имущество. Вот ты девку испоганил нашу, теперь плати. Но, к чему этот поединок со

Вторак? Да и так заморачиваться? Если все в стоворе, то прибили бы, да прикопали за околицей, а то и зверя подкормили мною.

Надо одеваться и идти — вначале посмотреть на своих зверушек, да сани проверить. За столом думаю все проясниться, пока рассказывал свои сказки только я, а мне категорически и послушать нужно. И не сильно я доверился первым встречным? Хотели бы убить, убили. Ограбить если задумали, так убили бы и грабили.

— Вот, Корней Владимирович, испей браги, — еще не раскрыв дверь сказала Божана и протянула кувшин.

На вкус эта мутная жидкость была сладковата и с непривычным вкусом.

— Пошли, Божана со мной, — сказал я, надевая куртку.

— Зачем? — заинтересовалась девушка и заговорчески огляделась через приоткрытую дверь во дворе.

— Пошли, не обижу, — проговорил я, выходя из бани.

— Да куда тебе меня обижать? — как-то игриво проговорила девушка, и пошла следом.

Мы пришли к саям, которые стояли под навесом. Порывшись в своих вещах, я нашел сумку с небольшими зеркалами. Достав одно и распаковав от тряпок, я протянул невиданное здесь сокровище Божане.

— Смотри сюда, — проговорил я, поворачивая зеркало к лицу девушки.

— Ой, как лепо! А не бесовское? — восхищалась прелестница.

— Не бесовское. И не бойся, душа твоя останется с тобой, — вспомнил я страшилки, которые ходили в Средние Века про зеркала. — Это тебе!

— Не за что мне, спаси Бог! — сказала Божана, поколебалась, но забрала зеркало и побежала.

Я остался в гордом одиночестве возле коней, которые получили только сено на корм. Может и не правильно я поступил, что такую животину взял, эти кони на сене долго не проживут. Орел так еще нормально, а вот Араба зерном подкармливать нужно. Потрепал за обрубок уха Шаха, лежавшего в саях, но уже явно лучше себя чувствующего. После размеренным шагом пошел к избе.

— Корней! — прокричал Первак, стоявший у входа в избу. — Проходи снестать, отец говорил, что Божанка уже прибежала.

Войдя в избу, стало любопытно, как историку, взглянуть на еду местных. Я же и сам думал некоторые новшества в этом направлении ввести, если получится где-то обосноваться.

И я был разочарован. Сказать, что стол был полностью наполнен, было не правильно. Стояли пять мисок с тушеным мясом, какие-то орехи, вяленая рыба, да какое-то варево. Также в деревянной тарелке было что-то похожее на желе с зернами ячменя внутри. Как позже узнал — именно это и есть кисель. Специями ни одно блюдо не пахло, я подозревал, что и с солью будет напряженка. Это после я понял, что стол богатый, когда поразмыслил, сколь долго все это приготовить, да на открытых кострах, да еще и наличие зерна, которое в это время, по весне, вряд ли должно быть в изобилии.

— Садись! — сказал Войсил, сидящий во главе стола.

Я сел и только после этого присели и три брата. Все молчали. Я думал, что молитву читать будут, но все ждали только того, чтобы глава семейства начал есть.

Какое тут тщательное пережевывание пищи, какой этикет? Как будто дали минуту на всю еду. Я же не спешил, ну не приучен настолько быстро есть.

— Может не вкусно? — Войсил отвлекся от еды и исподлобья уставился на меня.

— Годно, дядька, — ответил я, используя обращение, которое мне подсказал Вторак.

— А Божана годна? — так же исподлобья допрашивал глава семьи.

— Пригожая девка, — я пристально посмотрел на хозяина.

— Так бери ее, — уже как-то по-другому сказал Войсил, словно купец какой.

— У меня и дома нет, куда мне брать жену? — начал я объяснять.

— Так и строй дом. Ты сырый, родичей нет, бою обучен, ремесла ведаешь, — начал агитацию Войсил.

А кто я для него — новая кровь в род? Зачем? Вот так первого встречного? Исходных данных нет, кроме того, что меня не ограбили, уважительно обращаются. Зачем уходить при таких стартовых позициях к социализации? Ну, а Божана... Это может быть не менее фантастично, чем переход в прошлое, или омоложение, но я с первого взгляда хотел быть с этой девушкой. И дело не только в реакции молодого и здорового организма на красивую девушку.

— Кем быть у тебя в роду? Холопом, смердом? Аз есмь роду боярского, воеводы сын, — я даже привстал из-за стола.

Не хватало стать каким рядовичем, заключив договор и осесть на кабальных условиях на землю. Или вовсе оказаться челядником бесправным.

— От чего же холопом? Нет — родичем будешь, Божана — дочь брата моего. Боявир, так звали моего брата, первым пришел на городище в марийских землях, где нынче город Унжа. Сожгли то городище, как и родичей Божаны. Да не марийцы то были, а болгары с нанятыми половецкими родами. Людей, кого не посекали, охолопили, Боявир в сече сгинул. Божана дева красивая, ее в полон взяли. Прознал я том, взял свою сотню, да еще три сотни охочих людей нанял, пошел к половцам, изрубил три селища их, вызволил Божану, да еще люда. Посадил всех на своей земле, ряд заключил. И боярствуем, а роду нашему почитай более трех сотен лет. Холопов у меня много, рядовичей так же, ратных людишек мало, кабы сотни две! Да столь и прокормить не легко будет. Вот это и все обо мне, думай, Корней за свою жизнь. Но знать еще ты должен, чтобы по правде было — я не в чести у ростовского князя Василько, ибо нарушил его завет и пожег половецкие становища, с коими до того князь порядился и дружбу свел, — закончил Войсил свой рассказ.

На слух, так и рассказ тот был правдоподобным и честным, хотелось верить. Но неясного, даже со скидкой на неведение реалий времени, все равно много. Когда предполагал о переносе в Средние века, еще в будущем, я прикидывал план действий.

Прежде всего, я планировал втереться в доверие к какому-нибудь князю, если это будет период феодальной раздробленности, выгадать поместье себе и развивать там сельское хозяйство и по возможности ремесла. Стартовый капитал есть — то же золото, серебро. Использовать новые для этого времени способы обработки земли, картошка, наконец. Кукуруза и разная живность. Так и представлял себе заливные луга с пасущимися альпийскими коровами. А еще порох и пушки, зеркала и тонны золота. А потом межгалактический форум в Ньюасюках. Но это меня занесло, слишком много эмоций бурлит внутри.

— А где сотня твоя, боярин? — спросил я, странно, что сотник только с тремя сыновьями ошивается.

— Так, на выселки пошли, в землю рязанскую, — ответил Войсил, не задумываясь. — Так как жить будешь, Корней, сын Владимира?

— Коли сотня есть, и в родичи меня возьмешь, я бы пошел. Человек я чужой, мне земля

потребна, да покровительство. Я мыслил ранее к князю на службу идти, — начал размышлять я вслух.

— Ты изверг, без роду. А мы князьи люди, гнев Василько переменится, молодой князь отходчив. Идти на службу до князя лепей ставши родичем нашего рода, тогда и почет сразу будет. А земля есть у меня. Тут то мы по зиме на пушнину пришли, а город наш на Унжереке, там земель много, леса так же, река да озера. Новый град строит князь владимирский, болгары уже не пройдут разорять те земли. А куда тебе еще идти: або у тать, або у рать! А у нас род сильный, — Войсил выпятил грудь.

— А за то, чтобы войти в род, что я должен сделать? — спросил я.

Войсил не спешил с ответом. Поглаживая бороду, он пристально смотрел на меня.

— Так взять Божану в жёны, — после затянувшейся паузы сказал сотник.

— А что добрых мужей нету вокруг? — задал напрашивавшийся вопрос, одернул себя, но слово уже было сказано.

— Мужи есть, да полонянку не возьмут, а коли и возьмут, то за нее не дадут ничего, заберут себе в род, да обокрадут сироту. А с тобой все, что есть у Божаны, в роду останется. Да и твой скарб велик. Серебро есть, кони вельми добрые, покроют наших кобыл — будет приплод хороший, сторговать можно. Да и нужен Божане муж. Девка она пригожая, снасиловать могут. Я ее и забрал с собой, чтобы бесы в кого не вселились. А брюхатую трогать не будут. Да и приглянулся ты ей, не противен, — закончил Войсил и выжидательно посмотрел на меня.

Подумаем еще разок. Первое — Божана уже проявила характер, возможно в селении что-то произошло. Я признан возможным защитником, поединок со Вторакком показал, что не робкого десятка. Опытный воин увидел что-то во мне героическое? Странно, но допустим.

Второе — для рода я тоже приобретение. Похвастался ремеслами. А зеркало, которое я подарил, в это время может стоить ну очень много. К слову, зеркала еще не изобрели. Только что-то там получится в 1240-м году и к концу века, да и то — детские подделки, а мастера на острове Мурано, даже и не знаю, уже делают свои зеркала... нет, скорее они появятся позже. Возможно, были оценены и мои клинки с арбалетом. Семена частью спрятаны в телеге и их не должны были найти, но вот зерно увидеть могли, а оно минимум в два раза крупнее нынешнего, скорее всего, так как я пока видел только овес в киселе. Третье, как обозначил Войсил — симпатия Божаны.

Божана... Я так долго перед переносом сожалел, что у меня в жизни не получилось создать семью, что прямо готов, хоть завтра в ЗАГС, то есть в церковь, тем более с такой красивой девицей. Но как же все быстро происходит! Вот чувствую, что есть некое второе дно всей этой случайной встречи, но что именно, не понять.

— Так что? — не выдержал долгой паузы Войсил.

— Когда на Востоке вступают в род, они получают от рода землю, защиту, но службу несут исправно. Роду отдают только десятую часть от всего, остальное себе, — озвучил я условия, ссылаясь на некие «восточные» правила. Часто мне придется еще объяснять свои действия и решения «загадками Востока».

— Добро. В церкви обвенчаем. Учи ее, строптивую, как женой быть. Да отцу Михаилу скажешь, что крещен Кириллом, Корней не гожее имя для церкви. Давай поснедаем, да обговорим все подробно, — подвел итог глава рода.

В процессе еды, обсудили многое. И как я должен относиться к Войсилу, что должен

советоваться с ним, но в целом, если за свои средства — что хочешь, то и твори, но с нормами морали, а то отец Михаил...

Удивительным было то, что медовуху пил только Войсил, который при попе, по его словам, назывался Василием и требовал, чтобы при духовниках я иначе его не называл. Учитывая, что все мужчины были ратниками, Войсил был не только главой рода, он занимал что-то вроде должности командующего. Служит он великому князю владимирскому, но иногда решает некоторые задачи и за ростовского князя, с которым сейчас в ссоре. Кроме того, Рязанский князь Ингвар Игоревич зачастую организовывал походы на половцев, куда в качестве доброхотов шли и сотни с других княжеств, до пленения Ингвара Рязанского и Войсил гулял по степи.

Уезжать из заимки в поместье собирались дней через пять, но решили все же немного ускориться, так как без Третьяка, все еще бывшему недееспособным, охота будет сложной задачей — так мне объяснили. Как же было на самом деле, знать не мог.

Вот что я понял за те три дня пребывания на заимке — меня слишком плотно обхаживают, порою, лебезят, предлагают лучшие куски дичи, уступили одну из самых широких лавок у очага. Но безопасность и гостеприимность, а так же постоянная моя занятость, расслабляли, и крамольные мысли все реже посещали мою голову.

Собрались в путь-дорогу на четвертый день после моего знакомства с Войсилом и его родичами. Оставлять столько строений, просто так — странно, не рационально, думал я до тех пор, пока внимание не было перебито началом складирования пушнины и мяса. Трое саней полностью загружены мясом и рухлядью. Что меня поразило, — возниким одних саней была Божана.

Войсил же был верхом и постоянно объезжал наш небольшой караван, когда мы уже двинулись. Выявилось превосходство моего тяжеловоза — он меньше уставал, был бодр и без видимого напряжения тянул сани.

Но тот факт, что Войсил с сыновьями набил так много пушнины, сбивал с толку. Я то был уверен, что они обитали в лесном хуторе не для охоты, за три дня моего пребывания братья ходили на охоту, но так, свеженького мяса к столу добыть — зайца, тетерева, косулю. И никто не приезжал к хутору, чтобы сторговать рухляди. Ну, да ладно, странностей и без того хватает.

Уже в пути я старался разговаривать со всеми будущими родичами, охотно шли на контакт Первак с Третьяком, один брат был просто разговорчивым, второй же, раненный, имел обостренное чувство благодарности за спасение. А вот Божана сторонилась, как и Войсил.

Все сказанное братьями я укладывал в систему, о которой будучи историком, по крайней мере, читал. Исподволь узнавал о принципах взаимоотношений, правах и обязанностях членов родо-клановой системы в которую я рискую вляпаться. Интересны были вопросы кровной мести, заступничества за родича, отношений с князем. Вот, к примеру, если князь сильно обидит родича, то, как должны реагировать родственники?

Как стало понятным и вполне свободно уложилось на знания о периоде, на Руси господствовала вполне себе традиционная феодальная система. Были и особенности отношений. Род, в который я попал, живет с одной стороны отдельно и представляет собой силу. Традиционный, казалось, вассалитет. Служба князю, который за это дает землю.

Однако, не совсем так. Род может уйти от одного князя к другому, может сам решать к какой очередной аванюре подписаться. Так же, если на такой род нападет кто-то еще, то

князь, скорее всего, промолчит, если агрессор так же у него на службе. Поэтому внутри своего же княжества безопасности нет и это вопрос самого рода, его авторитета и силы.

Интересным является и предмет веры. Создается впечатление, что церковным религиозным фанатизмом вообще никто не страдает. Имена используют нецерковные, поминают языческих богов. Нравы странные. Я намекнул, что хотелось бы пообщаться с Божаной, но мне строго ответили, что типа «до свадьбы ни-ни». Как в бане — так можно и видеть девушку обнаженной, как согласовали женитьбу — ни-ни! А еще поражала возможность самостоятельно чуть ли не объявлять войну. Вот пойдет сотня Войсила, к примеру, пограбить марийцев, так большой набег на Владимирское княжество случится по этой причине не должен, ибо не князь принимал решения — выясняйте отношения сами. Князь может выступить лишь в роли посредника, и эти услуги будут стоить ну очень дорого.

Через четыре дня пути мы выехали к большой стройке.

— Что это, ваше поселение? — спросил я подъехавшего Войсила.

— Нет, то Новый град. — ответил сотник.

Я уже пытался ориентироваться в местности, видел и Волгу, к берегам которой мы приближались, но не более, чем на версту, и название «Новый град» само за себя говорит. Что-то долго строят, уже года три как заложили тут город, как я знал из истории, а детинец только на треть сооружен. Но сам факт строительства Нижнего — большой шаг для Северо-Восточной Руси — этот город перекрывает пути для набегов вглубь Владимирско-Суздальской земли, как и к Городцу и Унже, где, видимо, мне придется обретаться.

В Новгород мы даже не зашли, мало того, обошли его по длинной дуге и старались никому на пути не попадаться. Выйдя к Волге за Новгородом, мы приблизились к руслу реки и уже далеко от него не отходили. По пути останавливались на похожих заимках-хуторках, где отдыхали, ночевали, и к нам присоединялись еще люди. В итоге собралось под две сотни человек и под семьдесят саней, груженных всяким добром. Большая часть каравана были безоружные люди, даже женщины с детьми — оборванные, укутанные в рванину. Разговоры со мной эти «беженцы» практически не вели, напротив, опасались и не приближались, что выглядело странным, вероятно тут имела место сословность. Я то выглядел всяко знатным боярином, да и еще с такими конями, да опоясанный добротным оружием.

Когда ко мне, по просьбе Божаны, жаль не личной, а переданную через Второка, в сани определили двух женщин и ребенка, я пересел на Араба. Появилось больше возможностей для маневра, и я стал разъезжать вдоль и поперек на протяжении всей змейки поезда. Вот и получилось немного выудить информации, которая заставила существенно задуматься о происходящем.

Высохшая с огромными мешками под глазами женщина по имени Злата рассказала, что ее выкупили у мордвы князьи ратники. Была она в рабстве у одного из мордвинских родов и попала туда еще четыре года назад, когда мордва сделала ответный набег на рязанское княжество. Мордвинские отряды пожгли пограничные селения и увели часть людей в плен, где они работали за еду, но и не только трудом расплачивались за сохранение своей жизни. Вот ребенка и прижила, а от кого и не знает. Думала, что после рождения сына ее примут в род и статус изменится, но никто из местных не признал в ребенке своего. Узнал я и о том, что в нашем караване были люди, выкупленные из половецкого плена.

Эти скудные сведения натолкнули на мысли о роли отряда Войсила, который и оказался во главе всего этого «исхода народов». Так, отряд был разделен на части, вероятно, на шесть-семь, которые занимались выкупом людей. Имелись временные жилища, причем на самой

границе княжеств, степи и лесных массивов мордвы. Там и собирались люди. Но в том хуторе, где был я, на третий день своего перехода, не было лишних людей, а только сыновья Войсила, да Божана, которую не могли оставить без внимания родственники.

Разведка? Там можно было встретиться с представителями половцев и мордвы. Или я думаю категориями XXI века? Но как объяснить происходящее? И когда они смогли набить пушного зверя, если занимались разведкой? Вопросы, вопросы. Да и еще одно противоречие засело в голове — «Мы-то с князем ростовским повздорили, вроде как в опале, да только мужи мы княжьи». Ну, пусть княжьи люди, не ростовского, в Великого князя Владимирского. Но не вяжется и разлад с Василько Ростовским, который был в согласии со своим дядей, владимирским князем, и его поручения выполнял. Интриги, интриги, а я все думал — такой красивый, нужный, все понимающий и мыслящий.

— Как чувствуешь себя Корней? — ко мне подъехал Вторак.

— Добре, да вот в незнании прибываю, — ответил я, в очередной раз, пытаюсь поудобнее сесть в седле.

Вопрос о самочувствии, видимо, был задан из-за того, что сидел я в седле не то чтобы и хорошо, а скорее нелепо. После одного перехода верхом, ходить и сидеть не мог. А ведь на реконструкции битвы на Березине 1812 года был три раза в чине капитана или ротмистра. Тогда в такую же погоду часа четыре не слезал с коня и более-менее себя чувствовал, а сейчас...

— Батюшка велел присматривать за тобой, — сказал Вторак.

Понятно, изучал меня. Не глупо! Да и чего глупо должно быть? Люди в XIII веке не были глупее людей XXI века. Я-то все в них вижу неких неписей, но это разумные люди, не затупленные интернетом. Наука не та, технологии отсутствуют, но не глупее они своих потомков, может только немного наивнее.

— И что высмотрел? — спросил я слегка раздраженно. — И где Божана? И почему поговорить с ней нельзя?

— Невместно с ней разговаривать, что люди скажут? — строго сказал Вторак. — Чудной ты. Вот седло себе натер, как же всю половецкую степь прошел?

— Так я больше на телеге, да в санях, — начал оправдываться я.

— А ратился как? Тоже в санях? Или скажешь, что ни разу степняка не встретил? — сказал Вторак, пристально посмотрел на меня, но не стал допытываться ответов. — Отец желает говорить с тобой.

Вторак прищпорил коня и нарочито залихватски припустил в галоп.

Нужно поговорить — поговорим. После таких расспросов закрадывались мысли просто сбежать и наплевать на все эти социализации и вхождения в клан местного сотника. Чего меня мурыжить, отказывать в разговорах! Вот пойду в Литву, там в этом или следующем году Миндовга призовут на княжение. Наверняка я пригожусь жмудину, да и город ремесел Новогородок — первая столица Литвы, молодой с возможностями, связями с Польшей и немцами.

Но это так, эмоции! Дождавшись очередной остановки каравана, я с трудом нашел Войсила. Возле моего знакомого сотника и вероятного родича находились семь человек, и они активно что-то обсуждали. До меня доносились только обрывки слов: «Они половцев воюют», «два лета ужо», «не пойдут», «да родичи они половцам». И много других фраз, суть которых разобрать было сложно.

— Кирилл! Иди сюда! — сказал Войсил, уже как несколько минут заметивший меня, но

не перебивавший гвалт собравшихся вокруг людей.

Спешившись, преобладая боль между ног, чтобы не показать себя комичным, я медленно подошел.

— Корней, — начал сотник, непонятно зачем чередуя мои имена. — Ты прошел Степь, был на юге у сарацинов. Что слышно там о татарах, что жгут земли всех народов по своему пути?

— Я понял, о ком ты говоришь. Они уже топчут степи половецкие. Речи их я не понимаю, народ этот не родственен половцам, зовутся они монголами, вы их татарами прозвали, — начал я свой рассказ, желая под эту ситуацию выступить слегка Кассандрой. — Пришли они с Великой Степи, где жили родами. Собрал их Тимучин, которого сейчас зовут Чингисханом. Воевать они будут все народы, Русь так же. Знаю, что по заветам монголов, они хотят выйти к Западному морю, путь к которому через Русь и ляхов и угров с латинянами.

Если мои слова сперва были встречены нескрываемым скепсисом, ухмылками и игнорированием то, по мере моего рассказа внимание слушателей все возрастало. А я почувствовал себя сказителем.

— Стал он воевать с Китаем, — продолжал я. — Страной великой и древней. Они воюют с ним и сейчас, токмо частью своего войска. Многие науки монголы перенимают у своих врагов. Есть у них метательные машины, хорошие тараны и берут города за седмицу и великие и малые. Всех бьют, наскაკивая быстро и неожиданно.

— Да не пужливые мы, — перебил меня один из собравшихся.

— Охолони, Гаврила, дай сказать Корнею Владимировичу, — сказал Войсил.

Чуть позже я понял и иную причину вызова меня на разговор. Таким образом, Войсил представлял меня своим людям, отслеживал реакцию на мое присутствие.

— Покорили они многие земли и вельми мстительны, — продолжил я. — Хорезмшах бежал и монголы думают, что половцы его укрыли — вот и пошли они на половцев и воюют их. А еще татары били аланов — союзников половцев, я жил в аланских горах и конь мой оттуда.

— Добрый конь, — не выдержал еще один из собравшихся, но сразу понурился от жесткого взгляда Войсила.

— Так вот, половцы заступились за аланов, и монголы начали жечь повсеместно их стойбища. Ведут монголов опытные полководцы Джэбе и Субедей. Войско их сейчас невелико — два тумена, — заметив некоторую растерянность, я решил пояснить. — Две тьмы.

Все ахнули и начали смотреть друг на друга. Двадцать тысяч воинов для собравшихся показались очень большим войском. У того же Великого князя Владимирского в половину меньше будет, если даже кого из гарнизонов городов привлечь.

— Это большое о войско! Говори дале! — перебил меня уже сам Войсил.

— В улусах, так у них княжества называются, могут собрать и шесть семь таких войск, много за них воюют и иных народов. Но сильны они своим рядом. Коли один провинится в десятке — убьют весь десяток, десяток с поля побежит — убьют сотню. Порядок крепкий. А еще они разведывают все про своих противников до начала войны. У Чингиза есть мужи мудрые, они все знания о землях записывают, и советуют хану. Они уже знать могут и о Руси, сколько выставят князья войска, если война будет.

— Откуда? Мы и не видовали их на наших землях, — это уже Войсил проявлял скепсис.

— От полоняных русичей, от купцов венецианских, от половцев, от своих воев, что на Русь ходят дозорами, от русских купцов. Ото всех, — сказал я, и увидел растерянность во взгляде Войсила.

— А может и не враги они нам? С половцами, да аланами воюют, на Русь не идут, — спросил один из присутствующих, которых был по правую руку от Войсила.

— Враги. Слабого завсегда бьют. Русь раздроблена — они едины, князья русские уделы делают, у них один сильный хан, — говорил я и видел, что сказанное не нравится присутствующим.

— Сильны они числом, коли правду говоришь, — резюмировал Войсил. — Так что пойдут на Русь?

— Пойдут! — сказал я, разведя руками.

— Ну и половцы, да и мордва, маришцы, болгары — все русские княжества грабить норовят, но и ответ завсегда получают, пусть с половцами ратятся, станут тогда слабее, на Русь и не пойдут, — подвел итоги моей лекции Войсил.

Так оно, скорее всего, и думалось древнерусским людям, не осознавали они, что новая угроза совсем иное, чем прежние. Мыслили, что придут из Степи очередные кочевники, потом начнутся с ними и войны, и переговоры, и свадьбы, союзы. Все как было уже не раз, как это имеет место быть и в отношениях с половцами.

Я, сел на коня. Было попытался рвануть к своим саням, но меня одернул сотник.

— Первак, подводу Корнея вези сюда, — дал распоряжение сотник своему сыну.

Потом обратился уже ко мне:

— Половцы просят князей биться с татарами. По весне. Силы великие будут. Мстислав Старый собирает Совет у Киеве.

— Сколько смогут выставить? Десять тысяч, двенадцать? — вопросительно посмотрел я на Войсила, по-молодецки взлетевшего в седло.

— В путь, — прокричал сотник колонне и вновь обратился ко мне. — Мстислав Киевский, Удатный, да волынский князь, наш Василько, да рязанские вои, половецкий хан Котян. Много войска будет!

— Вот скажи, дядька, а кто в том войске командовать станет? — спросил я.

— Так Киевский должен, токмо Удатный под его руку не пойдет, да и Даниил Романович волынский не пойдет, они сами знатные воины, — начал перечислять Войсил.

— Еще половецкие воины не пойдут под руку русских князей, — привел я еще один аргумент.

— Нет, Котян половецкий, может и пойти, он Мстиславу Удатному тесть и это он просит защиты. Но я понял, к чему ты говоришь. Правда твоя — князья не договорятся, каждый славу искать будет, токмо татар одолеть все равно должны... Во девка неумная! — восхитился Войсил наблюдая, как гарцует неподалеку его племянница, потом выкрикнул громче. — Иди Первак, готовь двух коней и скачи вперед. Пусть Агафья Никитишна готовится — две сотни холопов везу, детей, да ты знаешь все, десяток Гаврилы с собой возьми и вот, — Войсил протянул свернутый пергамент. — То Далевиту подашь.

Наконец-то забрезжил конец маршрута.

Все происходящее вокруг не осознавалось, как реальность. Сознание выстраивало некие оборонительные рубежи, чтобы не сломаться и хоть как воспринимать новый мир. Было ощущение виртуальности. Сколько было уже говорено об играх с полным погружением, даже целые жанры литературы появлялись и пользовались огромным успехом у людей. Так и я как

будто попал в стратегию. Страх, как такового не было и это беспокоило.

Как попаданцы, о которых прочитано было немало, так просто воспринимали новую реальность? Я, начитавшись фантастических книг, тоже был полностью уверен, что как только появлюсь, и все закрутится, сразу стану своим для хроноаборигенов и всех врагов нагибать. Причем все эти мысли начали лезть после перехода. Влияние ли молодого тела, или другие психологические выверты? Предстоит еще разобраться.

Я-то уже представлял, как поражаю Наполеона из снайперки, или там к Петру 1 сразу и советники и собутыльники, а Меньшикова — опять торговать пирожками. Еще представлял, в часы тишины после перехода, как братаюсь с Монтесумой и пленю конкистадоров, а после с ацтеками, вооруженными огнестрелом, высаживаюсь где-нибудь в испанском Кадисе. Бурлила фантазия, пока не встретил Божану. Теперь фантазия стала немного о другом...

В реальности же меня куда-то везут, предстоит женитьба, странные манипуляции со вхождением в некие родственные отношения. Нет, я не против — Божана хороша. Но это XIII век. О чем говорить? От женитьбы как бы дети! А как растить детей, зная, что через тринадцать лет все погибнут? С моим послезнанием я их может и спасу, но разоренная Русь, как в ней становится кем-то большим? Разбить монголов — это да! Все возможно. Но мне это нужно? Не будет ли хуже? Читал я разные версии последствий нашествия монголов на Русь, среди которых были как приверженцы крайне негативного воздействия нашествия, что логично и понятно. Но были и те, кто категорически был за то, что монголы принесли на Русь главное — восточный менталитет деспотии и сильной власти. Это, мол, и стало катализатором возрождения и создания новой сильной России, выступающей уже как субъект мировой истории, а не только как сторонний наблюдатель.

Казалось, как быть, кому поверить? До попадания в это время сомнения еще могли быть, сейчас — нет. Вокруг люди, которые погибнут — будут убиты, замерзнут, сгинут от голода и болезней. Война это не только смерть от меча врага, это еще и лишения от незасеянных полей, разрушенных жилищ. Как можно оставаться циником и размышлять, что три миллиона русичей погибнут из-за какого-то возрождения Руси, когда видишь мальчиков и девочек, радующихся от факта освобождения из плена. Когда жизни людей персонифицируются, а не являются обезличенными цифрами, сложно вести подсчет необходимых жертв на алтаре будущих успехов, пусть и в масштабах огромной страны.

И, глядя на этих измученных людей, полагая, что все они погибнут, я хочу их спасти, но как это будет возможно? Пока моя социальная лестница продвинулась только с хвоста нашего санного поезда в его голову, и обольщаться по этому поводу не приходится. Но стоит поискать выход из ситуации, да лучше, как малое из зол, устроить для князей «игру престолов», перебив их большинство, чем способствовать гибели «соли земли русской» — народу. Без князей современная система рухнет и последствия будут еще может больше по своему вреду, чем нашествие Батухана. Нужен лидер, который захочет стать во главе всей Руси и изменить это лестничное право наследования и дарений земель во кормление.

Что же есть у меня для планирования хотя бы малого? Ну, есть я, который точно знает, что произойдет. При грамотном подходе — информация представляется огромным богатством. Что-то, смею надеяться, я смогу привнести в технологиях, изменить систему сельского хозяйства, провести раньше на триста лет «пищевой обмен», который начался после открытия Америки.

А еще ресурсы — груженные сани со спрятанной в специальном отсеке винтовкой, пистолетом, золотом и серебром. Но главным, как мне кажется, являются зеркала и семена.

А для этого нужна земля. Много земли. В это время проблем с освоением земли не должно быть — ее много и она не всегда кому-либо принадлежит. Бери топор, лопату и кресало — иди на ляд, руби лес, поджигай, да выкорчевывай пни. Способ подсечно-огневой не так уж и плох, особенно в первые пару лет. Но тогда нужны люди, ибо работа не из легких.

И еще какие-то интриги с Божаной. Может, настал момент, когда и про это можно спросить.

— А что с моим венчанием? — спросил я как бы между делом у Войсила, который рысил чуть впереди.

— А что не так? — спросил Войсил, но было видно, что он издевается.

Лица его я не видел, практически дыша в спину, но вот интуиция говорила, что глава семейства, в которое я намерился влиться, решил немного потролить будущего зятя.

— Все так, но в чем вено, приданное, какое? — спросил я, как посчитал, правильные вещи.

— А дашь сто гривень за вено? — вновь усмехнулся дядюшка, явно забавляясь ситуацией.

Вено было платой жениха за невесту роду, откуда тот собирался умыкнуть девушку. Получалось, если Войсил затребовал серебряных гривен, то это не много, ни мало, а 20 килограммов серебром. С собой, может, у меня столько серебра и нет. Если в мой тайник съездить, то будет. Соотношение к золоту я не знал, но в принципе денег должно хватить. Тем более, что у меня шикарной чеканки монеты, а не продолговатые грубые пластины с зарубками. Но в эту игру можно играть вдвоем.

— Серебряных? — просил я.

Как историк знал, что были серебряные гривны и гривна кун, которая стоила дешевле.

— Как водится, — ответил Войсил.

Я почувствовал, что игривое настроение воина начало сменяться удивленно-вопросительным. В воздухе витал вопрос: «А у тебя-то мальчик деньги есть, столько много денег?». Конечно же, мою телегу проверили, это было понятно, вот только серебро и золото находились в тубусах, или продолговатых ящиках, которые в пору моно назвать «сейфами». Открыть их представлялось невозможным, по крайней мере, теми способами, что доступны хроноаборигенам.

— Ну, добро — давай за Божану сто гривен, я не против, — ответил я после небольшой паузы.

Причем постарался, чтобы мои слова звучали буднично.

— Кха! Кха! — закашлял сотник. — Я? Кха.

— Ну, сватал ты мне ее, сотник? Тебе и платить! Тем более, что я в род твой вхожу, а не увожу девку из рода, — настала моя очередь издеваться. — Но возьму и землицей с холопами, коли гривен не маешь.

— Скоморошничает, отрок? — откашлялся Войсил и его тон стал серьезным.

— Так и ты меня, как неразумного одурить хочешь, — парировал я.

— У Божаны от Боявира поместье осталось, с холопами и рядовечей немало. Да я дам тебе еще два десятка хлопков. А ты станешь родичем мне, выявишь себя, ремеслом, али еще чем, дам еще холопов, — сказал потенциальный родственничек.

— Коней не дам! — резко сказал я.

— Так о помете уже договорились, — сказал сотник.

— Помет дам, — сказал я и понял двойковый смысл произнесенного, смутился. — Ну,

не я, помет дам, а кони.

— И ты помет дай и кони твои пусть не ленятся, такие жеребята, коли в родителя пойдут, дорогого стоить будут, — говорил Войсил, уже не смеясь, а впадая в истерику, настолько смешным ему показались мои оговорки.

Люди, ехавшие и шедшие чуть поодаль, вначале всполошились, а после и сами начали смеяться, показывая пальцем на Войсила. Как мало нужно для счастья!

— Да и есть у меня сто гривень, токмо для поместья они пригодятся, не хочу я приходиться на все готовое без своего вклада, — сказал я и поморщился от очередного подпрыгивания в седле.

— Добрый муж будет у Божаны и бронь у тебя добрая, — сказал Войсил и начал оборачиваться, кого-то выискивая. — Ждан! Отыщи Божанку и накажи, чтобы подошла.

— Хорошо осмотрели мой скарб? — с некоторой претензией сказал я.

— А то як же! — как ни в чем не бывало, ответил на мой выпад сотник.

В разговоре и не заметил, как внезапно закончился лес, и весь обоз выкатился на лед реки. Вокруг были очищенные места, занесенные снегом, можно было предположить, что это были поля. На льду реки были видны следы коней, саней. В целом места казались обжитыми. Можно было предполагать, что санный поезд подъезжал к месту назначения. Судя по всему река — Ока, а мы находимся на марийской земле, или уже Владимиро-Суздальской. Прошли Нижний Новгород, подходим к Городцу? Но там какая-то история с отцом Божаны. Тогда что? Может река Унжа?

За моими размышлениями я и не заметил, как прискакала Божана. Прямо амазонка! В седле сидит кратню увереннее меня, за спиной лук, сабля на левом боку. Ну и девушка! Даже для эмансипированного XXI века это как-то слишком. Или на меня уже влияет русский «домострой», вживаюсь в эпоху? Нет, до него еще не додумались, домострой — уже царская забава.

— Дядько, ты звал меня? — звонким очаровательно милым голосом спросила моя, вероятно, будущая жена.

— Да. Вон суженный твой о поместье все спрашивает, — сотник небрежно махнул в мою сторону.

— Так доброе поместье недалече от Унжи, холопы есть, тиун для доброго ряду, церковь рядом, — начала рекламировать товар Божана.

— Так выйти за его хочешь? — с прищуром посмотрел Войсил на племянницу.

— Батюшка, вот вопросы! Одно скажу, что за Вышемира не пойду, — сказала Божана и потупила взгляд.

«Так, Вышемир какой-то выискался» — подумал я.

— А Вышемир то кто? — посмотрел я на Божану.

Красивая все же она.

— Сосед твой, когда обвенчаетесь с племянницей. К Божане сватов хотел прислать, но я девку с собой взял, от греха, а то Вышемир татьбует в городе, да с ушкуйниками знается. — сказал Войсил и пристально посмотрел на меня. — Оборониться сумеешь? При моей помощи! Или сбежишь? Догонять не стану, трус в роду не нужен!

— А охолонить того Вышемира? — проигнорировал я вопрос о бегстве. — Ты сотник, а он кто есть, почему справиться не можешь? — на мой взгляд, задал я закономерный вопрос.

— Я сотник сторожи, он, почитай полусотник крепостной сотни. Вышемир сильный воин. Он вдовый и падкий до девок, а тут Божана, так он как разума лишился. И девка

пригожа, и поместье рядом з его землями. А только не могу я власть над Божаной ни взять, ни Вышемиру отдать. Усилить Вышемира настолько, что своими землями он станет богаче и меня? А так и будет, если он присоединит земли Божаны — одна она от брата моего. Эх! — сказал Войсил и махнул рукой.

Не стал я сокрушаться о том, что мне не рассказали всю подноготную сватовства. Рассказали тогда, как подошли уже к городу, и на том спасибо. Бежать же куда-то, когда такие хорошие перспективы с социализацией? Нет, пободаемся!

— Божана, — обратился я к девушке. — Ты будешь моей?

Девушка потупила взгляд, спрятала подбородок в шубу и чуть видно кивнула. Выпрямилась и припустила коня.

Дальнейший путь прошел в разговорах в основном о монголах, Войсил расспрашивал и об их вооружении, тактике и стратегии. Периодически опытный воин и командир уточнял мое видение и даже во многом спорил.

Наибольшие дебаты состоялись, когда я попытался привести доводы в пользу применения арбалетов в полевом сражении. Я заранее знал, что может сказать Войсил, и он не обманул ожиданий. Первый довод в пользу превосходства лука — скорострельность. Что-либо противопоставить этому было сложно. Да, перезарядка арбалета — долгое мероприятие, но есть разные конструкции, однако особо крыть было нечем. Второй аргумент — дальность, тут я тоже промолчал. Сложный турецкий луг пускал стрелу на более чем восемьсот метров. Да — это рекорд, но на пять сотен навесом, не прицельно, напрягаясь, стрелять можно. Вот только так вряд ли стреляют, все же подпускают на сто, двести метров врага. Но на сто метров и арбалет способен бить. Не каждый, но может.

Я выслушал все доводы Войсила, который от скуки монотонного долгого и скучного пути, нашел развлечение в том, чтобы «навучать несмышленного мальчика». После привел свой главный аргумент:

— Сколько сил и времени нужно, чтобы подготовить лучника?

Оказалось — очень много.

— Сколько нужно серебра, чтобы купить лук или сил с материалами, чтобы его сладить? — сыпал я своими аргументами.

Доводы были серьезными, и моя позиция в споре выровнялась, но нельзя сказать, что приведенные аргументы стали убойными фактами.

Вот так и развлекались, иногда посматривая на караван повозок. Несколько раз Войсил удалялся, но вновь возвращался назад. И только на четвертый час беседы мне стало казаться, что меня, как это сказали бы люди определенных профессий, качают. Через разговоры и доверительные беседы я, сам того не замечая рассказываю много о себе и своих мыслях.

Вскоре показалась крепость. Ничего грандиозного я усмотреть не смог. Небольшой ров в человеческий рост, вал в метра два с половиной- три, да стены в полтора — два человеческого роста. Конечно, сложно брать такие укрепления, но послезнания утверждали, что с использованием метательных машин взять подобную фортификацию не представляет никакого труда. Это просто мишень. Никаких каменных донжонов, рavelинов перед крепостью, галерей и двойных ворот, бойниц, простреливаемых все пространство. Да, не пуганные здесь еще люди! А ведь рядом не всегда дружелюбные марийские племена, да и болгары ранее шалили и мордва.

Вероятную оборону детинца, как я думал, осложнял и посад, который раскинулся на большое пространство вокруг. Нападающим можно было укрыться в постройках у

крепостицы и спокойно добивать до защитников крепости из луков. В целом, нормальная крепость, но против отрядов марийцев, которые культуру городов практических не знают.

Въехав в город, я оказался в замешательстве. Войсил оставил меня, и пока я рассматривал строения вокруг, направился со своими ближниками в детинец, где высилось большое строение. Не дворец, но как будто говорить через восемьсот лет, добротный деревянный коттедж, вокруг которого с одной стороны были нежилые постройки, с другой же открытое пространство.

Но куда идти мне? Ни одного человека, с кем я общался, рядом не оказалось. Мои сани подвезли и оставили подле Араба. Где сынок сотника, который и правил ими — не понять, незнакомый мне вооруженный топором человек, что был за возничего, оказался не склонным к общению. Спокойным казался только оклемавшийся, наконец, Шах, который с величавым видом осматривался вокруг. Мелкие кабыздохи начали было погавкивать, но умеренный хозяйский рык моего породистого пса, сразу умерил их пыл. Войдет в силу собачка — даст тут местным шавкам!

— Эй, человек! — обратился я к глазеющему зеваке в стареньком латаном тулупе. — А двор постоялый есть где?

— Чаво! А дак енто, боярин! — начал запинаться представитель городской бедноты, сняв шапку и начав ее теревить. — А ты боярин? Чудны одежи, да вон меч какой! Видать ратник, аль все же боярин?

Словоблудие прохожего продолжалось, но мне пришлось его остановить.

— Говори, где двор постоялый! — уже прокричал я.

— О, как! Видать боярин! Дак енто — вон туды ступай к Путиле на двор, он за серебро и горницу даст, — сказал горожанин и указал правой рукой в сторону.

— А долече? — осведомился я.

— Дык не. На третье подворье, — задумавшись, ответил человек.

— Спаси Бог, — сказал я и спешил.

Подвязал к саням Араба и двинулся в указанную сторону.

Постоялый двор, если его можно было так назвать, был двухэтажным домом сравнительно небольшого размера. На гостиницу со множеством номеров, явно не походил. По двору бегали куры, весь двор был в помете и навозе. Бесхозяйственность! В голове возникало слово «притон». Никто не встречал, и когда въехали во двор, сразу завязли в грязи, и даже мощному Орлу приходилось сложно их волочить. Я же брезгливо осматривался вокруг, не решаясь вылезть из саней, чтобы облегчить конскую участь. Араб, плетущийся сзади, недовольно фыркал.

— Хозяин! — прокричал я.

— Чево там! — прокричали сбоку из какого-то сарая.

— На постой возьмете? — просил я и все же сделал попытку вылезть из саней. Остаться чистеньким не получилось — нога погрузла в жиже выше щиколотки, вымазав унты.

— А куны есть, мил человек? — спросил плотный мужчина, неожиданно выглянувший из сарая.

Это был, как сказали бы в девяностых годах двадцатого века, браток. Ростом под метр девяносто, что сильно выделяло его из всех увиденных людей, может, только кроме ратников. Шрам на щеке делал и без того немиловидное лицо прямо таки бандитским. Шах, весь уже в грязи, даже морду умудрился вымазать, взял оборону и тихо прорычал.

— А сколько возьмешь? — спросил я, восхищаясь псом — мой защитник.

— Дак десять кун! — с усмешкой проронил бандит, зыряка на Шаха. — Только это мне, а Путиле, может, еще десять отдашь.

Ясно, передо мной стоял не хозяин этого непотребства. Может либо вышибала, а может и так, чужой человек, на характер меня попробовать решил.

— А ты кто таков, чтобы я тебе куны давал? — с вызовом посмотрел я на громилу и демонстративно взялся за эфес сабли.

— Иди е Путиле, что ты тута с этним зверем рыкаешь? — пробурчал бандит зыркнул на Шаха и опять пошел в сарай.

И то, правда. Пойду в дом, да и узнаю все. Но этот бандюган заставил насторожиться. Вот гад, этот Войсил, оставил одного и крутись, как хочешь, а приличного места и нет. А тут еще и оставить коней с санями. А потом украдут и будут строить честные глазки.

Внутри здания этого «элитарного отеля» было все же поуютней, чем ожидалось. После грязи и разрухи во дворе, на контрасте, показалось даже нормально. «Ресепшен» искать не пришлось. На звук отрывающихся дверей вышла русская баба. Ну, та, что коня из горячей избы на себе вынесет, а то и слона. Огромных размеров, может весу под килограмм за сто пятьдесят. Божана казалась бы рядом с ней как лань рядом с кем... да с тем же слоном. Волосы жирные, на длинной рубахе следы грязи и жира. Брр.

— Чево надобно? — спросила гигантша.

— На постой потребно. Казали, что у вас можно, — ответил я сдерживаясь, чтобы не развернуться и не убежать.

— А куны есть? — с хитрым прищуром спросила баба.

— А сколько? — я скопировал хитрый прищур.

— Дак за день... — задумалась она. — Сем кун.

Я вытащил серебряную монету, заранее приготовленную, в которой было под пятнадцать граммов серебра и демонстративно начал ее рассматривать и подбрасывать в ладони. Если все правильно рассчитал, то куна составляла четыре грамма серебра, получается сейчас у меня в руках меньше запрашиваемой цены. Я достал еще одну монету, что составило бы уже восемь кун.

— Это, — я показал глазами на две монеты в руках. — За день постоя и вечерю, да чтобы с мясом.

Вытерев руки об подол рубахи, нисколько не стесняясь ее, задрав, что открыло ужасное зрелище толстых ног с воспаленными венами и какими-то пятнами, баба подошла и взяла монеты. Да у нее и варикозное расширение вен и скорее всего диабет, правда, откуда, если сахару тут не должно быть, или диабет от этого не зависит? Рассмотрев с большим интересом монеты, она, еле уловимым движением, спрятала серебряные кругляши в кошель, который висел на тонком, в виде веревки, поясе.

— Ну, пошли! Горницу покажу, — сказала дородная баба.

Горница, которую мне предложили, была мягко сказать «не очень» — малое пространство, одна большая лавка, сундук, маленькое оконце в бычьем пузыре, и больше сказать нечего. Мой «президентский люкс» был одним из четырех похожих номеров. Спать здесь ну никак не хотелось, да я уже и задумался, что этот отель пяти звезд мне не нужен. Если завтра ситуация не прояснится — ей Богу уйду на заимку в том лесу, где повстречал Войсила. Этот средневековый умник кинул меня. Или пойду в княжий город. Деньги есть, пистолет есть, крутой арбалет, даже пару гранат, еще винтовка.

Божана... От имени этой девушки тепло становится. Предложу ей, как в дамском

романе более поздней эпохи, сбежать. Ладно, как говорится: «Утро вечера мудреней». Поем, спать в сани пойду, может и получится немного отдохнуть. Спальник поможет выдержать и не такую непогоду, да и живность с вещами оставлять нельзя, хозяева этого заведения явно не гарантируют безопасность своим гостям, как и сохранность их имущества.

Время было еще не позднее. Мои часы показывали только семь вечера, но не думаю, что в этом средневековом отеле ужин по расписанию. Слегка просушив свои навороченные унты у печной трубы, я поспешил в большой сарай, где были «припаркованы» мои кони, и маялась от безделья проголодавшаяся сигнализация с виляющим хвостом.

Да здесь была печь! Что меня удивило, правда, в комнате уже скорее узкая кирпичная труба, но и от нее было достаточно тепла — единственный плюс помещения. Наверное, для местных факт печного отопления перевешивал все минусы, но не для меня.

Мой зверинец встретил хозяина по-разному. Шах обрадовался и чуть не сорвался с привязи для порции ласки. Кони же фырчали — стог сена у них был разворошённым. Нужно было овса купить для них. Таких коней одним сеном нельзя кормить. Найдя завалившуюся где-то под шубами банку рыбной консервы, открыл ее ножом и покормил пса. Потом, если мясо вообще мне достанется, принесу собачке свежеприготовленного.

Провозившись со зверинцем, почистив пистолет, снарядив дополнительную обойму, проверил арбалет, навел порядок в санях и пошел в главный, так сказать, корпус, отеля. Выходя из своего люкса, я увидел помещение, всего раза в четыре большего, чем выделенная мне горница — там поместились три больших массивных стола, вдоль которых были лавки. Ну, человек так на тридцать в тесноте. Сейчас же было только две компании всего не более человек двенадцати.

— Хозяйка! — Обратился я той же большой женщине, которая и встретила меня изначально.

— Ты мне? Чаво? А, снедать? — растерялась «мадам».

Одежду она так и не сменила, только, казалось, на ней появилось еще больше маслянистых пятен. — Дык, седай! Сейчас!

Хотелось бы отдельный кабинет. И если бы такой и имелся, золотого бы не пожалел. Но имеем то, что имеем. Однако, постарался присесть подальше от компаний. Лучше бы на вынос взять, но бегать от возможных проблем и людей, которые их могут создать? Нет! Тем более все больше стал появляться азарт, желание каких-нибудь авантур. Наконец, я бы с удовольствием и в морду бы получил, а еще лучше — кому морду набить. Надеюсь это не садо-мазо, а стресс? Есть от чего.

Кувшин с какой-то жидкостью мне принесла молодая девчонка, а к нему два куска хлеба. Девочка была худюшая, со впалыми щеками. На вид ну лет двенадцать-тринадцать. Догадываюсь, что для этого времени это почти переходный к замужеству возраст, но Божана, которая явно была несовершеннолетней, воспринималась иначе, да и все женские признаки у нее на уровне. Опять Божана...

— Спаси Бог! — сказал я вслед быстро удаляющейся девочки.

В кувшине было пиво. Я ждал медовухи, кваса, браги, а тут пиво. Мне казалось, что его сложнее варить. На вкус было... Просто и необычно. Хотелось себя убедить, что это не порошковое — настоящее, значит вкусное, но нет. Фанатом пива не был, и, видимо, и не стану, так как запах пива, а на вкус никакое.

После пару глотков из кувшина, решил ненавязчиво прислушаться к разговорам.

— Так и ея, тудыт раз тудыт, а она корчится тута, дык я ее... — увлеченно рассказывал о

своих любовных похождениях небольшой, даже плюгавенький мужичок лет так под сорок.

Наверняка на ходу придумывает. Но это нормально для мужской хмельной компании, а компания явно бражничает — кроме кувшинов на столе ничего и нет.

— А он мне и говорит, склад треба ставить в граде, товар негде хранить, а с мариянцами ентими торг можно и отсюда вести. А где ж я артель та найду. Вон все артели по низу в Новограде, тут где я найду?.. — жаловался прилично одетый на вид мужик с почти седой бородой. Наверное, приказчик жалуется на своего купчину.

Через минут двадцать сидения и неспешного питья пива принесли еду. Кусок приятно пахнущего мяса на глиняной миске. Брутально так получилось — оформлением блюд не заморачиваются, да мне этого и самому не нужно. Мясо было нормальным. Придаться ко вкусу можно, мало соли, приправ кроме чеснока и нет, но это с придирками. Съедобно, сытно и замечательно.

— А вино есть, хозяйка? — выкрикнул я, чем привлек внимание всех присутствующих.

— Демьян, ты живот свой на купчину Вышату положил и вино не берешь, а тут вон как выискался вина ему, — сказал весельчак из компании «приказчика» и засмеялся.

Ох уж этот средневековый юмор.

— Серебро даш найду, только у нас тут вина мало, — ответила хозяйка, выглядывая из-за угла, за которым, видимо, была кухня, по крайней мере, именно оттуда шло основное тепло в помещение.

— Неси! — сказал я, на сторонние реплики решил пока не обращать внимание. — Да мяса еще два раза по столько и хлеба!

Жор проснулся. Все на консервах, которых и так немного взял, за всю дорогу от хутора-заимки мясо ел только несколько раз. Подходить самому к костру и просить было, как говорят, неуместно, а охотиться, свежевать, да на ночевках жарить тоже не настолько я был хорошим охотником. Показывать, что все перечисленные процессы мне мало знакомы — взрастить больше подозрений, которых и так хватает.

Как несла кувшин с вином сама хозяйка, так подносят в XXI веке в мишеленовских ресторанах блюдо от шеф-повара. Даже громила-баба смогла с грацией пронести вино и аккуратненько с исключительной деликатностью, поставить возле меня. Сколько она с меня сдерет за это вино? Как-то не подумал, что здесь в северных широтах с вином не может быть просто и дешево. Нужно быстрее менять свои жизненные нарративы.

Следом за хозяйкой серой испуганной мышкой прибежала с большой миской девочка. Поставила и сразу убежала. Да, запуганная девчушка и вряд ли в родстве. Родственников до такой анорексии не доводят.

— А что, отрок, отец дает хмельного вина пить? — не угомонился весельчак.

И снова хохот.

Но посмешищем не буду.

— Отец мой добрым хозяином и христианином был, и за веру христианскую бился, и на поле ратном полег, — говорил я привставая. — А последний, кто мне вино указывал не пить, помер от стыда.

— А как от стыда помереть то можно? — продолжал весельчак, но я уже знал, как ответить.

— Так вот мой стыд, — сказал я, резким движением вытаскивая саблю, и сделав вид, что собираюсь ударить средневекового весельчака.

Тот от неожиданности постарался уклониться от замаха, но упал и разлил на себя

мутную жидкость из кувшина, который не выпустил из рук. Весь честной люд великосветского заведения разразился смехом.

— Вот Митька, как тебя малец-то, а ты отрок удалой так ему и нужно, ха-ха, — заливался смехом собутыльник или сокувшинник валяющего балагура.

Как ни странно, зла на меня никто не держал, а падение Митьки стало главной темой для последующего часа. Как же люди из одного эпизода столько разговоров могут выжать? Да, недостаток новостей сказывается — вам бы интернет на часок, разговоров было бы на всю жизнь.

Я неторопливо ел, когда в помещение зашел недавний знакомец, который вылез из сарая при моем приезде в это расчудесное место.

— Мила, хоть сюда! — прокричал он с порога, и баба-громила пошла к нему навстречу.

Едрит твою — Мила! Да это имя меньше всего к ней подходило. Мила, блин. Эта огромная «Милочка» что-то пошептала с бандитского вида мужиком, слегка косясь в мою сторону. Обсуждают меня. Может то, что я новенький? В городе, по любому, чужой человек сразу на виду, может, что вино заказал? О другом думать не хотелось, но усилием воли и это предположение в своих мыслях я озвучил — меня хотят грабить! Нет, спать я буду точно в санях с саблей и пистолетом в обнимку.

..........*

Василий Шварнович, боярин дальней сторожи, в миру Войсил, сидел на широкой лавке в просторной горнице. Напротив его расположился широкоплечий человек, одетый как купец, в шитый серебром кафтан, под которым была длинная рубаха с красочной вышивкой. Широкий пояс, так же расписанный разноцветными узорами отягощался четырьмя увесистыми калитами и небольшим, украшенным серебряными пластинами и самоцветом, кинжалом. По одежде можно было сказать, что муж был купцом, пусть времена варягов, когда те были и воинами и купцами прошли, но повадки этого торговца выдавали в нем сильного ратника. А гордый и орлиный взгляд, который, казалось, обзирает все вокруг, демаскировал и начальственные задатки командира большого воинского подразделения.

— Так, что Василий Шварнович, говоришь, Кутияр воду боломутит? — спросил «купец».

— Так и есть, не отступится Глеб Всеславович. Наш человек не урезонил степного хана. Катияр думает победить татарву и взять под свою руку всех западных половцев, — сказал Войсил и потянулся к кувшину с квасом.

— О как! Ханом великим пожелал стать, а рати русские ему допомогу чинить будут. Лис степной! — Глеб Всеславович сплюнул.

— Я так мыслю, что не наше то все! Паче киевские, да черниговцы с волынцами полягут, а владимирский стол окрепнет, — «сотник» погладил аккуратную, вычесанную бороду. — Нам с того прибыток.

— Так-то так, да что за зверь такой те татары? Ослабнет Русь, и может все под них ляжем? — «купец» налил себе квасу в небольшой кувшин, выполнявший роль кружки.

— Может и так, может и так, — задумчиво произнес Войсил, поднося свой кувшин ко рту.

— А что марийцы, да мордва? — поинтересовался Глеб Всеславович.

Василий Шварнович не спешил говорить. Этот разговор оказался раньше, чем ожидал сотник. Приезд старинного друга Глеба, который отыгрывал роль купца, ожидался через две седмицы. Вся информация не успела уложиться в голове, а тут нужен анализ и выводы.

Мордва и мари́йцы не будут помощниками и союзниками — сильны противоречия. Недовольны они и активностью в районе строительства Низового Новгорода. Против татар они не станут под одно начало, но и поостерегутся от набегов, да и удобное время для торговли с мари и мордвой, о чем они и просили. Только главным товаром соседи хотят оружие и брони, но готовы хорошую цену платить. Тут и пушнина, и снедь, и скотину готовы отдать. Мари́йцы только вот еще могут воинов дать, намекнули, что христиане будут, но бродники. А какие из бродников войны? Голытьба да тати. Беглецов и извергов в той стороне хватает, много христиан. Да что за войско, если они от порядка бежали. И за всем этим стоит проблема татар. Есть ли возможность, что обойдет Русь сия напасть? Есть. Войсил был почти уверен, что возможности направить татар по южному порубежью есть, нужно только постараться.

— Знаю, что торг с ними добрый будет. Можно и калиты свои набить, а на те гривны воев готовить. Ратные нужны будут для обороны и от татар и половцев и мордвы. Тут отрок один рассказывал, что татары не успокоятся и пойдут на Русь и далее на ляхов, угров и франков, — взгляд Войсила уставился на собеседника. — Глеб, татарва может вывести три и сто тыщ воинов! Хорезм взяли, а там люду было больше, чем во всех княжествах Руси. А мы не объединимся, Полоцк не придет, Новгород з лицарами ратится.

— Что за отрок, что мужа научает? — спросил Глеб Всеславович

— Чудной вон, токмо можа и польза буде, — сотник улыбнулся с прищуром.

— Ты нашел ЕГО? Войсил, что разум мне морочишь? Прости Господи! — восклицал Глеб. — Кто он? Что выяснил?

— Не знает он почитай ничего, только, словно предвестник страшного. Думаю, что присматривать нужно за ним, но дать свободу. Монахов ловить на том, что они будут стараться его взять себе. Так что, Глеб Всеславович, дай мне еще полсотни ратных, иначе и не выдюжу, — не переставая наслаждаться замешательством своего друга, говорил Войсил.

— Ты не отдашь его мне? — спросил Глеб, не рассчитывая на положительный ответ.

— Он в род мой войдет, ты присматривай за городом, да монахами, вылавливай их, — ответил Войсил.

— Ты решил Божану выдать за него? Племянницу не жалко? — догадался о планах друга Глеб.

— У нее глаза горят, приглянулся отрок, так от чего же не выдать? — Войсил пожал плечами.

— И решить свои проблемы, — усмехнулся Глеб Всеславович.

— Как водится, не без того, — сказал Войсил и отхлебнул с кувшина хмельной жидкости.

— Не загуби его, а при случае сведи с этим Предвестником, — сказал Глеб Всеславович и последовал примеру друга, опустошил свой кувшин.

— Эй, Наська меду дай нам, да снеси нести не гоже мужам добрым без хмельного сиживать. А поутру поговорим еще, — крикнул Войсил и перешел на другие темы о семье и деятельности князя Василько.

ГЛАВА 3 КОРНЕЙ. ПЕРВАЯ КРОВЬ

После достаточно плотного обеда внезапно и требовательно меня настигла проблема, о которой не всякому и расскажешь — найти нужник. Пришлось долго соображать, а потом и искать это место, но справился. Объект находился на улице внутри того сарая, где я и повстречал «бандита».

Выторговав у Милы еще и овса для коней, что обошлось по деньгам, как бы не больше, чем вино, я взял недоеденное мясо и хлеб и направился к саням. Уже давно стемнело, и морозец все больше цеплялся за оконечности тела. Хотелось укутаться в спальный мешок и забыться хоть ненадолго. Тщетно, и нет нам покоя, ни ночью, ни днем!

Если меня будут грабить, то сани, в первую очередь, обыщут. Саблю я не скрывал, она так и висит у меня на поясе, могли и арбалет присмотреть, а тати народ не боявитый. Трусом прожженный бандит быть не может, а вот опасливым — завсегда. Так что пограбить тишком и так, чтобы без контакта со мной, это можно, но вступать в прямое противостояние — нет. Могу и ошибаться, но существует же общее в характерах и поведении людей, к какой бы эпохе они не относились.

Укутавшись в спальник таким образом, чтобы можно было быстро его скинуть, попытался уснуть. Но перед тем, как расслабиться, проверил и пистолет и арбалет. Натянул балаклаву, чтобы не отморозить уши и нос и закрыл глаза. Шах лег рядом.

Спать в санях было неудобно, да и ожидание опасности никак не способствовало отдыху. Усилием воли я заставил себя отринуть внешние раздражители. В этом мире, где я чужой, можно ждать опасности отовсюду. Удастся ли поспать в следующую ночь? В лесостепи, куда меня выбросило, было ли безопасно? Да пошло оно все!

Ожидал, что проснется интерес к познанию, историк же я. Или уже был им? Не просыпается нечто иное. Желание выплеска адреналина, событий, драки, крови, наконец!

Кровожадностью я не страдал никогда, но перед переходом, накручивал себя настолько, что был готов драться сразу же, как только увижу хроноаборигена. Любая эпоха требует крови. Не знаю ни одного временного периода, когда бы не лилась эта красно-алая жидкость, где не было бы слез по утрате. Каждому поколению свои испытания, своя война.

В это время, пусть я до конца еще не разобрался в менталитетах местного населения, крови должно быть много и становление в социуме невозможно без силы. Нельзя в средние века быть трусом и подняться вверх. Купцы, даже многие свободные смерды, труса не празднуют, а я боярина отыгрываю. Боялся я лишь одного — отката после первой пролитой чужой крови. Не сломается ли психика? Людей я еще не убивал.

Так, хватить рассуждений — спать! Время полдесятого. Тати могут заявиться под раннее утро. Накрутим будильничек на часах, ох, и замаялся я их собирать по мелким деталям после перехода и то — секундная стрелка не работала.

Раз барашек, два барашек — спать.

— Гав, Гав, р-р-р, — услышал я сквозь сон и резко подхватился.

Спросонья я качнулся в бок и приложился головой о край саней. Но не подал звука, попытавшись взять себя в руки.

— Слыш, Буня, Затетеха казала, что малец в горницу не пошел, — тихо отозвалось в проходе в амбар, куда и были оттянуты мои сани и привязаны кони.

— Суемудр, ты, Шинора, — отозвался один из бандитов, но голос был не похож на

Буню.

Так, точно трое есть, может и больше. Как бы посмотреть, да опасно — сразу начнут действовать, а я лежу слишком неудобно, чтобы начинать схватку.

— А ну, цыц, трещите как бабы на торге, — отозвался командным голосом еще один человек. — Насупа, давай троих по правую руку, я с Буняй и Окаем по левую. Бзыря с луком стой тут и гляди, коли что — бей мальчика стрелой, а псина рванет — и ее бей? Понятно? Ходу!

Началось. Их пятеро. Один стоит прямо и нацелил лук, значит уходить нужно в сторону и спрятаться от него за санями. Шаха натравливать нельзя — застрелят дурня.

Медленно, не суется, опускаюсь вниз по саням, потом перекатываюсь вправо. Убрать главаря — первая задача, потом перекатываюсь и в другую сторону. Черт! У меня же есть свето-шумовая граната. Ну как же так, забыл! Рыться в вещах нельзя — не успею.

— Шах сидеть, фу! — прошипел я на ухо псу, снял с предохранителя пистолет.

Так, начали! Это игра, это игра, не бояться! Так, так, еще немного слезть. Это игра! Перекат! Выстрел, еще, еще. Крик кого-то! Стрела врезается в сани, рядом с моей головой. Гаденыш, на звук стреляет!

— Шах сидеть! — прорычал я.

Перекат вправо. Выстрел, еще, еще. Попал? Не знаю. Стрела. Пока лучник перезаряжается, чуть приподнимаюсь. Выстрел! В открытой двери, откуда слегка проникал лунный свет, очерчивался силуэт лучника, он уже целился.

— А-А! — слышится крик, надеюсь, что это тот самый лучник.

Смотреть некогда. Секунда — новая обойма. Патроны еще были в старой, но лучше так.

— Ты, вымесок! — проорал один из бандитов и, уже не скрываясь, рванул в мою сторону.

Метров шесть, темнота, хлюпанье грязи от бега.

Выстрел, еще. Три метра. Выстрел. Огромная тень заваливается вперед и обрызгивает меня грязью. В сарае, где и до этого тишины не было, поднялся суший гвалт. Посыпались ругательства, часто и непонятные для моего понимания. И эти звуки приближались. Левая опорная нога уже на санях, отталкиваюсь и прыгаю, сразу же после приземления бегу вперед. Грабители уже рыщут возле саней, зажгли небольшой факел, вероятно, будучи уверенными, что я уже мертв.

Шах! Там же пес остался!

— А-А, — заорал один из бандитов.

— Акаем, за мной — вон он! — крикнул бандит.

Видимо я поспешил с выводами, что уничтожил главаря, есть еще кому командовать этими ворами. И куда смотрит Войсил? Если вот так грабить всех и каждого, то кто отважится торговать?

Шаг, еще. До дверей остается метра три. Убегать дальше? За дверь такая грязь, что и двух шагов не сделаю — догонят, или метнут что-нибудь. Могут и лук подобрать у подбитого лучника.

— Стой сволота! — проорал я, резко развернувшись.

В левой руке сабля, в правой — пистолет. Сколько там осталось патронов?

— Стоим, щенок. Ты пошто, гад, болты вогнал людям честным? — три бандита остановились и даже, кричащие до этого раненые замолчали.

— Честные люди не грабят, а вы тати безбожные, — прорычал я, пытаюсь подробно

рассмотреть нападавших.

— Ты саблю брось, да беги — догнать не станем. А виру с тебя возьмем тем добром, что в санях. Только собаку твоего на шкуру пуцу, — прохрипел осипшим голосом один из ватажников.

— А ты возьми, коли не трус! — прокричал я.

Хотелось бы, чтобы этот переговорщик подошел ближе. А я не промахнусь с пару метров — точно! Честный поединок? Щаз!

— Порву! — прорычал ватажник и рванул на меня.

Выстрел. Тать скорчился и захрипел. Еще один бандит кинулся на меня. Я не стрелял. Секундная оторопь от вида скорчившегося в предсмертных судорогах человека, потом понимание, что патронов больше нет..

— Это игра! — шепотом сказал я.

Моя правая рука действовала, казалось, по собственной воле. Сабля взвилась вверх и встретилась с топором. Лязг металла об металл. Уход с траектории удара топора с отводом зверского вида сельскохозяйственного орудия труда, нырок под правую руку бандита и рассекающий удар снизу вверх.

— Етить твою, — в лицо брызнула кровь.

Рука бандита лежала в грязи, а он, покачнувшись, и выпучив глаза, завалился на бок.

Оставшийся грабитель глядя на меня через сумрак от чадающего факела, пятился задом, выставив руки, как будто это поможет в защите. Это хорошо, что он трусоват оказался. На сегодня я выпустил весь накопившийся пар, да и надолго вперед.

— Батюшка, боярин, меня Шинорой кличут, а я Феофаном крещен. Не губи, батюшка, — испугано, подрагивающим голосом говорил молодой парень уже не птясь, а ерзая в грязи.

— Зачем ты мне, чтобы оставлять? — Сказал я и заржал не своим, звериным смехом.

Начался адреналиновый откат. Можно сколь угодно убеждать себя в том, что все происходящее игра, да только организм свой я обмануть и не сумел. Хорошо еще, что не вижу всего натворенного, точно ужин бы вылез, а там и Шинора бы мог исподтишка и завалить меня.

— Собирай оружие и мертвых в кучу. Пораненных оттащи в угол, подальше от саней, — давал я распоряжение оставшемуся разбойнику.

Ну никак мне не хотелось ни смотреть на тела, ни таскать кого-то или что-то по грязи из талого снега, сена и навоза.

— Да, господин! — поклонился пронырливый разбойник и стал выискивать тела.

Может ли сбежать мой пленник? В его поведении я не видел стремления побыстрее покинуть это место убийств, да и пусть бежит! Если на то пошло — есть еще стонущие раненные, а один так и проклятиями осыпает. Они то и расскажут, что случилось. Ну, на всякий случай, я взвел арбалет и стал у выхода.

Нужно уезжать, но вначале привести мысли в порядок. Вряд ли тут быстро будут реагировать на такие случае, тем более глубокой ночью. Да, точно не будут!

— Шах! Ко мне! — только сейчас я вспомнил о псе. И на мою радость он гавкнул и через несколько секунд подбежал. — Ай, ты мой молодец, жив целехонек. А что ты там натворил, проказник. Татя загрыз? Звереем мы с тобой дружище, звереем.

— Шинора, как работа спорится? — крикнул я.

— Боярин, я два татя уже обыскал и уложил, — ответил хитропопый бандит,

демонстрируя, что он чуть ли не сразу был на моей стороне.

— Раненый кто, ты же всех знаешь? — спросил я, направляясь к саням, чтобы соорудить факел, одного было явно не достаточно, а хотелось бы уже увидеть картину произошедшего.

Морально я уже был готов увидеть и кровь и кишки с разлетевшимся мозгом.

Быстро соорудив факел, я огляделся. Возле саней лежал здоровенный мужик с рваной раной на шее. Это Шах его так? Мой щеночек догодок? Хорошо же пса натаскали кинологи будущего — советовали, мол, лучший. Сейчас верю. И это после только затянувшейся раны от волчьего укуса.

— Силен ты братец! — сказал я псу, который увлеченно наблюдал за действиями Шиноры, тем самым стимулируя пронырливого бандита не халтурить.

Так, что дальше? Нужно было бы спросить с раненных, кто навел их, узнать кто такая Затетеха. Я думаю на хозяйку Милу. Странно, хозяйку видел, а хозяина так и не показался. Почему они на меня напали, хотели ли убить? Грабить можно было по-тихому. Хотя как по-тихому, если я сплю на своем добре?

— Кто такие? — спросил я, подойдя к лежащим раненым.

Один был стрелок, вроде это к нему обращались, как «Бзыря», второй был без руки, но даже не отключился от шока.

Стрелок-снайпер был ранен в правую ключицу, молодой на вид парень закрыл глаза и что-то шептал себе под нос. Молится что ли? Безрукий, скорее всего, не выживет — крови потерял много, да и остановить ему кровь некому.

— Так ты, — обратился я к безрукому. — Кто таков?

Тать посмотрел на меня с превосходством и сплюнул.

Ага! Как там называется мероприятие? Экспресс-допрос! Я достал нож и... Ничего не сделал. Замешательство и меня вырвало. Как представить человеку двадцать первого века, нормальному человеку, пытки, да еще и однорукого? Так, вытереть слюни, — это игра, это игра. Я взял воткнутый факел и резко прижал его к культе татя.

— А-А! — заорал бандит. — Я княжий ратник, не смей!

Очень интересно! Княжий ратник! Коррупционная схема, оборотни в погонах или в чем, в кольчугах? Правда на этом кольчуги не было.

И чего теперь делать? Хотел же сразу бежать! Где ты, Войсил? Договорились же обо всем! Не его эти люди? Если бы он хотел ограбить или убить, то на заимке бы спокойнее это сделать. И уже давно мог рассматривать свою наглую рожу в мое зеркальце.

— Кто сотник? — прокричал я и направил факел в лицо тати, слегка подпалив его бороду.

— Лука Фомич сотник городской стражи, — не успел допрашиваемый ответить, как его доклад дополнил услужливый Шинора.

— Не с тобой говорю, — прорычал я проныре. — Кто навел на меня?

— Мила сказала, что в санях много скарба и кони добрые. Мы не убивать шли, а только взять. Ты мил человек не серчай, мы и виру добрую дадим, и людишек найдем холопских, — заискивающе стал говорить тать, как будто забыв про отрезанную руку.

Мне же казалось, что он просто истечет кровью и все... а этот надеется и верит.

Я не увидел, как мне прямо в лицо полетел ком земли, заставив зажмуриться. Опоздало пытаюсь закрыться, когда грязь уже попала в глаза, моя рука с факелом дернулась к лицу бандита.

— А-А! — заорал тот.

Борода! Длинные, неухоженные в колтунах волосы вспыхнули моментально, а факел жег лицо человека.

Опомнился я только тогда, когда запахло жареным мясом. Еле сдержавшись от рвотного позыва, я убрал факел. Тать, чье имя так и узнал — лежал бездыханно, но думается, что еще жив.

— Так, теперь ты, — обратился я к лучнику. — Говори, а то сожгу заживо.

— Так я что, я ничто. Я скажу. Новик я в сотне Луки, а это, — он показал на лежавшего безрукого. — Ратник, остальные тати местные. Шинора вот тут у Милы живет, да грабить всех, кто во хмели.

Я посмотрел на вора-карманника, который сжался и закрыл глаза, ожидая толи удара, толи кары небесной.

— Дальше! — крикнул я и поднес факел ближе к лучнику.

— Вон тот, — стрелок указал на один из нападавших, которого я подстрелил последним. — Хозяин двора, Насупа зовут, Евлампием значит в церкви. Он бывший ратник, а хозяйку Милой зовут, но все Затетехой кличут. Мила казалась, что ты пришел с обозом Войсила, а скарб твой богатый и ты без роду, может и изверг безродный. Вот мы порадели, да решили...

Пошевелился однорукий и я, даже не совсем осознав, что делаю, рубанул ему саблей наотмашь, снеся полчерепа. И ничего не почувствовал. Это я становлюсь маньяком? Сколько на мне уже смертей? Четыре! Шах мой пес, наверное, то, что он загрыз человека тоже мой грех.

Но что же действующие ратники делают в этой ватаге? Сами решили выйти на скользкий промысел? Или все сложно и тут задействованы силы сотника городской сотни? А кто в этом городе Войсил и станет ли за меня просить, или требовать? Во, влип! И бежать — это так себе вариант. Куда? Я уже обрисовал себе ближайшее будущее. И еще уверен, что подобное будет в той или иной степени, но везде. И пограбить отрока еще очередь выстроится.

Надежда только на то, что все обойдется и сам городской сотник откажется от своих подопечных.

— А сотник знает, что вы делаете? — задал я лучнику очередной вопрос.

— Невместно мне то знать, — ответил стрелок.

— Знаешь, вижу, что знаешь! — сказал я и решил поиграть в колдуна.

По моим представлениям, суеверия в этом времени столь сильны, что проклятия порой больше боятся, чем смерти.

Только я собирался с мыслями изречь «проклятия» и «заклинания», как у дверей послышался быстрый, обрастающий звуками, топот копыт. А через десять секунд в сарай ввалились восемь человек с мечами и топорами наперевес и двое лучников, разошедшихся по сторонам и взявших меня в прицел.

Ну, вот и все...

— Что тут произошло? Кто такие? И ты Шинора тут? — начал задавать вопросы седобородый, но еще молодцеватый мужик. — А ну, брось зброю!

Я кинул саблю, но пистолет просто спрятал сзади под ремень.

— Никола, ты что ли? — крикнул удивленно мужик, явно бывший за главного.

— Я, дядька Лавр, — тихо отозвался лучник и потупил взгляд.

— Раненый? — спросил Лавр.

— Так, дядька, — все еще не поднимая глаз, ответил Никола.

— Так, а кто тебя? Тати? — сотник показал на убитых разбойников.

— Дядька ты Федору скажи, что тут так вышло? — попросил Бзыря. — И про отрока скажи, а я пойду, дядька, в бега уйду, к извергам в марийском лесе.

— Воно как? Ты с татями этими? — десятник опустил меч и почесал бороду. — Не будет тебе добра с отступниками и затворниками. Ты погодь, разберемся, — десятник поднял меч и громогласно заявил. — Так, Никола — ты домой и отцу поклон от меня. Ты новик, веди к сотнику этого отрока. Митька, Демка — вы тут за скарбам приглядите, спросите Милу что да как. Вон Евлампий, муж ейный лежит. Неужто отрок всех положил? Евлампий сильным был, на мечях люто бился. И смотрите мне, чтобы ничего не пропало! Не верю я, что отрок сей простой и за ним род не стоит.

Под руки меня не брали, осмотрели и просто велели идти за конвоирами. Надеюсь, что ничего не возьмут.

Интересно, что десятник городской стражи не знает, что ратники из другого десятка делают. Вон как удивился, знакомого увидав, даже домой отправил. Интриги! Но радует, что не все в коррупции погрязли. Осталось узнать, как поведет себя городской сотник, да Войсил. Кто из них важнее городской сотник или сотник сторожи?

Проводили меня в детинец, где возле главных ворот по правую сторону от входа был зиндан. Вряд ли местные знали это слово, но зиндан был. Глубокая яма метра в четыре в глубину, которая закрывалась плетнем. Хорошо еще, что не раздели, и в куртке было не так зябко, да и подымалось уже солнце, судя по лучикам солнца, днем сильного мороза не должно быть. Выдержим. Оставалось только ждать и держаться.

Ожидания были долгими как морально, так и физически. С психологическими проблемами пытался разобраться игнором внешних раздражителей. Декларировал стихи, даже пел песни. Может поэтом-сказителем заделаться? Нет, а что? Что-нибудь придумаю. Там у Лукоморья дуб зеленый, или вставай страна огромная...

Еще сотни тысяч русских ратников будут маршировать по улицам Берлина. Тьфу ты на кой ляд этот Берлин, а вот Ригу да Мемель можно, да еще пока Крым их, а надо наш, или не надо?

Черный ворон, что ты вьешься...

А чего я хочу? Да, по сути, и ничего! Может монголов нагнуть? Да сдались они мне. Не пустить на Русь — пожалуй, хочу. С ними бы равноправно дружить. Разные культуры, технологии, а Русь на стыке цивилизаций — сильная и богатая Русь. И через нас идут караваны с бумагой, порохом, нефтяные трубопроводы, нефтедоллары. Медленно схожу с ума! Если бы не просачивающийся через плетень солнечный свет, был бы уверен, что прошло уже не меньше двое суток.

Родина, еду на Родину, пусть кричат уродина...

А что, если сказать, что я прорицатель, нагадать что-нибудь из событий — и в святые податься? Молитвы подучить и вуаля — на Руси свой пророк! Нет, тут так не станешь почитаемым. Вот, к примеру, развалить великую страну, быть убитым, как и миллионы бывших своих граждан и святой! Как Николай 2. Нет, тут нужно идти через лишения и очищения, ни разу не ошибиться, всегда быть праведным. И то можешь и не быть святым, если хотя бы где не то скажешь, а я могу, я чуть иного цивилизационного кода. Так что путь такой не по мне, тем более с моей любвеобильностью. Эх, Божана... Ты-то где? Где Тургеневская женщина, которая на край света за своим романтиком-утопистом пойдет?

Эй, начальник!

— Чаво орешь-то? — пробурчал старческий голос сверху.

— А кормить то будут? В тюрьме вон ужин — макароны дают! — прокричал я невидимому собеседнику.

— Ты чаво там лаешься, безбожник, и не Макар я, а Матвей, а что тебе Макар по ужину дает, то и не ведомо. Седи там, не положено разговоры разговаривать. А что ты сделал, отрок? — сам себе же противоречил собеседник, призывающий молчать.

— Татей порубил, дядька, — ответил я.

Хоть с кем поговорить, может, чего у любопытного охранника узнаю. А то уже и весь свой песенный репертуар исполнил.

— А сколько татей, а аружно, али конно бились? — не унимался пожилой ратник.

Его голос выдавал одинокого, но любознательного старичка, которому и поговорить не с кем.

— Оружно, дядька, четырех убил, одного поранил, — сказал я.

Через некоторое время плетень отодвинулась, и чуть ли не скатываясь сверху в зиндан, плотненький седобородый ратник согнулся и стал рассматривать меня как диковинного зверя.

— Бреешь! — после осмотра, тоном эксперта, заявил старичок.

— Может и брешу, посидишь тут седмицу и не так брехать станешь, — философски заметил я.

— Ты это, может пить, али снедать хочешь? Токмо у меня сухари, да водица. А ты боярин, купец, али смерд? Чудна адежа на тебе, не понятно, кто ты есть, — Опять перепрыгнул с темы на тему старичок.

— Пить хочу, Христа ради, и поесть можно. А я сын боярский, — ответил я, придерживаясь своей легенды.

— Пить принесу. Так ты татей порубил? — уже скрывшись из виду, отдаляясь, кричал ратник, не веря моим словам.

Ну и как тут отвечать. На один вопрос ответишь, а тебе еще пять вдогонку!

— Матвей, почему яма открыта? — послышался голос еще одного человека. Конечно, один старичок не может быть на охране. Видимо, напарник. — Слыхал, двух из десятка Федора тати зарубили? Еще и Евлампия убили. А татя того изловили.

— Что ты бреешь? Если изловили, так его сюда и кинут. А тута вона отрок только, говорит, что татей порубил ажно четверых! — ответил Матвей.

— А коли он татей, дык чего кинули в яму? Вот так, этот он и есть тот тать! — сказал собеседник моего старичка.

Через минуту лицо Матвея показалось вновь, и он еще пристальней рассматривал меня. Через пару минут, ничего не говоря, плотнее закрыл яму и ушел. Вот так и закончилось человеческое общение. Остается только с собой беседовать.

Сколько я еще просидел — не понять, но солнце, видимо еще не скрылось, только светить стало не ярко. Может и облака закрыли светило, а может уже вечер. Часы-то я перед уходом спрятал в свой маленький сейф. Уверен, что аборигены не додумаются до универсального кода 11112222. Подумал, что, если что — пусть в относительной сохранности побудет. Болгарки тут нет, а как иначе открыть изделие 21 века даже не представляю.

— Эй, отрок, хватай, — прокричал незнакомый голос имне сбросили веревку.

А я, оказывается закимарил, через открытую яму показалось звездное небо.

Встатваь было тяжело, ноги затекли, рук практически не чувствовал. Вот же изобретение — зиндан! Да через пару дней мне и по лестнице отсюда было бы не выбраться. Как там показывали в Голливуде? Сидит сиделец в яме год, а потом всех нагибает — и вперед. Бежит, скрывается, сражается. Теперь можно было, подражая Станиславскому, кричать: «Не верю!».

С большим усилием я ухватился за веревку и подтянулся.

— Вот, а ты говорил, что лестницу нужно нести. Вон, как медведь лезет, — комментировал мои неловкие потуги подтянуться неизвестный охранник.

Когда я все же вылез, мне дали воды, и стоило больших усилий хотя бы отмыть кровь, которая засохла на голове и лице. Да и отмыл ли все? Зеркала не предложили. А я бы предложил за гривен так двадцать. Нет! За сто!

Пока, насколько мог, приводил себя в нормальный вид, а по дороге к большому дому в центре детинца, думал о зеркалах.

Стремление отвлечься, которое я уже прокачал в яме, вовлекло в пространные мысли о будущем, которое покрыто плотным туманом.

Долго от реальности не побегаешь, а по факту, два ратника вели меня к большому двухэтажному зданию в центре детинца, где практически силой усадили на лавку и приказали ждать. Суд? Потом голову с плеч и все... был попаданец, да весь вышел. Причем, в моем понимании, большинство тех самых попаданцев, о которых писали в книгах, именно так и должны были закончить свой героический путь всенагибаторов.

Мысли перенеслись в сторону возможной казни. Что там? Четвертование, обливание водой на морозе, поспросят посидеть на коле. Последнее вообще вызвало отвращение.

Здание было добротным, не смотря что и деревянное. Создавалось впечатление фундаментального строения, чего я еще не видел в этом времени. Бревна, размером больше моего охвата, лежали на мхе в стыках, и являли собой невообразимо массивные стены. Поверху и по углам стен на бревнах была декоративная резьба. Просторное помещение с колоннами, куда в итоге меня и привели, было оштукатурено и расписано растительными орнаментами.

Мы вошли в комнату с большой печью. Было настолько натоплено, что ломило кости и сразу же начал обильно стекать по спине пот. В конце комнаты восседали двое. Один сидел на большом стуле, другой же на лавке у массивного стола. Кто был передо мной? Даже не догадывался! Хотелось выкрикнуть: «А судьи кто?».

— Кто ты? — обратился ко мне человек, сидящий на большом стуле.

Сперва, как только меня ввели в комнату, было рассмотреть людей, что присвоили себе право задавать мне вопросы, но глаза быстро привыкали с полумраку. Когда же глаза привыкли, я увидел в восседающем на стуле человеке бывшего культуриста лет под пятьдесят. Когда люди, постоянно занимаются атлетизмом и после десятилетий бросают, становятся большими, но и обрюзглыми. Небольшой, но явный живот, выпирал из-под богато расшитой рубахи. Но это был все еще могучий человек, с брезгливым и отстраненным выражением лица, что сразу же вызвало у меня антипатию. Не люблю гримасничающих людей, возвышающихся надо всеми.

Мои провожатые разошлись стороны, как бы демонстрируя, что судят именно меня.

— Корней, сын Владимира — воеводы полабского. — Чуть запоздало ответил я.

— Воеводы? — ухватился за слово главный клоун этого цирка и посмотрел на сидящего

у стола человека, который и вовсе пересел так, чтобы я его не видел.

— Да, мой отец был в походе с немецкими рыцарями в землях сарацинов, где и сгинул, а я на Русь пришел, — начал я свой рассказ, но был перебит.

— Так ты сирый и рода на Руси не имеешь? — как-то обрадованно спросил сидящий на большом стуле.

— А кто спрашивает меня, но сам не назвался? — горделиво приподнял я голову, догадываясь, что может сейчас произойти.

Если у меня нет рода, который встал бы на защиту, то можно и грабить.

— Я княжий тысяцкий, а тут еще и Лука — сотник городской стражи. Ты убил его людей, — с раздражением и усилением голоса сказал представитель власти.

— Убил я татей, а людей боярина Луки я не трогал, — негромко, но с нажимом сказал я.

Хотелось рассказать про Войсила, вовлечь его, не мог же он столько времени просто врать? Зачем? Но козырь придержал. Думается, что сотня лесного охотника, который и вовсе непростой человек, действительно может повлиять на ситуацию.

— Ты убил двух моих людей, Николу поранил, Евлампия — честного человека убил, значит, ты — тать, — проорал выбежавший Лука.

— Так это твои люди пришли меня грабить? Ты приказал им воровать у сироты? Так суд княжеский вершиться в Унже? — кричал и я по принципу — лучшая защита — это нападение.

Да и чего уже терять, понятно же, что не суд это, а судилище, фарс, исполнение, так сказать, протокола, который уже и подписан.

Как же здорово все перевернули. Теперь я и убийца, и самый злобный тать.

— Пострелял всех из самострела, тать и есть! — продолжал кричать Лука.

— Они пришли к моему скарбу с мечами, топорами и луком. Поговорить пришли? Али меду налить? Тысяцкий я виру прошу и суда честного. Ты спросил Николу? Спросил Шимору? Милу, что навела на меня посадил в поруб? — Остановиться в эмоциях было уже сложно.

Меня несло. Они что на лоха нарвались? Разведут деда средневековые сироту, заберут все. И что я отдам так просто? Путь казнят, или что там в приговоре? Но суть дела потребую донести до народа. Молва и так узнает, уверен, что «сарафанное радио» уже запустило эфир. Не я первый, кто с коррупцией столкнулся в этом городишке, это точно. Это же просто беспредел!

— Плетей дам, коли не успокоишься! — проорал тысяцкий и пристукнул по стулу.

Я замолчал. Позицию свою я высказал. Пусть думают, а придумают что — потребую рассказать о происшествии Войсилу.

— В яме посиди! Подумай! Виру дашь за убитых. Конями, оружием, двумя мешками перца, — подвел итог тысяцкий.

— Тысяцкий, а князь прознает, что подарки, кои я ему вез, ты за виру взял? Напиши ему грамоту, что кони, которые для князя на помет, ты так же забрал. И за что? Что татей я побил?! — уже выкрикивал я, когда меня взяли под руки сопровождающие и начали волочь из зала судилища.

.....

Василий Шварнович слушал своего десятника, который докладывал о произошедшем с Корнеем и злился. Рано, рано все случилось! Тысяцкого и сотника городской стражи менять

нужно, да так, чтобы великий князь как бы ни причем. Юрию Всеславовичу, по существу, все равно кто тысяцкий в Унже. А Войсил хочет город сделать центром сбора всех вестей. Да спокойно новиков науке ратной, да разным воинским премудростям учить.

Не дадут же спокойно, если не вырезать всю гниль в городе. Старый интриган хотел вначале вынудить к действиям Вышемира. Выбить его людей, которых уже двадцать шесть человек. А земли этого похотливого вдовца, что и жену свою извел, забрать себе или Божане отдать, вирой.

Извел Вышемир бабу свою, все ненасытный был, а та как понесет, так и выкидыш, только вот Юрия и родила — первенец. Один и выжил. А тот бил жену, да всю злобу на ней и на сыне вымещал, что Бог не дает детей. Вот и померла она неизвестно, толи от очередного выкидыша, толи от побоев.

Расчет был на то, чтобы Вышемир стал действовать и напал на поместье Божаны. А тут уже новый хозяин и, если он отпор не даст, то придет грозный родич и поразит всех, а вирой земли возьмет, да выбьет самых разбойных ратников городской сотни. Нужно было только проследить, чтобы Божана жива осталась. Корней? Да спаси его Христос, но так нужно, коли и убьют. Для дела нужно. Да и чего хоронить парня раньше, может и сам отобьётся или спасется. Ему же Войсил и в подмогу людей даст, от себя оторвет, уж больно крепкие и смышленные парни. Вот с ними, выдюжит, должен.

Сейчас же нужно его выручать. Это же надо — четырех уложил, одного ранил, а сам ни царапины. Странный парень. Войсил не знал слова «перспективный», но именно его бы он употребил.

Войсил дал распоряжение следить за парнем, и возле постоялого двора постоянно были его люди, но не успели помочь.

— Гаврила, почему не помогли татей убить? Твои люди были там? — расспрашивал сотник.

— Были, да не ведали, что он ночью пошел спать в свои сани. Ратники изготавились взять на стрелы всех, кто вышел бы из клетки, — оправдывался десятник. — А оно вона как! Самострелом всех убил, да болты успел собрал.

— А стражники были? — спросил сотник.

— Были. Пришел десяток Лавра. Тоже искали болты, не нашли, хотели доказательства представить, да обвинить Корнея там еще среди воров был крестник Лавра. Честный человек десятник Лавр. Вот бы его сотником? — десятник вопросительно посмотрел на Войсила.

— Поглядим еще. Где сейчас Корней в порубе? — задумчиво спросил сотник дальней сторожи.

— Нет, в яме был, а сейчас повели его на суд к тысяцкому. Да там и Лука тоже, — быстро проговорил Гаврила, как будто сейчас поступит приказ.

Десятник умел складывать факты и понимал, что затеянное дело и все приготовления, в которые так хорошо ложился фактор юнца, летят под хвост.

— Лука... Вон виру за своих брать захочет, — еле слышно, скорее для себя, сказал Войсил. — Подымай сотню, пусть прячут ножи и будут около детинца. Пришли ко мне конно Еремея и Филипа. Я к тысяцкому поеду.

— Еремея? Кхе! Добре, — усмехнулся Гаврила.

Еремей был великаном. Его боялся даже тысяцкий. Этот молчун на спине быков носил, кожу руками рвал. Его топор половина ратников поднять не может. В дальней стороже такой воин вроде не нужен — примечательный, огромный, не спрячется. Казалось, что

увалень, но он мало чем уступает другим ратником. Такого на десяток поставить, но не умеет Еремей командовать. Филипп, приятель Еремея, лучший мечник в городе, да и за его пределами далеко не последний. С ним не могут сравниться ни один ратник городской стражи. Вот этот управлять может и его десяток уже пятнадцать воинов насчитывает. А ведь молод еще — чуть больше двадцати лет. Скоро и до сотника дорастет.

.....

— Куда волочите? — в зал, по которому меня тащили, влетел Войсил в сопровождении двух ратников.

Один был... Былинный богатырь Святогор. Оплывший культурист, тысяцкий, был юнцом прыщавым в сравнении с этим гигантом. Его движения были плавными и выверенными. Чувствовалась мощь. От другого, который был невысокого роста, шла аура чести и уверенности. Этого невысокого человека даже при взятии с поличным на месте преступления, я бы тотчас освободил. Честь, долг, достоинство и не показное — природное. И вот не знал его — чувствовал, что так и есть.

— Тащите на суд? Еще я с свое слово не сказал! Еремей помоги ратникам честным! — кинул через плечо Войсил и гордо зашагал в ту комнату, где происходило судилище.

— Здрав будь, Лазарь Иоанович и ты Лука, — с порога поприветствовал администрацию Унжи, сотник дальней сторожи.

— Спаси Христос и тебя, Василий Шварнович, — удивленно проблеял тысяцкий. Лука же только злобно зыркнул. — Ты пошто пришел?

— Так, поговорить, да честный суд послушать, — Войсил развел руками.

Во время разговора Войсила я, отделавшись от охранников, те просто отпустили, входил в помещение с гордо поднятой головой. Следом шел огромный ратник, который прибыл с Войсилом. Наблюдать за выражением лиц тех, кто только что устраивал судилище, было истинным удовольствием. Тысяцкого покорило, и он заелозил на своем троне, Лука же как-то попятился на пару метров и плюхнулся на лавку, не прекращая растерянно смотреть на большого, но молчаливого моего сопровождающего. Хитрый сотник дальней стражи удачно подобрал спутников, которые, наверняка, уже отметились подвигами и наступили на мозоли местной администрации.

— Так суд был уже, — неуверенно проблеял тысяцкий.

— А я послушаю, что решили, — напирал Войсил. — Корней Владимирович скажи свое слово.

Тысяцкий с городским сотником переглянулись.

— А я скажу то, что и на суде сказал. Коли в этом граде тати грабят люд честной, а стража среди тех татей обретается, да зовутся не христианским именем, а как ватажники, так те ратники и есть тати и бить их несчадно. А виру брать мне нужно за беспокойство мое и на том стою, и стоять буду. И вы свидетели тому, — я обратился к стоящим рядом ратникам, что сопровождали Войсила, а после и к стражникам, которые меня тащили — пусть морально терзаются.

Наступила пауза. Тысяцкий понурился и опустил глаза, Лука тяжело дышал. Войсил с одобрением, а молодой ратник с интересом, смотрели на меня, сокрушителя унжанского непотребства.

— Он людей моих убил, — процедил сквозь зубы Лука.

— А Затетеха уже поет, много интересного рассказала. Не нужно тебе, Лука, брать виру и мы виру брать не станем и на свадьбу приходите завтра, — продолжал говорить Войсил, не

давая опомнится тысяцкому и Луке и вгоняя в оторопь уже меня.

— Иди, Корней с Еремеем и Филиппом, а я еще тут поговорю, — сказал Войсил.

Я в компании, как было не сложно догадаться Еремея и Филиппа, еще бы знать где кто, вышел на улицу.

— Кто ты? — спросил Филип, как только мы спустились с крыльца.

— Встретил Войсила и его сыновей в лесу, вот и прибился, — ответил я, набираясь терпения, чтобы рассказать свою легенду.

Оба ратника слушали с большим интересом, Филип, я все же выявил кто из них кто, все время рассматривал меня, как рентгеном просвечивал. История закончилась, и посыпались вопросы.

— А как там ратники у сарацинов, сильны ли? — спрашивал Ерема.

— Да могучее тебя я и не встречал нигде, — ответил я, веселясь.

— А оружие их крепче нашего? — это уже Филип.

Фанаты войны какие-то попались.

— Ну, бывает и добрая. Вот у меня сабля булатная крепкая, — сказал я и решил переменить тему. — А ответьте и мне теперь! Я волен, или меня снова в яму посадят?

— Не посадят. Войсил, если надо и весь город взять может, а он прилюдно взял тебя под защиту рода.

На улицу вышел Войсил и стражники. Василий Шварнович степенно, величаво пошел в нашу сторону, стражники же побежали к амбару. И уже через пару минут оттуда под уздцы вывели Орла и Араба, следом рыча на палке, как на поводке, вывели Шаха.

— Орел, Араб, Шах, — выкрикнул я.

Отдали все, но виру давать отказались, да и на том ладно. Это сейчас я подумал о вире для себя, как говорить: «аппетит приходит во время еды». Только что просто хотел жить, сейчас же уже хочется жить богато.

Оставались вопросы. Какую роль все же играет Войсил, он же сотник дальней стражи, он же Василий Шварнович, может еще кто? Прийти, все переиграть, когда уже прозвучал приговор. Судя по всему, даже готовый чуть ли ни на штурм детинца. Ну не из-за меня же, право дело. Я стал фигурой на доске? Или еще запасная пешка?

Странно, но вот вопросы о свадьбе ну никак не вызывали диссонанса. Ну и хорошо, а как иначе, договорились же?! Хочет сохранить земли племянницы в роду? Нормальное желание.

А мог ли Войсил просто забрать себе земли брата? Законы Руси не очень хорошо знаю, но если по лествичному праву, так и вовсе все ему должно перейти. Тогда почему практически неизвестному чужому человеку отдавать самое ценное — землю? Или это временно, пока не убьют? И что делать мне? Да, жить пока, просто жить и наслаждаться здоровым телом, которое до скрежета зубов хочется тренировать.

Так бывает, не знаю у меня или у всех, но при хорошем здоровье хочется себя еще и еще больше нагружать. Становишься как наркоман, для которого очередная физическая нагрузка за счастье. Пока только разминался, в обозе старался уйти в лес от глаз, чтобы устроить бой с тенью. Мне-то только теоритически рассказывали принципы единоборств. Нет, по молодости в той жизни занимался и видел мастеров, но с годами мышечная память притупилась. А тут в таком теле, да хотя бы, зная лоуткики да маваша с урокенами, да дыхательную гимнастику, да много чего, можно со временем замахнуться и на свой стиль единоборств.

Отличным бонусом еще шло то, что о пистолете, которым я укладывал татей, не было сказано ни слова. Если станет понятно для местных, что это за такая игрушка у меня в руках, то ничего не останется, как прикрыться китайцами. Кто ж его ведаёт, что «енти китайцы зробити можуть»? Только не пугать, что монголы имеют такое оружие, а то разбегутся по лесам за пару лет до прихода врага.

Сани шли плохо. Солнышко, которое по весеннему начинало слегка пригревать подтопило снег, смешанный с конским навозом и грязью, и Орлу приходилось периодически дергать застревавшие полозья. Но все же доехали мы достаточно быстро. Это не на метро больше часа до работы добираться. Тут городишко меньше микрорайона в мегаполисе 21 века.

Усадьба, к которой мы подъехали, была не больше, чем постоялый двор, но различалась существенно. Во-первых — чистота. Снег был убран, навоза так же не было видно. Только мощенные увесистыми обтесанными бревнами дорожки, самая большая из которых разветвлялась на две. Первая вела к крыльцу двухэтажного дома, вторая же вела в амбар, к которому можно было проехать и с другой стороны через вторые ворота. Видимо для того, чтобы и сани проехали. По чистому двору передвигаться было возможным только на телеге.

— Ну, чего развалился, как на лавке, давай иди в дом, — ворчливым тоном сказал Войсил, уже спешившийся и отдававший своего коня подбежавшему парню лет четырнадцать-пятнадцать. — Не волнуйся, Прошка хорошо обиходить и скотину, и пригляд за твоим добром будет. Ты в доме моем и на том мое слово!

Я вылез из саней, к Орлу подбежал еще один парень, но не взял того за поводья, и стал отвязывать Араба. Прошка гневно зыркнул на парня и, держа в одной руке уздцы коня Войсила, второй взял Араба, уводя коней в сторону Загона.

— Прошка! — прокричал я в след. — Доля овса и три доли сена.

— Добре, боярич, — Прошка развернулся и не выпуская поводья, поклонился.

— Вон оно как! Боярич. И мне так спину не гнет, видать из-за коней сразу и тебя зауважал! — сказал Войсил, почесывая бороду и глядя в след уходящему парню.

— Да, конь добры, а Прошка душу конскую чует, как ведун. Это не Корнею был поклон, а хозяину коня доброго, — сказал Филип, который так же спешил, но держался немного позади.

— А коли Корней десяток коней добрых приведет, так Прошка на меня лаяться будет, а спину гнуть — вон бояричу, — сказал Войсил и все, кроме меня засмеялись.

Ох уж этот средневековый юмор!

К крыльцу подошли практически все вместе, кроме самого хозяина, который степенно шел сзади, как будто выдерживая время. Еремей, Филип и вместе с ними я, остановились и ждали хозяина усадьбы.

Стало понятно, чего тянул время Войсил, он ждал, пока хозяйка приготовится достойно встретить хозяина. После того, как дверь дома открылась и на крыльцо вышли четыре женщины, и среди них была Божана. Самая статная, одетая в богатую шубу и с массивными украшениями на кожаной повязке вокруг головы поверх расписного платка, женщина спустилась с крыльца и подошла к Войсилу. Поклонилась и, взяв, серебряную чашу из рук одной из молодых женщин, с поклоном подала хозяину.

— Испей сбитня, батюшка Василий Шварнович! — сказала женщина.

Войсил выпил, перевернул кувшин, который оказался пустым и троекратно расцеловал женщину.

— По здорову ли Агафья Никитишна? Все ли дома добре, не хворает ли скотина, есть ли зерно и мясо? — как-то церемониально обратился к женщине Войсил.

— Все божьей помощью добре, — ответила женщина.

Прямо пароль и отзыв. Еще бы про славянский шкаф сказал. Столько церемониала между мужем и женой, а догадаться, что это жена сотника было бы не сложно.

Войсил взял под руку и повел на крыльцо. Супруги поднялись на крыльцо, но в дом не пошли, а развернулись как будто и вместе встречают гостей.

— Испей и ты, десятник Филип, — сказала женщина и дала протянутый ей кувшин подошедшему молодому десятнику.

Филип с поклоном взял кувшин, выпил и поблагодарил хозяйку. Такой же церемониал сложился с Еремеем. И получалось так, что хозяйка находилась выше, чем гости. Показывала свой статус, к мужу то спустилась при встрече. Вот стану боярином, на хрен все эти церемонии. Жену на руки и в койку. И вообще, я то думал, что Войсил сразу домой подался, а он только сейчас приехал, где-то гулялся. Или так должна жена встречать, даже если хозяин за солью к соседям сходил?

Подошла и моя очередь. Тут церемониал изменился.

— Испей с дороги и ты, Корней, сын Владимиров, — сказала хозяйка, но не подала мне кувшин.

Кувшин поднесла Божана. Спрятала глаза, спустилась на одну ступень со мной и поклонилась, но не низко. Перехватывая кувшин, я обнял ее руки своими. Образовалась пауза и Божана подняла глаза. И столько было в них... Нет, не было обожания и покорности. Она просила прощения, она просила быть, оставаться рядом, она просила защиты. Сердце стало биться чаще, а Божана стала громко и прерывисто дышать. Может мне все это и показалось, хотелось верить именно с то, что между нами есть она, магия чувств.

— Ну, буде, буде, — усмехнулся Войсил. — Повенчаетесь и все будет.

Наваждение прошло, я выпил сладкий, тягучий напиток, и так же показал, что кувшин пуст.

— Проходите в дом, — пригласил Войсил и взяв под руки жену первым вошел.

Дальше порог дома переступили Филип и Еремей.

Я же опять не знал, как быть. Нужно ли Божану вперед пропустить, или я должен идти первым. Подсказала сама Божана, которая, потупив взор, стояла и не шла в дом. Я выдохнул и вошел. У порога уже вытирали свои сапоги ратники, хозяев не было. Я последовал примеру Филипа и Еремея и прошел следом за ними.

— Ну, поснедаем и поговорим, — сказал Войсил, вернувшийся к нам уже раздетый и ухмыляющийся. — Пошли!

Следом за хозяином мы прошли в просторную комнату, которая была раза в два больше, чем место моего судилища. Две расписные оштукатуренные колонны поддерживали потолок в середине комнаты. У окна стоял длинный, метров в шесть-семь стол, вокруг которого приставлены массивные лавки. На таких лавках и спать можно — не полуторный размер, но близко к этому. Все перелезли через лавку на другой ее конец и встали, потом, как будто отрепетировали, одновременно сели. Запоздал только я, постоянно копируя каждое движение ратников.

Стол был пуст. И было непонятно! А в этом доме кормят? А то ну очень хочется! В животе забурчало. Сбитень у крыльца напомнил, что уже день ничего не ел. Этот напиток, хоть и был сытным, но утолить зверский голод не мог.

Войсил встал, и сразу же встали ратники, я замешкался и с опозданием в пару секунд тоже приподнялся. Что опять ритуалы.

— Отче наш иже еси... — начал молитву хозяин дома.

После которой все перекрестились и снова сели.

Сразу же принесли кувшины, от которых шли разные ароматы. Где ягодные, где явно было пиво. Принесли и кубки — всем серебряные, а хозяину дома с драгоценными камнями. Все это происходило в молчании. Пить никто не стал, и ратники смотрели на Войсила. Когда же принесли миски с каким-то бульоном — Войсил взял кубок и приподнялся.

— Выпью за свата своего Владимира, кой почил в рати с сарацинами на святой земле, — провозгласил хозяин и выпил залпом из кубка, вновь опрокинув его.

После этого церемониального тоста, за который я поблагодарил, ужин пошел на лад.

Меня много спрашивали, особенно Филип, который был фанатом войны и оружия. Рассказывал я про оружие монголов, арабское, даже сюрикены и нунчаки упоминались в моих рассказах. Слушали все с большим интересом, Войсил же практически не вмешивался в разговор, но было видно, что слушает внимательно, может и не столько его оружие интересует, сколько ловит на несоответствиях. Даже понимая это, я не мог молчать, когда спрашивали. Пытался выверять сказанное, но не уверен, что выходило безупречно.

— Железо тех ипонов плохенькое, сабля татарская перерубает его легко, — расплылся я.

Мы оживленно говорили, а блюда все прибывали и прибывали. Рыба жареная, караси в сметане, потом появилась большая кабанья ляжка, было и печеное мясо на углях и яйца, миски с орехами. Женщины за стол не сажались, а только обслуживали, периодически появляясь из других комнат, чаще всего поменять кувшины.

Я заметил, что кувшинчики мне стараются поменять почаще, как бы задавая ритм. Подпоить, видимо, захотели. Мне и самому было интересно, как этот молодой организм будет реагировать на алкоголь. Когда-то на фестивалях я выиграл не одно и даже не десять соревнований, где такие же идиоты, как я соревновались в количестве выпитого, но сейчас старался, пусть и пить, но жирным закусывать. Лучше иметь возможность слегка прикинуться пьяненьким, чем таковым являться.

— Ну, Филипп Далевитович, здоровья передай Анастасии и чадам своим, — в какой-то момент сказал сотник. Делая недвусмысленный намек. — И тебе Ермолай здоровья. Онс потребно нам будет.

Оба ратника встали со стола, низко поклонились и вышли из комнаты. Ну да, Войсил четко провел все границы субординации и знает же, как зовут жену десятника, и выказывает чуть меньше внимания Ермолаю, который простой ратник, как я понял из разговора.

— Шинора был у ворот, спрашивал тебя, Корней, — после небольшой паузы сказал Войсил.

— И что нужно этому прохвосту? — спросил я сотника.

— Вот, точно сказал — прохвост и есть. Шинора он и есть Шинора, — усмехнулся Войсил. — Увидел, что у тебя и кони добрые, узнал, шельмец, что я заступился, вот и будет себя предлагать во служение. Тут ты сам, но он и полезным быть может.

— Если придет, я его поспрашал бы, а там поглядим, — отреагировал я на слова хозяина дома, стараясь закончить эту тему.

Есть более важные вопросы. Но поднять их должен Войсил.

— Венчание послезавтра. Нужно одежду тебе подобрать, в церковь сходить. Я, прости

мя Господи, сказал батюшке, что постился ты и причащался. Нету времени у нас, чтобы все каноны выдерживать. Но ты еще раз причастись, да когда исповедоваться будет, думай, что говоришь! — давал указания дядюшка Божаны, не оставляя шанса на отрицательный ответ.

— Так, Василий Шварнович, — ответил я, приподнявшись со стола и отвесив поклон.

— Будет! Я сказал, будет! Иначе и нельзя! Лука зело злой на тебя, его племянник Вышемир так же. А поместье Божаны граничит с его. Кабы какую пакость не учинили, — посерьезнев, говорил Войсил.

Вот и начался тот самый разговор, где не вокруг да около, а хотябы хоть как информативно. Меня женят, но и Лука и этот, пока мне неведомый Вышемир уже у меня во врагах. Потому и спешка со свадьбой, чтобы те имели меньше возможностей подготовиться и что-то сделать. После венчания Божана уже моя, а там и дети возможны, которые и унаследуют все имущество, а Войсил за этим проследит.

— И что делать будет этот Вышемир? — задал я вопрос.

Вот так и не понимаю. Если у Войсила сила, почему какой-то десятник может угрожать интересам сотника? Неужели нет возможности приструнить этого товарища?

— Сам он ничего делать не станет, скорее всего, а вот какие тати, то да. Но ушкуйников еще нанять нужно, найти, а это время. Сам не пойдет. Если будет точно он, да пожжет усадьбу, то я так же его дом и землю пожгу, буду в праве- Войсил задумался. — И тысяцкого тогда убить нужно.

— Нужно брать их, когда они пойдут жечь усадьбу. Убить всех в бою. А большой ли его род? — начал размышлять я.

— Во, мудрый, отрок, — саркастически сказал Войсил. — Мал его род, только Лука да и пригрел. Если случись что, то можно забирать его земли.

— Одному мне не по силам. Нужны ратники, — сказал я, чем вызвал смех у хозяина дома.

— Это точно, что один ты не справишься! — вытирая слезы, проступившие от смеха, сказал Войсил.

Резонно, что один я не смогу никакие планы Войсила реализовать. Да и кому это поместье достанется? Но об этом позже.

— Один в поле не воин, — продекламировал я пословицу.

— То так. Филип со своим десятком и Еремей помогут, больше людей нельзя оставлять в усадьбе, испугается Вошемир, тогда и иное выдумает, подлое. Еще в поместье живут старые ратники, десятка два. Там калеки есть, но десяток взять на луки, или самострелы можно, старые, но дело воинское помнить должны, — перечислял сотник возможные силы «антивышемировской коалиции».

— Тысяцкий должен знать, что на усадьбу тати напали, что среди них и весь десяток Вышемира, но это уже мое дело, как сладить. А коли все сладится, что земля пойдет вирой за нападение, — я посмотрел пристально на сотника — вот очевидно, что подставляет.

Самое парадоксальное, мне хочется вот так подставиться.

— Дозволишь, сотник, с Божаной поговорить? — принял я окончание темы и заговорил о наболевшем.

— Зудит? В баньку хочешь? — рассмеялся Войсил.

— В баню хочу, после перехода и не мылся, да и в яме сидел, — сказал я, умолчав, что уж очень хочу, чтобы Божанка попарила.

— Добре, баня будет, а Божана, — Войсил взял паузу. — Что люди скажут? Да, не дева

она уже, но скоро и венчание, вот там и... все там будет

— А как венчаться, кто хоть будет на свадьбе, что должен я делать, русских обычаев то и не знаю, — запаниковал сил я, но Войсил только отмахнулся.

Сам я и в той жизни не был женат, но знаю, что готовились люди к этому событию и полгода и больше. А тут — раз и свадьба!

Один мой хороший товарищ влюбился без памяти, решил жениться. Долго готовились к свадьбе, муторно. Пошли выбирать кольца — разругались, поссорились и разошлись. А деньги родители на свадьбу давали, так он и его «суженная» поженились в назначенный день, только на других, да еще и в том же загсе. Ничего, даже дружили семьями! Вот так и не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

Глава 4 АХ, ЭТА СВАДЬБА!

Пришла девушка и проводила меня в баню. Причем помогла раздеться, сама разделать до нижней рубахи, после чего подкинула на раскаленные камни какой-то отвар. Помещение бани накрыл умопомрачительный аромат хвои и цветов. Девушка вопросительно посмотрела на меня. Она была молчалива и не проронила ни слова не в самой бане, не по дороге к ней. Может и зря захотел встретиться с Божаной? Боярин я или не боярин, чтобы предложенную девку помять? Так-то не боярин, но для этих вопрошающих голубых глаз милой девушки, мое слово может многого стоить. А ну — задрать рубашку, которая и так не особо скрывала молодое, здоровое, красивое тело?!

— Фекла, иди отсель! Живо! И молчи! Батюшка приказал не лязгать языком, — повелительно сказала Божана, входя в баню.

Опочки — моветон, почти что адюльтер!

— Божана? — удивленно и растеряно спросил я.

Ситуация, однако...

Фекла выбежала из бани, словно ошпаренная, даже не забрав свой сарафан.

— Не виноватая я — она сама пришла! — сказал я и прикусил губу.

— Чудной ты! Заморские земли повидал, ремеслу научался, ратиться можешь. А с девками ловок, али теленок? — сказала Божана, казалось, и, не заметив нелепой ситуации.

Или жены этого времени не особо реагируют на подобные ситуации, когда застукивают своих супругов в компании с почти обнаженными дамами?

— А ты спытай меня! — сказал я и попытался обнять девушку.

— Невместно! — строго произнесла Божана, ловко отстранившись. — Аль думаешь, что полонянкой была, так и все мужи покрыть поспели?

В одно мгновение Божана не на шутку взбеленилась. Сама вспомнила, сама наделила меня своими же словами, ну и обвинила в том, чего не было — женщины! Видимо, пленом ее попрекали многие, да и бабы языками обязательно за спиной чесать будут. Только скорее и не потому, что действительно осуждают, может даже из зависти.

— Что было до меня — там и остается, что будет рядом со мной — то все наше, — строго сказал я и даже пристукнул кулаком по лавке.

Божана рассматривала меня с большим интересом. Это не был ни похотливый взгляд, не было в нем и желания стать моей здесь и сейчас. Это был интерес уважительный и даже немного преданный.

— Чудно говоришь, нравятся мне слова твои, — сказала девушка, снимая, наконец, шубу, под которой была нижняя рубаха. — Не было много мужей. Девой я долго была в полоне. Войсила ждали на переговоры и не трогали и не давали меня портить.

Божана сделала паузу и присела рядом со мной на лавку. Я взял ее руки в свои, от чего девушка даже вздрогнула.

— Снасильничал меня десятник Дуб. Во хмели были все, хозяин спал, а этот тать пришел и снасильничал, — у Божаны проступили слезы. — А после хозяин крепко побил десятника, да и сам на утро снасильничал.

— Теперь я буду тебя защищать, все будет хорошо! А ты сама хочешь идти за меня? — задал я важный для себя вопрос.

Ну, не хотелось жениться, только для решения проблем Войсила, может и своих

сложностей тоже. Пусть я идеалист, но присутствовало желание иметь эмоцию в семье, причем положительную.

— Да! — после небольшой паузы сказала Божана. — А ты?

— Зело хочу! — сказал я и, посчитав момент удачным, стал целовать будущую жену.

И пусть Войсил хоть исколется, и заикается, что до свадьбы ни-ни.

Девушка поддалась на поцелуй, закрыла глаза и стала часто дышать. Отлила кровь от головы, и мой организм, повинувшись вечному инстинкту, начал действовать сам. Девушка стала еще чаще дышать, но ничего не предпринимала, только слегка приоткрыла рот.

— Ой, — от неожиданности я аж подпрыгнул.

Во рту я ощутил солоноватый привкус, а из губы начала сочиться кровь.

— Невмесно! — чуть слышно сказала Божана.

На щеках девушки проступили слезы. — Прости, я... Батюшка... За утро...

— И ты прости, любая, — сказал я так же тихо и попытался обнять Божану, но она резко и решительно отпрянула.

— Любая, — проговорила она, смакуя слово. — За утро венчаться, а мы тут...

— Грех сие, любви. Я в беспамятстве была, а он снасильничал... — прошептала Божана.

Девушка разрыдалась. Подпортили психику моей красавице. Да — моей! Здесь и сейчас, если бы Войсил сказал, что или Божана, или князем станешь — послал бы его да так далеко, что и с факелом дороги не нашел бы. Я ее хотел, я ее жалел. Но не жалость это была в том понимании слова, как в XXI веке, а жалеть — значит любить — так здесь, в этом времени. В моем времени!

Через минуту рыданий, Божана преобразилась и ее глазки игриво заблестели.

— А если мы в мыльне, так и телеса помыть нужно, — сказала она и одним неуловимым движением скинула уже подмокшую нижнюю рубаху.

— Да что ты со мной делаешь? — шепотом, сквозь зубы прорычал я.

Передо мной предстала нагая девушка. Еще две недели назад я и не знал, что образец самой красивой женщины существует, но вот здесь на Руси 1223 года — живет именно она. Теперь все те красотки, брюнетки, блондинки, рыжие — с дутыми губами и без них, не идут в сравнение с этой первозданной красотой.

— А что, пригожа? — игриво спросила Божана.

Будущая моя жена встала на носочки и покрутилась в стороны, с изяществом лесной нимфы, позволяя себя рассмотреть.

— Пригожа, — ответил я.

В эту игру нужно играть вдвоем. Я снял нижнее белье и встал перед девушкой, подражая ей покрутился. Взгляд девушки был игривый и она, уже ни капли не смущаясь, рассматривала меня.

— Ой, пригож молодец! — сказала Божана смеясь.

Действительно, мои действия были скорее комичными.

Кокетка взяла кадушку с водой — вылила ее всю на меня. Вода была холоднющая.

— Охолони молодец, а то твой корень пройти не дает, — рассмеялась Божана.

Как это ни странно, но мы просто помылись. Отходили друг друга веником, облили водой, натерли друг друга какими-то духмяными травами, как бы невзначай прикасаясь. И все... От попыток массажа Божана наотрез отказалась и даже хотела уйти, а вот рассекать передо мной обнаженной — то для нее нормально. Не понимаю этих нравов. Издевательство чистой воды. Ломались стереотипы, наработанные былым опытом, в той, уже прошлой

жизни.

Божана вышла из бани первая, накинув шубу поверх ночной рубахи, и, без «прости — прощай», выбежала во двор. Через пару минут после ухода будущей жены зашла девица, которая меня сюда и провожала, и уже сейчас стоило немалых усилий сдержаться, когда другая девушка без стеснений ждала меня у выхода, рассматривая в подробностях. Я понял разницу просто физического влечения и того нечто, чего в той жизни я ощутить так и не смог. Не только мое тело стало здоровым, видимо и душа и сердце стали способны любить. Девушка продолжала стоять и пялиться на меня. А я уже и не хотел стесняться. Все у меня нормально — смотрите, завидуйте, я гражданин... Нет, это уже не от сюда.

Оделся и ушел. Да — так просто ушел. Некоторые герои книг, что я читал, давая отдохнуть мозгу, попадая будь то космос или прошлое, либо магические миры, создают себе целые гаремы. У меня же случилось с точностью наоборот — были гаремы ранее. Ну, а после попадания в прошлое, я намерен создать семью.

Выспался я отлично. Нет, ортопедических матрасов не было, а вот что-то вроде перины — да, и лавка, слегка, но была похожа на нормальную кровать. В тепле, спокойствии — великолепно! Кровати здесь были далеко не в том виде, как я привык. Люди не ложились, они спали полусидя. Это было связано с какими-то суевериями. Вот только я намерен изменить большую часть мебели под себя, ну если супруга не будет против.

— Боярич, — в горницу зашла вчерашняя девица.

Ее что приставили ко мне?

— Чего? — Потягиваясь, но, не вставая с ложа, спросил я.

— Так, боярин Василий Шварнович уже к столу встает, — ответила девушка.

— Иду! — сказал я и девушка вышла.

Как такового разговора за завтраком не было. Был монолог. Мне рассказывали только, что пополудни в церкви будет венчание, после пир и так далее. Я же не выказал эмоций. Мне не были интересны церемонии, я желал только одного — быстрее стать законным мужем и Божану. Ну, еще хотелось быстрее закончить суету, которая еще не началась, но, уверен, будет грандиозной. Свадебные церемонии и в XXI веке утомительны, что говорить о древнерусских.

От девки Феклы я узнал, что с самого утра моя будущая жена пошла в баню. Не намылась вчера! Так и смылться вся! Потом она уехала. Куда — служанка не знала, но через час после ее отъезда ко мне пришел Ермолай и начал распоряжаться. Выходило у него плохо. Что-то говорил про серебро, потом начал про поезд жениха. Я далеко не сразу понял, что его назначили моим, так сказать, шафером, свидетелем, или дружкой. Ермолаю на помощь пришел Филипп. У него получалось все лучше, как-то справнее.

— Ерема, погляди, есть ли серебро, коли нету — иди к сотнику, — поучал молодой ратник своего более взрослого друга. — А также Корнея одежду поглядеть нужно, ехать уже, а вон не одет.

— Ага, — только и говорил Ерема, быстро исполняя нужное.

Этот гигант не мог воспринять сложные приказы, только четко сформулированы и частями.

Скоро и меня одели и вывели во двор. Там уже стояли запряженными аж двенадцать саней. Что это были за люди — я не знал, кто-то из них размахивал веткой, к которой были приделаны либо листья, либо вырезанная под листья ткань, кто-то орал что-то нечленораздельное, играла дудка или свирель. В одни сани посадили меня и Еремея,

который постоянно прикладывался к кувшину, неизвестно с каким наполнением — мне ничего не давали, а когда потянулся к кувшину Еремея, получил и укоризненные взгляды и кувшины отодвинули подальше.

Ехали так часа три. Причем, что называется, с ветерком и не по прямой, а виляли и делали большие крюки, периодически все же сбавляя скорость, кони — живые и так же устают. Своих же коней я оставил, а сани вот взял со всем скарбом. Мне не говорили подробностей, но я предполагал, что могу и не вернуться в дом Войсила.

Когда поезд жениха, наконец, остановился, я увидел относительно большой дом, но раза в три меньше дома будущего тестя в городе. Здание окружал высокий забор с массивными, скорее всего дубовыми, воротами с металлическими вставками. Именно к этой усадьбе мы и направлялись.

— Сиди, я позову! — сказал Ерема и спрыгнул с саней.

Свидетель начал свистеть, а въезжающие во двор люди начали еще громче кричать, петь, а потом повыскакивали из своих саней и стали водить хороводы. Дальше вся эта толпа, как мне казалось, оглашенных рванула в дом. Что они там творили? Не знаю. Во мне даже и близко не проснулся исследовательский интерес. Я теперь осознал, что чувствуют звери в зоопарке. Хоть бы налили, что ли! Так — нет, «неможно»! Амбал-свидетель только издевается, меня кувшины с напитками.

Скоро вся честная компания вышла из здания и окружила меня. Одна девушка взяла мою руку и потащила в дом. Там опять с песнями и танцами обходили комнаты, вот только я стоял недвижимо, а все попытки пройти вглубь дома, купировались шутками и прибаутками. Только по причитаниям, частушкам и действиям я понял, что мы осматриваем дом на предмет чистоты.

В круговерти я и не заметил, как сидел опять в санях и опять куда-то ехал. Попытки подремать не увенчались успехом. Тогда я в первый раз почувствовал голод — то чувство, что будет сопровождать меня на протяжении всей свадьбы. Вот такой веселый день!

Процессия начала замедляться и я с большим удивлением узнал, что мы въезжаем именно в то подворье, где примерно с час назад были. Только въезд был закрыт и украшен разноцветными лентами. Мы остановились, Еремей подошел к воротам и начал кричать типа «открывайте, злыдни», «петуха к курочке привезли» и всякую другую чушь. Я же настолько устал, что не хотел ничего. Нет, жениться хотел, а больше ничего! Ну, еды бы чуть-чуть, хоть хлеба!

— Давай серебро — три гривны! — прокричал Еремей, который о чем-то там договорился. — Корней! Есть серебро?

Щаз! Предупреждать надо. Я пожал плечами и стал копать в санях. Если бы я точно знал, что все серебро отойдет к молодым, дал бы свое, но нет. Пришла мысль дать три гривны за жбан того, что пьет мой свидетель с куском хлеба, но понял, что это будет неуместно. Деньги могут и забрать, а выпить не дать.

— Хоть сюда! Ерема! У меня серебро, что дал сотник, — прокричал Филипп, который ехал в третьих санях.

Ерема подхватился и побежал к Филиппу, который и сам уже шел навстречу.

— Давай калиту, Филька. Ох, и умаялся я — две гривны сбил, — сказал Еремей и поднял торжествующе палец вверх и побежал к воротам.

— Окрутят его! Сейчас девку другую подсунут! — сказал мне подошедший Филипп.

— Так подкажи Еремею! — удивился я тому, что один друг не может подсказать

своему товарищу.

— То его крест, а серебро дал Войсил, то сотника дар, — сказал Филип и начал комментировать происходящее. — Во, вышла девка другая. Ха, Ха!

Я наблюдал, как уже не по-детски ругался Еремей. Такие страсти, что он может и девушку, которую одели в красочные одежды и выдали за невесту, убить.

— Плуты, возвращай назад гривны, тати! — кричал Еремей.

— Девку купил Ерема! — кричал девичий голос из нашего поезда.

— Еремей, женись на девке! — кричал другой голос.

Все смеялись, веселились. Такая простота. Эти люди и не догадываются, с каким комфортом можно жить, сколько развлечений иметь в доступе, что можно покривляться в телефон и никогда не знать, как добывается хлеб. Эти люди умеют жить лучше, они умеют быть счастливыми, умеют замечать в жестокой и, казалось беспросветной жизни, яркие моменты. Юмор настолько натуральный, какой-то наивный, детский. И это замечательно!

— Вон, сейчас Ерема еще придет серебро брать, — сквозь смех сказал Филипп.

— И почему не ты дружка? Справнее получилось бы! — спросил я.

Филип казался более, как сказали бы в будущем, коммуникабельным.

— Так у меня и жена есть и детки: сын и дочь. Куда мне? — пояснил как неразумному Филип.

— Филип, дай серебра! Тати эти — ушкуйники акайные, оберут до нитки! — жаловался разъяренный Еремей.

Филип отошел к своим саням, где сидела симпатичная молодая женщина и еще один мужчина лет под пятьдесят с мечом в руках, и серебряной шейной гривной разминал, видимо, затекшие ноги. Лицо его говорит о почтенном возрасте, но стать, движения выдают в нем еще сильного, опытного воина. Попробую догадаться — жена и отец Филипа. И лицом сын с отцом похожи и движения у обоих, как будто тигры — кошачья грация и опасность. Филип десятник и воспитал его отец. Это же какой воин будет отец, если его сын в возрасте чуть за двадцать уже десятком командует?

— Ворота открыли — едем! Едем! — начался опять гвалт и балаган.

И начались... похороны. Именно так, похороны, не оговорка.

С криками, типа «да на ково ж ты нас», «ой покидаешь нас девка» и другое в исполнении профессиональных плакальщиц, вышла процессия. В центре брела фигура — нет, не человек восковая, лишь слегка подвижная фигура. Безэмоциональной походкой, как будто опытная балерина на пуантах, плывет статуя Божаны. Лицо закрыто, но туго заплетенная черная коса со множеством лент не дает сомнения, что это моя красавица. Множественные одежды сверкают, отливают разноцветием, на головном уборе массивные украшения, платье звенит десятками, а то и сотней бронзовых колокольчиков, особенно много их нашито на подоле. На руках, поверх рукавов, отливают на морозном солнце десятки стеклянных браслетов как чисто голубых, так и из комбинаций разных оттенков и орнаментов.

Вокруг моей будущей жены кружится человек, одетый в медвежью шкуру и периодически рычит. И это со стороны выходящих из подворья! Контрастом этого шествия — песни с дудками, пением, доносящимся от поезда жениха.

Вскоре все погрузились в сани и помчались. Узнавать направление я не стал. Еремей сам, перехватив вожжи, залихватски, как будто уходил от погони, задавал вектор движения.

— Свернем да тимошего поля, не можно напрямую ехать, нужно лесовика с полевиком

запутать! — кричал Еремей.

Я даже не стал спрашивать, кого мы запутываем и от кого убегаем, наверное, духов леса и полей. Вот такое христианство!

Наконец, приехали к церкви — время было уже около пяти вечера, учитывая, что выехали из города мы в районе семи часов утра — уже десять часов разъезжаем. Все веселятся, едят, пьют. В каждом санях заметил и снесь, и выпивку, вот только в наших с Еремеем — только выпивка, и то — не моя. Мне, видите ли, — нельзя. А сколько еще будет это «нельзя» длиться?

У церкви все вышли, бабы плакальщицы прекратили свой «плач Ярославны», мужик с медвежьей шкурой не появился, как будто испарился перед Храмом Божьем. Невесту вывел Войсил, держа под руки. Я, было, спохватился помочь, но Еремей меня остановил.

— Не можно, померла она! — Торжественно сказал «дружка».

Если бы я не был историком, точно побежал спасать жену, но вспомнилось поверие, что девушка умирает, выходя замуж, все же тревога не оставляла, как и чувство голода.

В церквушке, которая была деревянной, и только с одной иконой, все было долго и нудно. Я хорошо отношусь к религии, как и к церкви. Она в историческом плане сделала многое, нужна она была во все времена и как мировоззренческая концепция, и как важный социальный институт. Вот только, уж простите, не сильно я проникся церемонией, в отличие от многих присутствующих.

После церкви опять сели в сани, но уже вместе с Божаной.

— По здорову, жена? — спросил я.

— По здорову. Нынче мы супружены, — радостно, но устало сказала Божана и положила на мое плечо голову.

Стало спокойно и уютно. Еремей же осушил до дна очередной кувшин, степенно перекрестился на купол церкви и прямо преобразился. Вместо залихватского гонщика появился серьезный профессиональный извозчик.

Мы приехали в богатую усадьбу с большим домом в центре — побольше, чем у Войсила, — хозяйственные постройки, большой загон. И... большая баня, в которой, наконец, уже не надо будет сдерживаться с любимой женщиной. Осталось только немного потерпеть. Все еще хотелось есть, ну и что, что иное!

Мы стояли уже с полчаса на крыльце дома и, как было сказано Еремеем, просто ждали.

— Неси ее в дом и ставь! — скомандовал, наконец, Еремей.

Я не хилый, даже более того, но усталость дня, а еще одежды Божаны... Однако я взял ее и понес. Ощущение, пусть и через многие одежды, тела жены давали прилив энергии и сил. Идти долго не пришлось и уже в сенях мне сказали поставить Божану.

— Выход пред столы! — прокричали за дверью, откуда доносились звуки веселья, характерные для застолья.

А еще — оттуда повеяли ароматы жареного мяса, духмяных каш, хлеба и порогов. У меня даже немного закружилась голова, жена, видимо, оказалась в схожей ситуации.

— Проходите! — сказал Еремей и открыл двери.

Я взял жену за руку, и мы вышли.

— А хороши! Добре! Любо! — причитал нарочито громко Войсил.

Потом началась очередная порция церемоний. Преломление хлеба, которого опять же не дали поест, благословление Войсила и Агафьи Никитичны, которая даже прослезилась. На нас одели полотенце, которое называли «ручником», потом связали мою левую руку и

правую Божаны. Посадили за стол на центральное место, но не налили, не наложили еду. Сидеть за полным, прямо ломящимся столом и не поесть? Хотелось прямо прокричать: «А вы, господа, знаете толк в извращениях!», но сдержался. Когда — то это же должно закончиться?

Вновь вышел мужик со шкурой медведя и стал демонстрировать свои экзерсисы. Рычать, якобы пугать присутствующих, тереться об углы. Я же чуть скосился, чтобы не сорвать «покерфейс» и быстренько взглянул на собравшихся. За столами было человек под пятьдесят. Кто это был? Не знаю. Только тысяцкий, да два десятника, которых я знал еще до перехода, в город. Филипп, его отец. Остальные люди были неизвестны. Возникал вопрос: «Это как же так быстро организовать? Таланты. А я еще думаю о себе, как о неплохом администраторе для этого времени! Наивняк!

Через час женщины, возглавляемые Агафьей Никитичной, с какими-то песнями развязали наши с Божаной руки и увели мою жену. Я уже было начал жадно озираться на стол, уверенный, что уже можно поесть, но как стояла еда поодаль, чтобы я не дотянулся, так там и осталась.

Все сорок минут, в течении которых я одиноко сидел в компании пятидесяти едоков, рассматривал еду. Из того, что я рассмотрел — были каши. На центральном месте стояла гречневая каша и, как можно понять из уже остатков — самое востребованное блюдо. Еще были тарелки с овсяной кашей из цельного зерна. Рыбы, гусей, тушеного мяса и жареных поросят было просто очень много. А еще много кувшинов с разным наполнением. У гостей же были поголовно серебряные кубки, которые наполняли вездесущие молодые женщины.

Еще через минут сорок вышла Божана с укутанными в странный головной убор волосами, которые были переплетены. Длинная могучая коса сменилась двумя или даже тремя — под открывающемся ракурсом не рассмотреть. Жена молча села возле меня. Да — три косы!

— А не нужно уже и уложить венчанных? А, дружи, мои? — прокричал уже захмелевший Войсил.

— Да! Да! — прокричали все.

Первым со своего места сорвался Еремей, который последний час пихал в себя все съестное ел, как в последний раз в своей жизни, и успел не меньше четырех кувшинов опустошить. Свидетель сидел рядом со мной, но вот я все еще не мог дотянуться до всей той еды, что стояла возле могучего богатыря.

Еремей ушел, но буквально через минуту вернулся. Под скабрёзные, но незлобивые шуточки мы ушли из пиршественного зала. Еремей привел нас, меня и Божану, в просторную горницу, где было большое ложе с лежащей шкурой медведя сверху. Наш дружка ударил шкуру плеткой и ничего не говоря вышел за дверь.

Я огляделся, и первым делом хотел навалиться на еду и питье, которые стояли рядом с ложем, но обратил внимание на молчаливую жену, которая стала на колени, опустила голову и протянула мне плетку.

— Ты чего? Любая, встань! — попросил я и попытался поднять жену.

— Невместно, прости! — стала протестовать Божана. — Калину красную честному люду не покажешь. Бей меня!

— Не буду, — категорически сказал я. — Хочешь обряд? Давай плеть!

Я взял плеть и сделал вид, что бью и откинул этот инструмент садо-мазо. Божана подскочила и безмолвно опять покорно поднесла плетку. Это продолжалось три раза, а

потом жена сама оголила спину и силой три раза полоснула себя. На попытки остановить ее, только просяще посмотрела на меня, а в глазах была боль. Не физическая, а более глубокая, саднящая. Хотелось помочь, вывести жену из этого состояния, но я осознавал, что бессилён. Пока бессилён, но я сделаю эту женщину счастливой!

— Ну, хватит, давай снестать! — сказал я после паузы, когда мы играли в гляделки.

Молчание затягивалось и нужно что-то делать. И ничего лучше не вдохновляет, как сытно поесть после целого дня голодания. Я жадно посмотрел на курицу, хлеб и кувшины.

Был на Севере Руси обряд, когда разламывают курицу и хлеб напополам в символ плодovitости. Я так и сделал и жадно вцепился в свою половину курицы. Большую же часть хлеба Божана забрала для коров — тоже по поводу плодovitости.

Ну а потом...

Да устали мы так, что и хватило-то сил на один раз «потом». Тем более, что Божана так суетилась, не зная, как помочь, что делать, что пришлось потратить некоторое время на ликбез.

Между тем, я был счастлив, и даже не хотелось думать о будущем, о прошлом, только наслаждаться настоящим. Люди не умеют наслаждаться жизнью, часто замечают только негатив, а в жизни много радости и счастья. Вот я в чужом времени, перед судьбоносными событиями, с непонятными, даже мутными перспективами. И я — счастлив!

Поспать нам дали недолго, казалось, и вовсе не спали. У входа в горницу, где мы находились, началась суета. Хмельные выкрики, ор. Голос Еремея возвышался над другими, и только его можно было с трудом понять, остальные звуки сливались в сплошной гул.

— Не пуцу! Ступайте, зашибу! — кричал наш дружка, выполняющий, наверное, роль рынды-охранника.

Если бы не смех и песни, можно было подумать, что нашу комнату действительно берут штурмом.

— Выйди, любви до людей, — сказала заспанная Божана.

— А ты оденься! — сказал я.

Жена стала суетливо накидывать одежду на нижнюю рубаху.

— Так в баню сейчас пойдём, — сказала Божана, накидывая поверх всего шкуру медведя — прямо языческий тотем.

За последние полтора суток женушка уже третий раз в баню пойдёт, я второй. Чистюли! «Дикий обычай северных варваров», — сказали бы просвещённые европейцы. Вон Людовик Солнце так и вовсе два раза мылся за всю жизнь. Может европейцы нас лентяями считают, типа «моется тот, кому чесаться лень»?

Звук нарастал и уже слышались удары в дверь.

— Супражались уже? — крикнул, судя по голосу Войсил. — Давай к коровам, да в баню.

Я посмотрел на Божану, которая выглядела напряженно.

— Люба моя, чего смурная? — спросил я, одеваясь.

— Так, калину красную не поднести до дядьки, — смущенно сказала она.

Обычай с калиной, видимо, должен был символизировать лишение невинности молодой жены. По мне так — безразлично. Нравы XXI века, которые ещё преобладали во мне, не вызвали противоречий по поводу невинности. По мне, так наивному поведению Божаны не смогла бы соответствовать и самая принципиальная девственница прогрессивного века XXI.

— А есть калина? — спросил я.

Божана потупилась, и мне пришлось три раза повторить вопрос, постепенно добавляя металла в голос. Ветка калины с гроздью красных ягод оказалась в углу под накинутым сверху полотенцем.

— Все хорошо, дядька не даст хулу вознести, да и я — муж твой защиту от скверных языков, — сказал я, обнял жену и поднял калину над головой.

— Любы мой, не чаяла я бабьей радости, — Божана поцеловала меня в губы. — Иди к людям.

Я открыл дверь, и опять окунулся было в круговорот шума и веселья. Какие-то приветствия, шуточки. Но все замолчали и уставились на поднятую в моей правой руке гроздь алой калины. Собравшиеся стали смотреть друг на друга, не зная как реагировать на ситуацию. Видимо, слухи и оговоры ходили давно и никто не ожидал подобного пассажа.

Ситуацию спас отец Филиппа, который предложил всем собравшимся поделиться своим опытом общению с бабами и сам начал какую-то на грани приличий историю, но его под общий хохот, вновь разразившийся в толпе, попросили прекратить.

Войсил же смотрел на меня. Взгляд его говорил: «Спасибо!». Я же в ответ еле заметн кивнул. Мой тесть взял шкуру медведя, на которой мы возлежали, снял ее Божаны, и одел на какую-то молодую девушку, одетую богато и ярко, явно приглашенную на свадьбу и не холопку.

— А хлеб корове дашь, после в баню, жену сетью рыбацкай покрой, да ветку з листьями пусть возьмет, — увещевал меня Войсил, пока вся толпа восхищалась молодой женой, собираясь скопом провожать молодых во двор.

На улице, прямо возле крыльца, стояла корова, которой и следовало съесть хлеб, что был в нашей горнице. А корова то была — не больше теленка! Тут я немного переиначил обряд, потребовав привести моих коней и собаку. Я знал, что Прощка привел коней в дом еще до нашего приезда с Божаной из церкви.

Коням я отдал остаток хлеба, а псу дал кусок специально оставленного для этого курицы. Мои нововведения противоречия не вызвали, а кони и собака привели собравшихся в восторг. Было даже типа «Дай прокатиться». Начали забиваться и на случку Шаха. Вот у кого проблем с «сопряжением» не будет, так у пса — по двору бегали две суки, одна из которых была довольно большой собакой и от нее может получиться неплохой приплод.

В бане мы остались, хвала богам, одни, все принадлежности — сеть, ветка, что-то в кувшинах, — были, как и новая одежда. Я знал, что был обряд, когда в бане с молодыми был и ведун, который и должен был на голые тела одевать сеть, да и другие действия совершать. Но никакого мужчины рядом с обнаженной своей женщиной не потерплю. Становлюсь приверженцем домостроя!

Наконец, произошло то, что будоражило мое сознание и естество с посещения бани на заимке.

Божана была прекрасна, она то одергивала меня, то предавалась страсти, когда уже я был готов накинуться не ее — снова одергивала. Довела до такого исступления, что я уже ревел как медведь, охватывая женское молодое тело. Божана старалась сдерживаться, но и она стала произносить нечленораздельные звуки вперемежку со стонами. Я, по сути проживший целую жизнь, насыщенную похождениями и сексуальной распущенностью, не мог вспомнить, были ли подобные эмоции в той жизни.

Не было такого наплыва страсти, желания, даже вожеления. И это была магия, когда неопытная женщина, поддавшись только инстинктам, становится искусной любовницей.

Вчера в горнице не было такой страсти, мы были уставшие, суетливые. Сейчас же я был бурлящим океаном, Божана была ветром, который раздувает волны, а еще было нечто сакральное, непостижимое и это землетрясение, ядерный взрыв, который вызвал цунами и эта волна нас поглощала.

— Корней! Все хорошо? — кричал у входа в баню Ермолай.

Ему не отвечали, потому что мы не слышали ничего, кроме своей страсти.

— Корней! — продолжал уже слегка опасливо кричать Ермолай, который, видимо все еще отыгрывал роль нашего дружки и по совместительству рынды.

— Все хорошо! — прорычал я громко, чтобы успокоился дружка.

Жениться ему надо!

Потом под скабрёзные шутки был выход к столу. А после Божана пропала. Меня оставили за столом. И я уже смог насладиться застольем. А здесь были, и жаренные поросята, и тетерева, лебеди, осетра, орехи, тушенная в горшках свинина, куски говядины, хлеб, каша — глаза разбегались. Казалось, стол стал еще богаче на блюда, чем это было вчера. И это второй день! Людей же было значительно меньше.

Посмотрев на все изобилие во мне проснулся скряга, так и хотелось задать вопрос: «За чей счет банкет?». Даже выискивал икру заморскую баклажанную, но не нашел. Ничего, посеем и баклажаны, выведенные для более северных широт. Даже арбузами побалуем местных и не только их. Очень надеюсь, что расчет за свадьбу будет не со счетов моей жены, уже и моих.

— Поговорить нужно, Корней. И дружке мой познакомиться хочет. Он полезный человек и для меня близкий, — после очередной здравницы за молодых шепнул Войсил.

Так, получается, был осмотрен, принят в разработку и одобрен для вербовки. Или я ищу то, чего просто нет? Беспечность ночи и утра резко улетучилась и я напрягся. Явно Войсил был не прост, тут еще и какой-то друг. И почему я не профессионал из КГБ или ФСБ, почему я и неправильный десантник. Вот стоит назвать автору главного героя бывшим десантником и все... Все враги сокрушены. Я же, признаюсь, все больше надеюсь на навыки, добытые при увлечении реконструкцией. А вот от десанта у меня главное — умение побороть страх.

Возникал и вопрос с кем мне нужно встретиться, с разведчиком? Была ли разведка в это время? В том или ином виде, она была всегда. К примеру, монголы, которые уже скоро станут важным игроком на политической карте, имели свою разведку, которая подкупала политическую элиту, собирала сведения, могла анализировать и давать рекомендации правителям. В Смоленске, согласно источникам, в 1229 году было монгольское посольство, в других городах, вероятно, тоже. А было ли посольство русских княжеств у монголов? Нет! Фактом было и посольство монголов в Венгрии, причем, во главе профессионального со знанием языков и политических раскладов, послом. А вот посольство это ехало в Венгрию, вероятно, через русские княжества.

Ничего не знаю и о разведанных орденов меченосцев или их последователях: ливонцах и тевтонах. Они смотрели, привечали, могли и волнения организовать в той же псковской или новгородской земле. А русские о них знали только то, что они демонстрировали уже на полях сражений. Имей же представление о планах противника, его численность, вооружение, может, и сберегли бы русские души, которых в XIII веке и так не много. Вон во Франции миллионов десять, в Германии чуть меньше населения и податей много и мобилизационный ресурс, а на Руси во всех княжествах сегодня вряд ли больше шесть миллионов наберется, а угроз поболее, чем у тех же французов. Там-то междоусобицы, да

англичане, которые в своей элите, по сути, те же французы, так как не в Англии дело, а во французских землях.

Так что догадаться о том, что Войсил связан с разведывательной деятельностью было не сложно, но определенные шаблоны это понимание ломало. Получается, была на Руси своя разведка, были люди, которые и анализировали ситуацию. Только вопрос в масштабах. Это местечковые структуры для отдельного князька, или все русские княжества имели доступ к информации?

— Здоров будь, боярин Корней! — поприветствовал меня человек с пронзительным взглядом. — Я Глеб Всеславович.

— И ты будь здоров, боярин Глеб Всеславович, — отозвался я, входя в небольшую горницу, куда меня проводил Войсил.

— Друже мой сказывал, что ты многое знаешь о татарах, о венетах, да франках и иных немцах? Так это? — мужчина пристально посмотрел на меня.

Вопрос прозвучал еще до того, как я нашел место, где присесть, поэтому и ответил не сразу, устраиваясь на край лавки.

— Так расскажешь и мне? — спросил Глеб Всеславович, не отводя взгляд.

Как будто и не пьянствует второй день, смотрит трезвыми, трезво, требовательно.

— Так, спрашивай меня! — ответил я.

— А ты и рассказывай о татарах, да немцах, а я спрошу, коли что будет не понятным! — сказал Глеб Всеславович и придвинулся на скамье в моем направлении, демонстрируя интерес.

— Так, татары и не зовутся так — то монголы. Войско их из многих народов, там и татары есть и другие. Самих монголов не вельми много, но у них много слуг из покоренных народов. Было такое, когда победили они татар, что проводили детей их у повозок и те, кто был меньше и в рост колес, тех оставляли и отправляли на воспитание в монгольские семьи, иных, кто выше, убивали. Войско их быстрое и подвижное. Часто и по три заводных коней везут. Сила войска — конница, но есть и пешцы. Оружие — лук и гнутый меч. Зело искусны они в бою. Также послушны. Коли вина на войне, десяток пускают под нож, коли вина на десятке — сотню вырезают. Искусны и их воеводы, кои в десятках битв победили. Вести правителю они доносят быстро, служба есть у них — ямская, где коней поменять можно и быстро двигаться дальше. Механизмы строят. Города покоряются быстрым наскоком и приступом после закидывания в город много камней и огня.

И воны все знают: сколько сотен могут князя выставить, сколько ратников, какие брони воины носят, все. Они ждут весны, чтобы разбить русичей. Однако, они культурны и имеют свои обряды и нравы. Если убить послов, монголы станут мстить и биться до конца. В их войске китайцы, уйгурцы, персы, аланы и другие, каждый свою науку войны дает монголам. Есть правила войны — тактика. Вот убегают они, и в след бежит рать, чтобы добить татар, а те выводят супротивника на основу войска, и уже кто догонял, стал жертвой. Или засадный полк ставят, тогда и отступают, принимают сечу, а потом в бок засадны полк ударит, и татары верх берут.

— Чудно как говоришь — тактика! Откуда сие чудное слово? — последний вопрос Глеб Всеславович задал резко и быстро, после резво встал и начал ходить взад вперед.

Все это уже напоминало допрос. И меня на что-то провоцировали.

— Так и стратегия есть у них, — продолжил я. — Так, они с уважением к до церкви относятся. Говорят «у каждого бога своя земля и неможно бога того гневить на ней». Силу

уважают. Коли воин аль воевода биться будет с ними зело зло, то они и предложат ему войти в свое войско. Також, они жгут города, но не живут там сами, токмо данью обкладывают, а ее князья з тех мест и собирают сами. Городов своих у них зело мало и те — становища в степи.

— Ты, Корней Владимирович, расскажи про механизмы, что это. Тако ж скажи, ты их ладить можешь? — начались уже уточняющие вопросы, хоть так, а то лекция для студентов получалась, так и захотелось привести цитаты исследователей XXI века да более подробно, только откуда так подробно мог знать парень, который и по легенде то не жил у монголов.

— Механизмы для осады градов, могут использовать и в великой сече. Камни метают, огонь в корчагах, и не потушить его. Токмо если разбить те машины и трудно будет монголам грады брать. Да и китайцев, кои ладят те машины нужно убрать, а лепей так и себе взять, — сказал я и посмотрел, как оживился Войсил, сидящий в углу, и не встревавший в разговор.

Да, видимо мой тесть уже понял, что может последовать приказ раздобыть тех китайцев или еще что-нибудь в этом духе. Или другое спровоцировало его реакцию?

Разговор продолжался еще около часа. Меня подробно спрашивали про татар, после об аланах, с намеком на некие возможные союзнические отношения. Отдельное внимание уделили венецианцам и их возможностям. Выясняли, насколько они контролируют Латинскую империю, которая для русских остается Византийской, только с центром в Никее. И другие вопросы.

— А как же знакомство з Леопольдом? — резкий вопрос прозвучал не совсем уместно и мог сбить с толку.

Наверняка на то и расчет. Проверить меня? Что ж — пожалуйста.

— Я особенно с Леопольдом VI из рода Бабенбергов, герцога Штирии и Австрии, коег зовут «славным» не знаю, но слышал о нем, — сказал я и с вызовом посмотрел на товарища Глеба. — Мой отец прибыл на Святую землю с Людвигом Баварским, Леопольд только отбыл оттуда. Я зело много слышал про мудрость герцога.

— Вот как сталось, что православный ратиться на Святой земле, у его дружина, да и сына своего малолетнего берет на битвы? — допрос продолжился.

— Не спрашивали отца о вере. Крест нательный носит, и ладно, а покреститься при людях и по-другому можно, — сказал я и осекся.

— Крамола — не можно! — прошипел товарищ Глеб.

— Так и купец, что мало торгует, да в одежде не купеческой, да с оружием добрым, аще его и тысяцкий боится? Это возможно? — сказал я с издевкой.

Я еще могу и мордой в грязь — конспиратор хренов. Все о нем знают, а он отыгрывает купца.

— Ох и строптив ты, молод еще! Василий Шварнович — добры зять у тебя, коли и ремесло ведает, да хозяйство ладить сможет — добре буде! Однако ж... А что, может и в твою сотню пойдет? — подводил под графой «итога» средневековый комитетчик.

— А торг хороший у тебя, а товар какой, а надолго ли в Унже, али сторгуетесь, да поедешь? А, Глеб Всеславович? — нарочито вежественным голосом спросил я.

Демонстрируя понимание ситуации, где купец отдает советы, или даже распоряжения сотнику.

— И не скоморошничай! Или чего хотел обменять-сторговать? — деловитым тоном спросил «купец».

Да, я хотел — очень хотел. Мне важно было знать, к примеру, как на Руси отнесутся к зеркалам. Если это бесовщиной обзовут, то и заниматься нет смысла, или только с венецианцами торговать. Товары я буду пробовать производить, но надежный купец-посредник нужен. Но это так, для примера. И скорее мои слова были, как могли бы в двадцать первом веке сказать «троллинг».

Но все же я показал зеркало, которое ввело Глеба в затянувшуюся задумчивость. Он смотрел в него, на него, на меня, на Войсила.

— Мастера наши такое не могут сотворить, — подытожил «купец» и улыбнулся, одновременно скосив глаза в сторону Войсила.

— Да, такое и в Китае и у монголов и у сарацинов редкость великая. А ежели три-четыре мастера, что ладят стеклянные браслеты приедут сюда, так можно и зеркала ладить. А ты, Глеб Всеславович, — поможешь им, да и прикупишь там все для ремесла их стеклодувного? — спросил я Глеба Всеславовича.

В конце концов, за дерзость не убьет же он меня? Или может?

— Ты глянь, друже Войсил, вон какой у тебя зять. Ты ему руку подашь, так он ее и откусит! Ты, Корней, вельми много ад меня хочешь... — начал было Глеб Всеславович, но я его перебил.

— Нет, не много, только я и в долю взять могу. Ты, Глеб Всеславович, токмо поддержи, да на первых порах помоги, и десятая доля от стекла и зеркал — твоя. Мастерскую сладим, и купцы сами приедут за зеркалами. Такого товара в мире нет, — увещевал я слегка опешившего от напора средневекового разведчика.

— Подумаю, может и будет тебе помощь. Мастера не пойдут в Унжу, а вот их выученики — да. Я найду, да и ты не подведи мя и десятая доля з каждой порады, договора, моя. Пошли за стол, а то уже и молодая хозяйка повинна кормить мужей. Заждалась, небось, Божана мужа своего.

И действительно, пока нас за столом не было, появились разные пироги, кулебяки, но никто и кусочка не отрезал. Оказалось, что первым должен был пробовать мой отец, коли такой наличествовал, а так эту роль взял на себя, с согласия Войсила, Глеб Всеславович. Вот и папой обзавелся!

Я не мог увидеть, но вот услышать получилось. Когда я уже выходил вышел из горницы, в которой немного притормозил перед дверьми Войсил, тесть вопросительно посмотрел на друга, а тот сказал только два слова: «То он!».

Можно было напрячься по поводу «это он», но тут могло быть что угодно, как, впрочем, и простое одобрение моей персоны в качестве мужа для Божаны, так и многое иное. Уже не особо хотелось вникать, анализировать. Хотелось увидеть Божану, сесть за стол и даже выпить. Не брал меня, почему-то алкоголь, а немного хмели все же хотелось.

К вечеру того же дня гости стали разъезжаться. Войсил вручил свой подарок самым последним. И это было не оружие, не банальное серебро, еще он вручил символический золотой ключ от поместья. Я понимал, что организация свадьбы за такой короткий срок уже подарок. Оказалось, что Войсил на могиле брата своего дал зарок, что женит Божану и за свой кошт.

Так что трат моих не было, а вот посчитать подарки и вообще оценить перспективность поместья — необходимо. Как, впрочем, и начать думать о новом полевом сезоне. Солнышко уже так разогревает землю, что снег вот-вот если и не сойдет, то его станет мало.

Казалось — отдыхай и не дергайся, но во мне бурлила энергия, я хотел дел, свершений,

прогрессорства. Именно первый полевой сезон станет фундаментом для экономики поместья, а возможно, и Руси. Чего стоит картошка, которая сможет спасти не одну сотню жизней. Особенно, когда с 1229 года начнутся неурожайные годы. Поэтому именно изучению хозяйства я решил посвятить ближайшее время. Но в ближайшее время, это нет прямо сейчас.

— Божаночка, а знаешь, что делают у первую ночь после венчания молодые? — спросил я, разглаживая черные волосы жены, возлегавшей головой на моих коленях.

— Так ведомо то, мы уже и делали — ребеночка, — без тени смущения ответила моя жена.

Да, сарказм, ирония, двусмысленность и другие хитрости на Руси мало развиты, это не византийцы эти люди. Хотя... Глеб с Войсилом выделялись из масс.

— Так вот, молодые, после свадьбы в опочивальне серебро, да другие подарки посчитывают, — эту шутку Божана поняла, однако реакция была странная, но, вероятно, правильная для этого времени.

— Так, муж мой и считай сам. Не мое то дело. Можно позвать Мышану — она ключница по подворью, да и за помещьем глядит, поможет, — сказала жена, которая всеми способами старалась демонстрировать покорность и домострой.

Ее очень впечатлил мой поступок с калиной. И девушка, которую учили, что покорность — единственно правильное поведение с мужем всячески хотела угодить. Вот только мне было бы приятно, если бы эта угодливость была из-за любви и как ответный шаг с моей стороны. Не хотел я покорности и всепоглашательства. Наша семейная жизнь только начинается, подстроимся друг под друга.

— Так, мы будем вместе считать, мне нужна покорная жена, мне нужен соратник, друг и любимая женщина. А где та Мышана? — последние слова я громко крикнул.

Через минуту один из холопов отчитался, что за Мышаной отправили, через еще три минуты, тот же «ретранслятор боярский воли» сообщил, что ключницу нашли. Через еще семь минут перед нами возникла женщина средних лет, как в двадцать первом веке говорят «бальзаковского возраста», опрятная, но одета просто, вся обвешанная ключами. Подобострастия в глазах ключницы я не заметил, но и пренебрежения не было. Уверенная в себе женщина с легкой грустинкой в глазах, которая казалась глубоко личной.

— Корней Владимирович, батюшка, Божана Боряровна, матушка, — Мышана низко поклонилась.

Подобное приветствие, как ритуал признания должно было прозвучать.

— Мышана, а подарки нам в дар приносили? А то мы мало что и помним, видел, что оружие приносили, да ткани Божане Боряровне. А что еще есть? Принеси все подарки! — сказал я и вопросительно посмотрел на ключницу. — После изучения даров, нужно поговорить о поместье что есть, что хорошее, чего плохого.

— Да, батюшка, — женщина поклонилась.

— Давай дары и не нужно батюшкой звать — хозяином величай, — наставлял я ключницу.

Подарки носили четыре холопа, и ключница называла имя подарившего. Мне практически без надобности знать, кто что подарил, но окружение Войсила, а частично уже и мое — знать нужно было.

Из подарков были ткани — три рулона. Это, по словам Божаны, позволило бы одеть больше десятка девиц в добротную одежду. Была посуда, которую дарили чаще всего. Только

серебряных блюд было восемь, а еще инкрустированные камнями чаши. Было и три лука в подарок, да три меча. Подарили, оказывается и холопов — десять семей со скотиной и утварью. Тысяцкий подарил, на мой взгляд, более полезное — девять подвод расщепленной доски. Да, как я понял, этот лес давно был собран тысяцким и скорее всего, был за казенный кошт, но мне строиться нужно и я не побрезгую делать это и при использовании краденых досок.

— Не в убыток и то хорошо! А продать долю утвари, нужно. Божана, зачем нам столько всего, а серебро нужно — нам строиться, расти нужно, — обратился я к жене, не оставляя ей шанса перечить и противиться.

Сам себе противоречу. С одной стороны, мне нужен соратник, с другой же, принимаю решения самостоятельно и без мнения кого-либо. Ну и кто из людей всегда живет в согласии с собой и следует только логике в поведении?.. Думаю, никто!

Я никогда не понимал тех, кто с золота и серебра ел. Я за рациональность. Статус показать найдется чем, а начнем зарабатывать, так посмотрим, может, и с серебра поедим. Но когда у тебя уже много серебра, строиться некуда, еды вдоволь, воинов много, как быть, есть это самое золото? Ну, такие вопросы пока еще рано задавать себе.

— Оставляем утвари на дюжину гостей, остальное продать, или обменять на лес, зерно, топоры, да скотину. Лучше на скотину, — вынес я вердикт.

Божана ничего не сказала, вообще ничего! Складывалось впечатление, что ее это не особо заботит. Нет, я догадываюсь, что хозяйка она справная, вероятно только, что ей уют важнее, чем перспективные экономические планы.

— Расскажи, Мышана, сколь много людей в поместье? Сколько холопов, смердов, челяди, есть ли ремесло какое? — спросил я, усаживая Мышану на скамью.

Оказалось людей всего двести семьдесят три в возрасте от 14 лет. Из них почти все холопы и работают на земле. Это было намного больше, чем говорил мне Войсил. Есть семьи свободных смердов, заключивших еще с отцом Божаны порядье. Из ремесел есть небольшое кожевенное производство, кузня. Наличествует девяносто шесть коров, часть их в семьях холопов с расчетом: одна корова на две семьи. С конями еще хуже — всего сорок семь, из которых часть нужна на пахоте, а часть для перевозки рухляди, которую бьет артель охотников. А вот боевых коней не было вообще. Были еще и овцы, козы, всего штук триста свиней на все семьи, гуси да куры. В целом было достаточно богато, от голода уже как два года никто не умирал. Скорее такое положение дел, неплохое по меркам времени, но ужасное по моему восприятию, сохранялось благодаря Войсилу, который помогал следить за поместьем и сам вкладывал средства при острой необходимости. Получается, должен я ему, много должен!

— Мышана, ты письмо знаешь? — спросил я и, дождавшись кивка, придвинул бересту и шило, а после начал диктовать. — Пиши! Первое — закупить на проданную серебряную рухлядь коней. Сорок гривен серебром на то я дам. Коней должно купить сотню — пятнадцать боевых, токмо молодых четырех-пятилеток, или двухлеток, тогда сами обучим. Другое — дать земли под мои посадки, и направить ко мне две семьи справных холопов, чтобы зело мудро и с уважением были к земле. Они и займутся моими посадками, а уже завтра поселить их тут, в доме, так как земли, где сеять они будут, выдели рядом с домом, чтобы и охранять можно было, и следить за ними легче. Далее. Завтра едем земли глядеть, с холопами да смердами знакомиться, да снеди приготовьте. Мясо, хлеб, скрынка пива, соль, детям меду. Каждой семье па едокам. И муки нужно дать — масленичная седмица скоро.

Буде все это?

— Да, хозяин, найдем! Батюшка Василий Шварнович много завез снеди. Говорил, что тебе хозяин и тебе хозяйка не в досуг быт строить — вам чадо делать нужно, — с серьезным видом сказала Мышана.

На том я ее и отпустил. Дел ключнице нарезал преизрядно, но пусть привыкает. Энергия во мне бурлит, придется работать и всем вокруг, или просто заменить этих людей на иных, расторопных. Нет, не получится! Есть осознание, что кадровый вопрос станет одним из наиболее сложных.

Ночь мы с Божаной провели в объятьях и в целенаправленном «делании» детей. Процесс этот был весьма интересным и познавательным, посему стороны решили и впредь заниматься данным трудоемким делом, со всем тщанием, старанием, усердием.

Поэтому, после бурной ночи, очень хотелось кофе, чтобы как-то прийти в себя. На удивление, травяной взвар оказал замечательный тонизирующий эффект. Быстро пришла и Мышана, которая выглядела бодрее нас с женой, несмотря на то, что ключница, как и хозяйка, не спала ночью. Только она не сомкнула глаз по другой причине — собирала дары от хозяев.

Небольшие плетеные корзины, груженные продуктовым набором, занимали место на семи подводах. Это была колоссальная работа, что пошло в зачет ключницы в моих глазах.

— А безопасно ли здесь? — спросил я оглядывая достаточно богатый обоз.

Мышана развела руки, мол «не знаю».

Может ли считаться безопасной землей территория, еще четыре года назад подвергающаяся нападениями, как марийцев, так и болгар? Сегодня же Новгород Нижний не даст болгарам гулять по русским землям и марийцы присмирели. Все было хорошо и ладно, но, если вчера я особо не думал о безопасности, сегодня из головы никак не выходила проблема соседства с Вышемиром. Я узнавал — на свадьбе его не было, несмотря на приглашение, как соседу.

Уже в пути я узнал, что среди смердов есть отставные ратники, так сказать, ветераны, недавно переселенные сюда Войсилом. Настолько недавно, что можно подумать, как раз для охраны земли. Их я и решил пригласить к себе первыми. Надеюсь, принцип про старого коня, который борозду не портит, сработает и сейчас. Все же приходилось учитывать, что земли находились на границе Руси. Четыре года относительного затишья, в то время, как в других землях междоусобицы, рыцари, половцы, дали возможности развития региона, вот и людей оказывается больше, чем думает тот же Войсил. Большинство же люда и прибыло в прошлом году. А учет тут ни к черту!

Мышана прекрасно разбиралась в ситуации и знала практически всех по именам. Прекрасно ориентировалась в наличие орудий труда, живности. Я бы так не смог. Человеку из будущего нужно полагаться не на память, а на бумагу или электронный носитель. Но Мышана ключница, это не ее работа. Уточнение же про тиуна, управляющего, не принесли желаемого результата. Его не было, так как уже год за поместьем присматривал тиун Войсила.

Врученные подарки воспринимались людьми с благодарностью, но я старался демонстрировать и жесткость, угрожая за неисполнение приказов наказанием. Люди же не особо воспринимали угрозы, своими взглядами демонстрируя, что они понимают и работу, и заботу, а вот боярину еще самому след себя проявить. Это время было более свобододлюбивое, чем, к примеру времен Великого княжества Московского.

Владения оказались большими. Земли было столько, что на ней могли и тысяч десять ужитья, а живет только около трех сотен человек. И эту проблему решать нужно — необходимо привлекать людей. В целом же, меня встречали с некоторой пренебрежительностью, если это были рядовичи и опаской, если холопы, то провожали уже выкриками заздравиц. Получить по весне такой съедобный подарочек для людей оказалось очень своевременно и приятно.

Вернулись только к вечеру и страшно голодные. Нас хотели накормить в поселении, но удалось отказаться.

— Боярин, дозвожь! — В дом зашел не сильно еще старый человек, лет под пятьдесят, но с лицом полного достоинства.

Был он без правой руки, но воинская выправка в этом пожилом человеке не ставила сомнений, и я понял о ком идет речь. В разговоре с Глебом Всеславовичем упоминался удачливый и грамотный десятник Далебор, которому это имя дали уже в сотне Шварна, а после и Войсила.

— Далебор! Честь воям, пораненным на сечи за правду! — торжественно произнес я, вставая, и делая малозаметный поклон.

Не знаю, как нужно себя правильно вести, но сейчас захотелось именно это сказать и сделать. Вообще от степенного старика, которым был преподаватель Корней Владимирович, все меньше оставалось старческого, а все больше проявлялось нечто молодежвое, экспресивное.

— Спаси Христос тебя! Ты спросил, и я пришел, а со мной також трое калек да два сына моих. Знаю, что Вышемир не простит боярыне, а мы его и не хотим видеть своим хозяином, за тебя станем, коли добротой и лаской до людей ставиться будешь, — торжественно проговорил Далебор и поклонился.

Оказалось, что люди уже обсудили молодого боярина и одобрили первые шаги в раздаче даров. Такой электорат был бы подарком для политиков того времени, от куда я сбежал. Дай им продуктовый паек и все, все голоса за тебя. Хотя, иногда именно так и было.

Я быстро догадался о том, кто передо мной, и это не было сложно сопоставить. Описание, которое озвучил Войсил такое: «Один глаз, одна рука — одно большое сердце». Поэтично сказал тесть про этого человека. Далебор стал смердом, получил свою землю и работал на ней, пятеро детей, три сына и две дочери. Один сын собирается жениться, дочка также на выданье.

А что если... Меня посетила шальная мысль. Ерему подвязать на женитьбу? Парень он славный, а я и с приданым подсобил бы, да и нужны будут мне воины. Если развиваться стану, то и богатство станет лакомым куском для других. Ну и посмотрю на девицу, чтобы товарищу не подсунуть абы что.

Потекли дни. Опасностей особых замечено не было, а Далебор поставил службу, как по мне, качественно. Было видно, что засиделся он на печи, да на огородах. Кони, на которых разъезжали мои первые стражники, были боевыми и обученными. Я сделал замечание ключнице, которая уже исполняла обязанности и тиуна что в поместье есть кони боевые, а она-то говорила, что их нет. Мышана с тоном учительницы сказала, что живность свободных смердов не поддается подсчету. Смущенный я подумал, что еще много не знаю.

На третий день размеренной жизни в поместье, когда я объезжал территорию, пытаюсь в уже подтаивающей земле разглядеть поля, луга, ручьи, почувствовал пристальный взгляд. Бывает, когда спиной чувствуешь взгляд. Даже не знаю, как это объясняется с точки зрения

физиологии, но всегда знал, когда меня разглядывают. Впереди ехал один из ветеранов, как только выезжали на просторное поле сразу посылался дозор и по бокам. Вот эти боковые дозоры и не заметили ничего.

Однако я в бинокль все же рассмотрел группу, которая следила за обозом, возможно, готовилась напасть, но посчитала положение невыгодным. Один всадник не замечал ничего, а устремил свой взгляд прямо на меня. Можно было восхититься его зрением — с такого расстояния смотреть только в мою сторону. Я немного проехал вперед, всадник синхронно повернул голову. Скоро наблюдатели исчезли. В любом случае — звоночек!

К вечеру того же дня, после инспекции и очередной изнурительной беседы с Мышаной, которая как заправский бухгалтер сыпала цифрами, я ожидал прибытия других представителей поселенцев. Было назначено совещание, первое мое совещание, которое быстро превратилось, в какой-то момент, в полный балаган. В двух поселениях, где мы были с инспекцией и с подарками наличествовали старосты, которых мы взяли с собой для беседы. Оба старосты были ультра патриархальны, что бросалось в глаза сразу. Несмотря на то, что оба были закупами, то есть уже прогоревшими в делах, вели они себя вызывающе, даже называя меня отроком. Укорот был нужен, но я решил все же дать им шанс. Пусть и отроком называют, да дело делают и слушают меня. Правда, пришлось все же разок за очередного «отрока» огреть по горбу плеткой одного старосту.

Прежде всего, я завел тему земледелия.

— Подсеку делать в лето не нужно. Земли обильно, а вот ряду в ней нет, — начал свое выступление я, подражая легенде о призвании Рюрика.

— Как же нету, отрок? Все по чину, да мы... — начал было староста.

— Ты, холоп! Встать! — кричал я, тщательно изображая гнев.

На самом деле не злился, и даже было немного противно, но нужно соответствовать ситуации. Кнут и пряник — лучшее в управлении людьми не придумали за тысячелетия.

— Ты закуп! Когда откупишься — иди на все стороны, а перечить мне — смерть, — я принял максимально жесткий вид, достал саблю и демонстративно сделал шаг в сторону старосты.

Все сжались, ожидая крови.

— Мышана! Есть толковые люди? Девки, или мужи, но те, что наказ выполняют? — обратился я к ключнице. Та испуганно смотрела на меня. — Мышана! Я тебя спрашиваю!

— Да, хозяин, найдем. боярин, — ответила женщина.

— Этих в поруб! Остальным слушать меня дальше! — командным голосом приказал я.

Старост взяли под ручки два молодых парня, которые были с Далевидом. Надо имена хоть узнать своих опричников.

После показательного выступления со старостами, никто не перечил.

Потом я много говорил. Рассказал про трехполье, объяснил, почему это выгодно, определил, что ржи на посев немного, но есть. Решил, что только треть земли начнем по новому принципу засеивать. Еще часть земель я определил для посева своих семян, на что потребовал шесть семей для помощи.

Приказал я и земли удобрять. Чистить скотники, мешать с соломой и водой и поливать перед посадками этим природным удобрением. Сказал я про обязательные ямы для перегноя. Еще не знаю, можно ли будет через год-два изготовить селитру для пороха, но ямчуг, как называли селитру еще и удобрением может быть хорошим. Говорили и о правилах вспашки земли, об подготовке орудий труда. Тут и я послушал и мог кое-то предложить

сразу. Подготовке семян так же уделил времени. Методы элементарной селекции здесь знали только на уровне домыслов.

Спросил я и про луга и поляны в лесах. Заготовкой корма животным нужно было озаботиться заранее. Не коснулись только темы ремесла и торговли, но приказал определить возможные товары для продажи.

Еще одной теме было посвящено отдельное внимание — бортничество. Как я не спрашивал, почему мед берется в лесу, хоть и в подконтрольных ульях, ничего внятного не ответили. Вопрос: «Почему нет отдельного места для разведения пчел?» был вообще не понят. Тогда пришлось приказывать спиливать улья и ставить их в одном месте, да назначить пока одну, потом еще пару семей для досмотра и размножения пчел. Как это сделать и принципы пчелиных домиков рассказал, но отдельно предложил еще поговорить и с семьей, что будет заниматься медом. По сути, мед в этом времени — стратегический продукт, как и воск.

Умаялся сильно, но был доволен. Потратив время на вопросы своих слушателей, я остался довольным. Порадовала Мышана, она все же была ушлой женщиной, и схватывала все на лету, особенно ее вера в меня не давала сомнений в правильности всего сказанного. После того как я приказал посадить в холодную старост, Мышана смотрела на меня уже с чуть ли не благоговением. Видимо, у женщины были серьезные проблемы с теми двумя мужиками. Догадаться можно и почему. Женщина она вдовая, возможно, слава о ней идет своеобразная, может и не голословная. А эти блюстители порядка и нравственности будут первыми, кто станет клеветать женщину. Вот и могли быть конфликты. А мне безразлично, что там за дела любовные у ключницы. Такими мозгами, что Бог наградил Мышану, рачительные хозяева не разбрасываются! А я хочу быть рачительным!

Глава 5 ХОЗЯИН. ВСЕ МОЕ!

На следующий день я пригласил уже, так сказать, силовой блок. Лавр, сын Далебора заметил следы, ведущие в усадьбу. Четыре-пять всадников крутились ночью где-то рядом. И не было бы и подозрительным — многие проезжали мимо, но следы уходили в лес. Лавр даже провел небольшое расследование, расспрашивая людей и выясняя всех приезжающих в усадьбу. Он и узнал, что были замечены незнакомцы.

Сомнений не оставалось — некие силы заинтересовались мной. Та группа вооруженных людей, что еще ранее следила за мной, как и незнакомцы рядом с усадьбой — звенья одной цепи.

Чего ждать? Пожара усадьбы, или стрелы из-за дерева? Да и в целом ждать сюрпризов категорически не хотелось. Нужно действовать, но людей для организации контроля и патрулей мало. Решать же проблему нужно быстро, до посевной. Как только посевы взойдут, сразу же станем уязвимыми для неприятностей, если те раньше не начнутся. Подпалить поле проще простого и целый батальон, которого нет, и вряд ли в ближайшее время будет, не способен предотвратить диверсию.

Но ждать ли нападения основывая выводы только по следам? Спорный вопрос. Только бдительным оставаться нужно!

— Боярин! У ворот тебя спрашивает муж, что Шинорой назвался, — зашел ко мне в горницу один из холопов.

Что еще этот проныра может сказать, и не сильно ли много его становится в моей жизни? Такой шустрый малый, конечно, может пригодиться. Но доказывать свою лояльность он будет долго.

— Ну что скажешь? — обратился я к Шиноре, как только тот вошел в горницу в сопровождении одного из ветеранов.

— Боярич, тебя сегодня убивать придут, — сказал Шинора.

— Когда? Сегодня? Кто, почему? Все говори! — сказал я и стал слушать сбивчивый рассказ.

Испугался ли? Да, испугался! Вот только испуг был спровоцирован не опекой собственной шкурки, а опасностью для других людей, прежде всего для Божаны. И, себе-то нужно признаться, боялся потерять то, что еще не успел приобрести. Только начал составлять планы развития, знакомиться с людьми и условиями, а тут всего хотят лишить, прежде всего жизни. Остается только драться, тогда еще будет шанс выстоять, а вот сбежать — точная смерть, пусть и с недолгой отсрочкой.

Оказалось, что Шимора, по его словам, был одним из тех, кого пытались привлечь к нападению. Часть городской сотни, вместе с лесной ватагой разбойников, которая стала рядом с поместьем, готовится убить меня, а Божану украсть. Возглавляет этих татей Вышемир. А еще пронырливый плут считает, что в Унже готовится чуть ли не переворот. Дальняя сотня вся тайно прибыла в город, и сидят кто у Милы, кто ходит по городу. Вот только не пьют, не гуляют, а в доме Войсила стало много народа, чем прежде. И стоило согласиться, если люди не пьют, то уже подозрительны их намерения. В словах бродяги был резон. И в этой игре я представлен как разменная монета, было именно такое ощущение.

Дав аж полгривны Шиморе, я отпустил его в город и наказал все смотреть и привечать. Важно будет подойти ближе к интригам Войсила. Так и я из пешки в более значимую фигуру

вырасту.

Совещание, на котором был Далебор и еще три ветерана, определило, что, по сути, я им — никто. Вот так просто и незатейливо. Нет, оскорблений не было, но старые вояки хотели понять, зачем они, уже выкинутые из обоймы, должны мне помогать — все они свободные, да и ремесла держат. Они меня охраняли, они же и начали уговаривать меня ехать под крыло тестя, а умирать и подставлять под удар свои семьи не хотели. Аргумент с семьями звучал чаще всего. И это при том, что ранее они же говорили о том, что готовы стоять за меня против Вышемира. Что изменилось? Число противников оказалось многим больше предполагаемого?

Понять ветеранов было сложно. Вначале монолога Далебора я подумал, что старые вояки хотят серебра, и чуть было не предложил им каждому по гривне. И хорошо, что промедлил, так как в конце речи выразителя интересов ветеранов, тот конкретно сказал, что серебро как единственный аргумент только оскорбит их. Вот, если все же согласятся, тогда другое дело — можно и не по одной гривне дать. Вот так меня уже поставили перед фактом оплаты по две гривны на человека, однако и нужно найти правильные слова.

— Я юнец, и невместно мне говорить мужам умудренным, только я боярин и нужно и сказать и указать. Там, где дети растут, татей быть недолжно. А те, кто думает меня живота лишиться — тать. И вы, добрые вои будете на лавке сиживать, когда секут боярина, на земле которого вы живете? Також идите и ждите, пока тати к вам придут, — сказал я и демонстративно отвернулся.

Я постарался сыграть на отеческих чувствах собравшихся. Они годятся мне в отцы, по крайней мере, физиологически. И тут они оставляют юнца на смерть. Не может так быть, защитят, должны.

Пауза, установившаяся после моего спича, затягивалась. Я уже мысленно составил план, по которому отправляю Божану к Войсилу, но сам убежать не собирался. Так мой авторитет, который следовало бы зарабатывать, рухнул бы в минуса.

— Добро. И по две гривны на ратника, — сказал, наконец, Далебор, когда я уже собирался предлагать высокой делегации рядовичей убираться восвояси.

Наши глаза со старым воином встретились и по озорству во взгляде, диссонирующему с морщинистым, но волевым лицом, я понял, что все было решено заранее и меня опять проверяли. Ну, пусть и так, главное результат.

— Далебор, я составлю грамотку — пошли кого к Войсилу и передай ему, — начал подводить я итоги совещания. — Ставь дозоры попеременно и денно и ночью. Проверить оружие, во двор выкатить телеги, чтобы поставить их преградой. Во дворе, доме все ведра наполнить водой, дабы тушить пожары. Холопов поставлю с этими ведрами. Селения укрепить и создать и там стражу.

Божана наотрез отказалась бежать. Мои доводы были выслушаны и не приняты, вызвав у меня когнитивный диссонанс. Такая покорная жена в лучших традициях домострога и не подчиняется. Но после того, как наша первая семейная ссора пошла на убыль, жена предложила соревнование в стрельбе из лука. Я сразу же отказался, так как знал только принцип стрельбы, но практиком не был. Божана же продемонстрировала умение владения луком, и я понял, что эта валькирия, если что может и переломить метким выстрелом все планы нападающих. Главным же было условие держать дистанцию и при первом же приказе отступать. Согласие жены потребовал подкрепить крестоцелованием.

Хорошая и плохая новости пришли одновременно. В горницу, которую я выбрал в

качестве своего кабинета, а сейчас и штаба, вошли Далебор и его сын Никола.

— Позволь, боярин, — первым начал Далебор. — Василий Шварнович велел передать, что сегодня прибудет два десятка Филипа и Гаврилы.

— То добре. А ты Никола с чем? — обратился я к сыну престарелого ветерана.

— Так, это — тати идут, — начал мяться подручный. — Напали на обозников из Унжи, что шли торговать с нами. Вот спасся один и сказал.

Очень интересно. К нам направляются какие-то тати, они же нападают на обоз, который какого-то черта к вечеру идет торговать?!

— Спасшегося обозника — ко мне! — приказал я Николе.

— Дык ушел он! — растерянно сказал парень.

— Глядеть, телеги сложить, как и рядились ранее, луки на поверх дома, — начал раздавать я распоряжения.

Сам же оборудовав место на втором этаже, выбил бычий пузырь из двух оконцев. Не лучшее место для стрельбы, но что имеем. Не в полный же рост стоять. После оборудования места, побежал в спальную горницу — там винтовка и пистолет. Собрав винтовку, я решил ждать на крыше дома, где уже были присмотрены позиции, там же были шкуры, мешки с землей. Получалось две позиции. Одна при походе разбойников, после того, как буду обнаружен, уже бить стану из импровизированных бойниц.

Встретить дружков Вышемира, а я уже не сомневался что это он, я намеревался на шестьсот метров. Если они пойдут скученно, то шанс попасть будет. В целом, я был суетлив и не последователен в своих решениях. Перебегал с места на место, обрывочно командовал остальными людьми. Поставил пятерых холопов с копьями у двери, но Далебор отправил их прятаться, при этом постарался выставить, что это было моим решением.

А потом время стало физически ощущаемым, тягучим, наполнилось тяжестью. Каждая минута растягивалась в час. Воздух вокруг электризовался, адреналин бурлил. Так может и откат прийти еще до начала столкновения.

«А если все надуманно и ничего не будет?» — задавал я себе вопросы.

«Будет, отправка аж два десятка ратников от Войсила — это уже анализ информации, которой я не владею. Тесть уже многое знает и просто так отправлять своих людей не станет», — я пытался размышлять.

Как не всматривался вдаль, пропустил подбежавшего прямо к забору человека. Увидел, как тот устремился назад и быстрый выстрел из винтовки прошелся мимо, даже не напугав убегающего. Последовал выкрик, и стала подыматься веревка, на конце которой были крюки. Именно их беглец и зацепил на забор. Забор резко дернулся, и с огромным грохотом рухнула секция, давая возможности нападающим пройти во двор усадьбы.

Первый выстрел стрелы, ушедшей в сторону нападающих, произошел из места, где должна быть позиция Божаны. Вот тебе и женщина! Стрела попала в грудь бежавшему первым разбойнику. Остальные укрылись. Неожиданная готовность одного, или больше, защитников, рушила ожидания нападающих. Отличный расчет на внезапность! И ведь получилось бы, не знай мы о нападении именно сейчас. Еще раз проговорил в голове: «Нельзя недооценивать местных людей!»

— Что попрятались? Кто там будет-то? Спужались аки трусы волка? Давай, вперед! Убьем быстро! — кричал, спрятавшийся за большой доской «смелычак» из числа нападающих.

Я прицелился — расстояние было уже небольшим. Я-то думал, что на пределе стрелять

буду, а здесь метров 70. Так, прицел на эту доску, небольшое упреждение, взять на палец ниже, вдох, выдох, вдох зафиксировать винтовку, плавно спустить курок.

Бах! Есть! Доска разлетелась, «крикун» вывалился из-за укрытия.

— Всем стоять, — крикнул я, в надежде на то, что лишившись предводителя остальные отойдут.

Две стрелы устремились на мой голос. Я не увидел, но почувствовал, откуда стреляли и даже понял, что одна стрела точно попадет в меня. Справа ощутил мощный удар по груди, и меня пошатнуло, пришлось упасть на свою снайперскую позицию. Да, знали бы местные, какой у меня доспех из сплавов на основе титана, что ни одно оружия этого времени не сможет серьезно навредить. Однако, боль была и синяк будет серьезный.

Пока я размышлял над своей судьбинушкой — события развивались. Толпа разбойников начала втекать во двор. Мало кто из разбойников в адреналиновом всплеске понял, почему во дворе такая бесхозность — перевернутые телеги, мешки чем-то набитые.

Нас было восемь, нападающих было больше трех десятков. Выглядывая из-за своего укрытия, я заметил, у большей половины нападающих берестяные маски на лицах. Логично, что они скрывают лица по причине узнаваемости, что еще раз говорит в пользу теории нападения соседа.

Но где же Гаврила и Филип?

По договоренности после того, как нападающие войдут во двор, я должен был дать отмашку на стрельбу, но замешкался.

— Бей нехристей, — прокричал я, наконец, и, начал стрелять из винтовки по множественным целям.

Наконец, взял свою жатву. Второй выстрел и вижу, как разрывается голова у одного из разбойников, третий выстрел — мимо, еще выстрел и один валится с рваной раной в ногу. Перехват пистолета, винтовку в сторону. Глушитель не закручиваю — выстрел и еще один, нападающий падает на землю. Целюсь только в корпус, с моим навыком стрельбы, стрелять в другие части тела бессмысленно.

Я не видел всей картины боя, как другие защитники стреляют, потому и увлекся. Понял ошибку только когда одна из стрел ударила в шлем и по касательной ушла дальше. Беспечность и, если бы не доспех, уже был бы мертв. Картина же была ужасной — крики, вопли, несколько человек уже почти прорвались в дом, с остервенением ломая топорами дверь.

Нырок в специально разломанную часть крыши дома. Это был запланированный отход, но по ощущениям слегка запоздалый. Бегу через коридор в дальнюю комнату, откуда должна была стрелять Божана. Ее сохранить — она главная ценность! В левой руке пистолет, в правую саблю — не самый лучший вариант в узких помещениях, но что имеем. Дверь с ноги — стрела в районе груди, успеваю отклонить.

— Жива! — прошептал я. Передо мной стояла валькирия с отброшенным луком и кинжалом в руке.

— Я стрелу пустила в тебя? — испуганно сказала Божана и подбежала ко мне.

Обняться не получилось — в доме послышался лязг железа и крики.

— Прячься в сундук, — прокричал я, но когда девушка не поняла, что я хочу я практически силой ее запихнул в хранилище одежды. — Ты молодец, только дальше должны мужи биться.

Прибежав к лестнице, я увидел, что, сомкнув щиты Далебор, Никола и еще один

ветеран, противостоят напору полутора десятку разбойников.

— Всем стоять! — крикнул я. — Вы пришли за мной, так возьмите меня, а коли честь городской стражи еще в вас, так по одному выходите со мной ратиться. Что ж ты Вышемир, как скоморох с личиной вельзивуловой ходишь? Открой лик свой!

Вышла пауза. Те разбойники, что выглядели побогаче других, стали переминаться с ноги на ногу.

— Ну, что притихли? — расталкивая заслон из защитников дома, я вышел к нападающим. — Ну!

Из толпы вышел один разбойник, одетый в богатый составной доспех, что был доступен далеко не каждому десятнику. Он снял маску и за своей спиной я услышал голос Далебора.

— Вышемир! — негромко сказал ветеран.

— Ну, так-то лучше! Чего нужно тебе? Чего аки тать в дом пришел? Земли наши на одной меже, тебе земли нужны? — обратился я к соседу.

— То мои земли, я с Борояром рядился, он обещал мне Божану, я в своем праве. Божана и земли ее, мои! — прошипел Вышебор.

— А давай так, коли одолеешь, забирай земли, но Божана не пойдет за тебя, за то коня своего дам, — предложил я поединок.

Вышла пауза, в ходе которой Вышемир советовался с кем-то, поглядывал на меня. Видно спрашивал, какой я воин. Но ничего ему путного сказать не могли.

— Добро, я десятник, а ты даже и не новик. Но слово сказано. Во двор! — сказал Вышемир толи мне, толи своим ватажникам.

— Тихон, дверь держать! Где остальные? — обратился я своим соратникам. — Тянем время в надежде, что помощь от Войсила скоро придет!

Не дождавшись ответа, я поспешил на улицу. Задержка могла бы вызвать презрение. Донесшиеся звуки во дворе говорили о том, что защитники дома еще продолжают отстреливаться, устроив снайперскую дуэль. Наш выход прекратил крики и выстрелы.

Больше ничего не говоря, мы стали друг напротив друга. Я успел подумать, что вот она — междоусобица — два боярина за землю воюют.

Все еще не воспринимая происходящее как реальность, страха не ощущал. А вот азарт был.

Я поднял валяющийся щит одного из нападающих, а пистолет вложил в кобуру. Мой противник пошел кругом по часовой стрелке, я же повторил его маневр, но уже в другую сторону. Мы смотрели друг на друга, вычисляя каждый шаг и ожидая атаки. Разделяющие нас три метра могли сократиться двумя выпадами.

Сделав три круга, я стал терять терпение, но начинать схватку самому не хотелось. Если Вышемир не атакует, то его сюрприз именно в защите. Но похулиганить можно. Я дернулся, имитируя атаку, и мой соперник отшатнулся на шаг, чуть не запутавшись в своих же ногах. Я не ожидал такой реакции, но решил развить успех. Практически на инстинктах я пошел в атаку, в тот момент, как противник все же устоял и начал вновь концентрировать внимание. Прыжок влево, прыжок вправо, расстояние сократилось до полутора метра — клинок направляю в лицо сопернику. Вышемир скрывает голову за щитом, приподнимая его выше необходимого. Резко приседаю и бью по лодыжке правой ноги краем своего щита, сразу отскакиваю, что спасает меня от сильного рубящего удара сверху.

Отскочив, я закрылся щитом и выставил свою саблю. Я ждал атаки от Вышемира, но ее не последовало. Мой соперник кричал от боли и не мог сделать шаг. Удар щитом по

ладыжке или голени, был болезненным. Эта часть тела не была защищена — кость ломалась без особых проблем.

Играть в благородство я не стал. Противник, лишенный маневра — легкая добыча. Я подскочил и нанес удар в голову — противник выставил свой меч, но не смог отвести удар, и моя сабля добралась до шлема. Не столько осознавая, сколько чувствуя, растерянность Вышемира, я нанес сильный удар под колено левой ноги и несостоявшийся муж моей Божаны, начал заваливаться на бок, теряя последнюю надежную опору. Точечный взмах сабли рассек горло и закончил жизнь десятника.

— На колени! — заорал я остолбенелым разбойникам.

Они попятились.

— Бросить оружие и на колени! — еще раз прокричал я звериным голосом и пошел на опешивших разбойников, отбросив щит.

Двое ватажников бросили мечи и стали на колени. Это и прорвало уверенность в себе у остальных. Из собравшихся пятнадцати на ногах остались трое. Один оказался лучником. Я не успел среагировать на выстрел. Когда стрела ударила в грудь и не пробила доспех, а я практически не покачнулся, разбойники были ошеломлены. Теперь уже все были на коленях.

Тот же, кто стрелял, должен был умереть. Достать засапожник я не додумался, метнуть в стрелка саблей не получится, он же уже достал новую стрелу. Пистолет — выстрел, кто стоял на коленях от грохота попадали в грязь, лучник же с аккуратной дырочкой в голове валится навзничь. На адреналине я и не задумался о прицеле, все произошло так, как будто контроль над моим телом был перехвачен.

— Доложить о потерях! — приказал я.

Молчание.

— Далемир, пораненные, посеченные есть? — еще громче прокричал я.

— Так не ведаю я, — растеряно сказал Далемир, который стоял всего в нескольких метрах от меня с выпученными глазами.

— Так узнайте! — сказал я и понял, что нужно присесть.

Ноги начали трястись и это только начало отката, могу и свалиться, с таким тремором.

— Свяжите татей! — сказал я и скоро уселся прямо на грязную землю.

«Может плитку положить, дорожки да аллейки?» — подумал я, как был жарко и страстно обнят и зацелован.

— Корней Владимирович, — обратился Далемир. — Степана посекали, да Тихон пораненный.

Получается, один убит, один ранен. Думал, что во мне сейчас все перевернется, стану корить себя, что люди доверились мне, а я не уберег. Но... ничего. Полного безразличия не было, огорчение, что два воина частично или полностью выбыли из строя. Я даже начинал себя нагнетать, накручивать, что нельзя так, не человечно это. Но никто вокруг не занимался самоедством и даже не горевал. Напротив, высказывались, что Степан хорошо ушел, как воин. О времена, о нравы!

Только через полчаса прибыли Филипп с Гаврилой и стали вести бурную деятельность. Опрашивать схваченных, делать, что называется, экспресс-допрос. Я же выпил из своей аптечки пару подходящих таблеток, чтобы немного волнение, вышел во двор.

— Ты, Корней выпей да успокойся, дальше сами, — наставлял меня Гаврила.

— А ты кто таков, чтобы в моем доме хозяйничать? Это моя добыча, мое оружие и брони, и тати мои, — сказал я и демонстративно вытащил саблю. — Ты где был? Пришел,

когда татей повязали и главным назвался?

— Так, дружи, невместно ссоры чинить. Все добытое с бою твое, Корней. А тати нам нужно, дабы прознать, где ватага гнездо свила, — пытался сглазить ситуацию Филипп.

— Добре, но я иду с вами, да и с Вышемиром мы порядились — он мне земли отдал, — сказал я и пошел к своим людям.

Дальше было достаточно просто. Мы разделились, и часть пошла логово ватаги чистить, узнать расположение которого не составило труда. Я отправил Далемира с Николой и Лавром туда же. Шепнул им, чтобы присмотрели за нашей долей от добычи, с которой я поделюсь и с ними. А то зазмет этот Гаврилка добро. Он, почему-то мне сразу не понравился, еще во время перехода к Унже.

Я же, с десятком Филиппа, пошел в усадьбу Вышемира. Боярин умер, да здравствует другой боярин! Только оставалась сложность — десятилетний сын у убитого мной десятника. Убить мальчика нельзя по всем соображениям, и, дело не только в гуманности. Одно дело — поединок с взрослым мужчиной, который пришел тебя убивать, другое ребенок. Не поймут, я уже начинал думать в духе времени. Тут или тайком нужно было убивать, или не трогать вовсе. Вот только как быть с ним?..

В усадьбу взяли приспешников Вышемира, чтобы они объявили народу наши договоренности. Так семе легитимация и обоснование претензий на имущество, но что имеем, тем и пользуемся.

По прибытии в некогда вражескую усадьбу, а сейчас свою, я потребовал срочно доставить пред мои очи тиуна и старосту. Уже через пятнадцать минут во дворе усадьбы пришли два человека, представившиеся управляющими.

У Вышемира была усадьба и одна деревня, но в целом проживало людей больше моего. Всего, как мне сообщил подхалим-тиун, более четырех сотен человек. Староста назвал точную цифру в четыреста двадцать три человека из холопов и два десятка закупов. Смердов на его землях не было. Про скотину тиун и вовсе не мог ничего сказать, в то же время староста знал досконально хозяйство селения и большую часть усадьбы.

— Староста, как нарекли тебя? — спросил я.

— Так, Макарий я! — ответил он. — В закупах я.

— Служи тиуном, и за три года выйдешь из закупов, а ентого — гнать взашей, — распорядился я и пошел в дом.

Предстояло самое сложное — сын. Церемониться я не собирался — пусть парень сам решает.

— Я Корней, сосед был твой, нынче хозяин земель, что принадлежали ранее отцу твоему. Ты можешь жить со мной и нужды не будет ни в чем, а мужам станешь, так и долю у поместье дам. Или иди, куда глаза глядят! Серебра дам в дорогу, — поставил я условия ребенку и собрался уйти.

— А отца моего ты убил? — услышал я в спину вопрос, от которого и хотел сбежать.

— Мы честно бились с ним. И это он пришел убить меня, в мой дом, я одолел и его и людей, что пришли с ним. Стань сыном мне, и я буду отцом тебе, — сказал я, ведомый некими эмоциями, до конца еще не понятыми.

Я уже поговорил со старостой, который стремился стать полезным, чтобы он присмотрел за парнем и попробовал уговорить войти его в мою семью. Опасно — да! Но вот так, сердцем думаю, но не головой!..

Я все больше сомневался в правильности мной творимого. Ответственность за людей

колоссальная, опасность, как показывают события, на грани. Меня могли убить, и я оставил бы Божану, и те возможности, которые я все больше связываю именно с этой удивительной женщиной. Нет, ну как она меня ослушалась?! А мне понравилось. Покорность в спокойные моменты, а потом превращение в валькирию. И это все одна женщина. Я хочу от нее ребенка, а еще я действительно буду рад, если сын Вышемира, Юрий, придет в мой дом. И сердцем хочу и уже и рассудком, так как он оставался единственным наследником и мои претензии на земли и имущество Вышемира становились более обоснованными.

Среди убитых нападающих был человек Войсила. Это вначале вызвало у меня негодование, я даже был готов вспылить и наговорить всего-всякого, но опомнился и подумал о том, что у грамотного разведчика должны быть многие источники информации. Значит, работает тесть, внедряет своих людей.

Нельзя недооценивать предков! Эта фраза становится все более часто употребляемой.

Но, стоит ли обижаться на сотника дальней сторожи за такую подставу? Нет! Земли, положение и самое главное — Божана — это все стоило усилий и опасности. Как добиться в это время признания и уважения? Есть неприятные ощущения, сомнения по поводу время прибытия помощи, когда уже все закончилось. Но, и тут также можно предполагать, что сходу ватажники не должны были нападать. Ну, не принято в этом времени быстро принимать решения, что свойственно XXI веку. Рекогносцировки они не сделали, не попытались обложить усадьбу, поговорить о сдаче.

Уже, когда я собирался уезжать, ко мне подошел староста, назначенный мной тиуном.

— Боярин, просит тебя Симеон, — с поклоном сказал управляющий.

— Это еще кто? — спросил я, продевая ногу в стремя.

— Так тиун ента, — сказал растерянно бывший староста.

— Я сказал, что ты и есть тиун, и решения я не меняю. Давай его, а если пустое что говорить станет, выпорю, — сказал я, принаравливаясь в седле.

Через минуту передо мной стоял бывший тиун, непонятно зачем назначенный на эту должность, так как даже не знал о проживающих в поместье людях.

— Говори! — сказал я требовательно.

— Так, это, боярин, у Вышемира казна была, боярин, это... вот казна! — мямлил прихлебатель.

— Где? — заинтересовался я.

— Так в лесу, там она, с разбоем взята, то ватажников казна, да Вышемира, — пытался выслужиться Симеон.

И это было странно, так как, если казна есть, то почему ее не присвоить этому самому Симеону, но зов золота застил рассудок.

— Веди, а коли найдем казну — не прогоню, будешь при мне, — сказал я.

Путь был не долгий, с часа полтора пришлось ехать. Ехали в темноте, и я сокрушался, что опрометчиво поехал один. Не было ни единого фонаря, факел, что был у бывшего тиуна, решили приберечь. Думал ли я о засаде? Да, но успокаивал себя, что не мог Симеон организовать покушение. Да особо я ни о чем и не думал!!! После такого выплеска адреналина мыслей как таковых и не было.

— Вон дуб, а там яма, — сказал бывший тиун после углубления в лес на метров сто.

Яму не пришлось искать — она была открыта. Это был замаскированный схрон в срубе под землей с крышкой из массивных досок. Вначале я подумал, что опоздали, но внутри оказались два сундука оба размером метр на метр.

Я напрягся и достал пистолет. Создавалось впечатление, что кто-то капался в схроне, но не успел забрать. Резко присев и прислонившись спиной к дереву, я всматривался в темноту, зажженный факел в руках Симеона и мешал обзору, и демаскировал. Немного сместившись от света и жестами показав бывшему тиуну молчать и не приближаться, я стал ждать. Даже кони не переминали копытами и не фыркали.

Возможно, поэтому и услышал небольшое шевеление. Звук от натягивающейся тетивы и скрип лука окончательно определили направление угрозы, и я выстрелил. Гром, разнесшийся по тихому лесу, оглушил, но я уже рванул с места в сторону стрелка. Влетев в ближайšie кусты, я остановился — никого не было! Опять тишина, которую нарушали панические крики Симеона и его нервный конь. Араб был приучен к звуку выстрела и не проявлял особой нервозности.

Небольшое шевеление я услышал в паре метров справа и понял, что стрелок пытается уйти. Сабля! Шаг! Удар наотмашь! Беззвучно падает тело. Шаг и я скрутился в рвотном порыве. Отрубленная голова с частью ключицы, расплывающиеся мозги.

Отдышавшись, я постарался еще раз прислушаться к звукам и обошел казавшиеся наиболее удобные места для засады, но никого не было.

— Симеон, твою мать через коромысло! Сюда пес шалудивый! — выкрикнул я своему сопровождающему.

— Да боярин! — сказал испуганный бывший тиун — пособник разбойников.

Он стряся и постоянно вертел головой, стараясь осветить направление факелом.

Первая стрела прошла по Симеону, но разодрала только шубу у левого плеча. Повезло же паразиту!

— Сними с татя оружие и калиту, и сапоги с шубой, — дал я распоряжения, а сам пошел к тайнику.

Нужно срочно убираться отсюда.

Сундуки оказались заперты на замки, поэтому утолить любопытство сразу не получилось. Я решил открыть их уже дома. Но как их доставить? Сундуки были тяжелые настолько, что вдвоем мы их насилу вытащили. Но как донести до дома? Была бы веревка, так к коням пристроили, но я прикинул, что это будет нереально, даже, если конскую сбрую порезать на веревки.

Идею, как это не странно подал Симеон. Волокуши! Саблей нарубил еловых веток, и соорудили немудреное приспособление, куда и положили сундуки, волочить приходилось самому, ну и незадачливому бывшему тиуну.

Но и этот способ был адским. Сундуки слетали на каждой кочке, два раза Симеон упал. И только через полтора часа, где-то на полпути еще до бывшего поместья Вышемира нас заметили ратники Гаврилы.

Они с удовольствием помогли нам, но когда ратники вчетвером, уже по возвращению в усадьбу Вешимира, подняли сундуки и понесли их в дом, меня передернуло.

— Стоять! — прокричал я и достал саблю.

Я был готов к противостоянию. Праведный гнев обуял меня. Мало того, что опоздали, практически не участвовали в боях и все защитники могли погибнуть, они еще и пытаются лишить меня добычи. Я столько выплеснул адреналина, я убивал и был близок погибнуть, а тут взяли и понесли мои сундуки! Мои!

Ратники остановились, опешив. Я напирал и медленно, но неуловимо шел в их сторону.

— Остановись Корней Владимирович! — выкрикнул, выходящий уже из моего дома

Гаврила.

Этот десятник был низкого роста, но широкоплеч. Его плавные движения выдавали опытного воина. Но главное — умные глаза. Было очевидно, что он умел очень быстро анализировать ситуацию и принимать решения.

— Это мое! — прорычал я, но остановился, пристально посмотрев на десятника.

— А знает ли тысяцкий, что ты казну ватажников себе забрал? По ряду все, по правде? — ответил Гаврила. — Скарб то ватажный!

— Вот пусть и придет ко мне и поведает, что его, а что мое взятое за нападение! Возвращай назад! — сказал я, не уводя взгляд от Гаврилы.

Что стало для меня примечательным, трое моих бойцов, остававшихся в усадьбе, стали возле меня.

— Добре! Мы уходим! — сказал Гаврила, и легкая усмешка проявилась на краях его губ.

Они ушли. Просто ушли и все. Почему я и не знаю. Бросить такой куш, ничего не взяв из усадьбы? Я думал собирать обоз, но позвал Симеона и моего нового тиуна, пусть они этими организационными вопросами и занимаются.

— Симеон будет у тебя помощником, приглядывай за ним, — обратился я к старосте, вспоминая, говорил ли он мне свое имя.

Нужно обязательно узнать. А... вроде бы Макар или Макарий!

— Собирайте в обоз ткани, серебро, утварь, рухлядь, скотину, да соберите брони и оружие. Завтра поутру, тебе тиун, — я указал пальцем на то ли Макара, то ли Макария. — Быть у меня.

Я не ошибся в старосте. Он быстро развил бурную деятельность и уже через час обоз был собран. Симеон же выглядел подавленным. Он, скорее всего, рассчитывал, что сдаст мне захоронку разбойников, так я его вселенским императором провозглашу, а тут расчет не сработал.

Уже когда я собирался ехать, из дома вышел сын Вышемира и молча сел в одни из саней.

Мы поехали, и всю дорогу я размышлял, как настроить парня — сына убитого мной Вышемира — таким образом, чтобы он принял меня. Думается, что отец, зная немного характер десятника, мало давал ласки и внимания сыну. Слышал от Божаны, что Вышемир винил Юрия в смерти жены. Учítывая, что мать умерла, когда малец был уже достаточно взрослым, Юрий испытал в отношении себя негатив и неоправданную агрессию. Бандитская деятельность Вышемира также не могла положительно сказываться на отношениях между отцом и сыном.

Наш поезд уже въезжал в усадьбу, где только несколько часов назад был первый мой настоящий бой в этом времени. Встреча была страстной и со слезами. В Божане вновь проснулась женское начало. Юрий вылез из саней и с интересом и ужасом смотрел на следы недавнего побоища. Все трупы были сложены в одном месте, а оружие в другом, и это была гора железа. Кровавые следы были повсюду.

Божана посмотрела мне в глаза, но, не задавая вопросов, подошла к Юрию и обняла его. И это было искренне и чувственно. Так может обнимать мать сына. И я понял, что, если парень не примет эту ласку и не станет действительно нам сыном, то он и человеком хорошим не будет. Такую любовь не отвергают.

Через час я уже ощутил некоторую радость за то, что немного стал ревновать Божану к Юрию. Станным был синтез положительной и негативной эмоции. Я ощущал искренность

их общения. Это было противоречивое чувство, не думал, что это возможно радоваться ревности, оказалось, друг Горацио, что многое в мире есть, что недоступно и мудрецам. Как-то так, близко к тексту.

Но было еще съеданное любопытством нутро. Нужно срочно посмотреть экспроприированное у экспроприаторов. Никто не должен игнорировать материальную сторону. Для развития нужны деньги, сейчас представилась возможность заработать, причем моего мнения на этот счет никто не спрашивал. Так почему и не порадоваться прибыли? Все, привезенное из этого скоротечного похода, было сложено в большой горнице, которую можно было назвать палатой.

Трофеи были по местным меркам хороши, учитывая, что усадьбу Вышемира до нитки не обирали, да в мощну ратников Гаврилы тоже немало упало. Три рулона шелка вообще поразили. Как такой редкий товар был у десятника, путь и якшающегося с разбойниками? Тканей разных было многим больше. Серебра столовыми приборами было на больше, чем пятидесяти гривен. Оружия собрали столько, что можно снарядить больше тридцати ратников. Три составных лука вроде бы в хорошем состоянии и еще два похуже. Вот только я еще тот «специалист-лучник». Двадцать коней, что разбойники оставили недалеко от моей усадьбы со всей сбруей. Трое саней с разной едой как на месяц похода. Из захвата логова ватаги достались еще инструменты, орудия труда и пять коров. А еще, как сказывал ветеран Кукса, который был вместе с ратниками Войсила в логове, там добрые постройки и много доски, плотницких топоров, рубанков, гвоздей. Наверняка взяли купца или артель со стройматериалами, которые имели ценность и в этом времени.

Напоследок я оставил два сундука, взятых из схрона. Сломать замки не представилось большого труда и, открыв один из сундуков — я впал в протрацию. На самом верху сверкающей металлической рухляди лежал...Золотой ярлык, ну или скорее пайца. Это был один в один с тем, что я видел на фотографиях и в московском историческом музее на Красной площади. Это был он!

— Вы кого, гады, замочили? — прошептал я глядя на золотую табличку.

Наваждение прошло не сразу. Мысли роились в голове, но не складывались для анализа.

— Ладно, потом подумаю, и нужно Войсилу сообщить, — пробормотал я.

Дальше я начал разгребать вещи в сундуках, подспудно выискивая еще подобные ярлыку артефакты. Но остальные предметы были прозаичны. Чаши серебряные, одна даже с камнями. Пару шейных так же серебряных гривен, монеты, ожерелья и перстни. Интерес привлекли золотые бармы. Уже подумал, что византийские, но отменил эту гипотезу — подделка. Но и подделка могла принадлежать знатному человеку, обличенному властью. Награбили разбойнички знатно. Оценить не получалось, но это сотни гривен. Первоначальное накопление капитала разбойничьим путем!

Теперь только выбрать путь развития. Может, как пират Морган и его потомки первый банк на Руси создать, или заделаться первым промышленным гигантом? Но реалии диктовали другое.

Выбрав из сундуков самое ценное, на мой неискушенный взгляд, не забыв и о пайце, я спрятал добро уже в свои закрома. Потом позвал холопа Прошку. Этот любитель коней попросился у Войсила перейти ко мне и тот не был против. Конечно, Прошка мог быть и засланным казачков. Ну не он, так кто иной. А так, с такой любовью к коням, парень будет более чем уместным.

— Утром конь должен быть готов и седлан, а вот это, — я показал на небольшую кучку

драгоценностей. — Найти ларец и положи туда, после мне принести в опочивальню.

В спальню я пришел, когда уже было за полночь, но жены не было. Только, когда я уже лег, Божана пришла заплаканная и села на край ложе.

— Ну, голуба моя, что тебя расстроило? Все же прошло! Тати разбиты, мы живы! — сказал я, обнимая жену.

— Юрий, сырый вон, пугается жить дальше, — сказала Божана.

— Так, стань матерью для него, а мне сын будет. И обиды, и кривды чинить не станем, — сказал я.

— Да, с Божьей благодатью, спаси Бог, любви, — сказала Божана и прижалась ко мне.

Утром, когда еще было темно, я собрался к Войсилу. Поцеловал, проснувшуюся от моего шороха, Божану, и отправился в Унжу. Земля была раскисшей, и конь вяз в снегу, смешанном с грязью. Весна уже уверенно берет вверх и скоро еще одно испытание — посевная!

Добрался до города только часа через три, причем на удобных местах пришпоривал коня и в галоп. Дома тестя не оказалось, как и его жены, прислуга сказала, что он у тысяцкого.

У ворот в детинец меня встретили ратники, двоих из которых я узнал — они были из сотни Войсила.

— А сотник где? — спросил я.

— Так в тронной палате, — ответили мне.

Не встречая никого больше, я вошел в тронный зал, которую уже проходил, и... на месте тысяцкого восседал Василий Шварнович — мой тесть, а рядом был Глеб Всеславович. В голове многое сложилось.

История с Вышемиром была спровоцирована и, вероятно, немалую роль в этом сыграли люди самого Войсила, один из которых и был убит в ходе нападения. Вышемира спровоцировали на активные действия, чтобы оттянуть силы сотника городской стражи Луки на меня. Разделение людей с упором на нападение на мою с Божаной усадьбу, создавало возможности для взятия власти в городе. Приезд эмиссара от князя, как раз в это время, так же удачно списывался в план операции. Да и легитимность поступков обеспечена, чему свидетельствует присутствие Глеба, мирно беседующего с новым хозяином города. Убрать коррупционную схему и оседлать возможные потоки — одна из причин! Ну, так думается человеку из XXI века.

Моя роль так же была определена и тут сошлись много факторов. С одной стороны, я приглянулся Божане. И хотелось верить, что и это имело значение. С другой стороны — чужой человек, который мог дать толчок для начала событий при умелом управлении. Также объединение сельскохозяйственных земель рядом с городом, который в большей степени округой и кормится.

Можно и еще назвать совпавшие факторы, но тут наверняка существует еще один слой, или второе дно. Это княжеские игры. Кому принадлежит Унжа? Владимирскому князю! И зачем ему эти игры? Марийцы? Готовится экспансия в их регион. Или дело в противостоянии с Волжской Булгарией. Войсил работал на Василько, который был ростовским князем, по косвенным предпосылкам, выполнял и деликатные поручения своего сюзерена Великого князя Владимирского. Но с этим пусть разбираются, как говорится, компетентные органы. Мне же была нужна возможность осесть, организовать сельское хозяйство и сделать шаг в торговле и ремесле.

— Спаси Христос Василий Шварнович и тебя Глеб Всеславович, — начал я с неглубоким, но почтительным поклоном.

— По здорову ли Корней? — обратился Войсил.

— По здорову, тысяцкий, али посадник? — спросил я, припоминая, что именно в эти годы стала вводиться новая должность на Руси, посадника.

— Во, как, Глеб! Зело прозорливый муж у меня в зятях, — усмехнулся Войсил. — Добре, что Божану отдал мудрецу этакому.

Мужчины переглянулись и, несмотря на прозвучавшие слова с толикой сарказма и юмора, лица у обоих были серьезные.

— Вышемира подставили, да ватажников и татей из городской сотни поприжали, — решил я раскрыть часть своих догадок, чтобы выбить из тестя долю правды.

— То так, али не так, да все хорошо же в итоге! — сказал Войсил, показывая, что не горит желанием раскрывать все свои тайны.

Мы поиграли в гляделки, в которых за явным преимуществом, ну и при моем попустительстве, выиграл тесть.

— Прими дары, отец, — вновь поклонился я.

Назвав Василия Шварновича отцом, я показал и почтение, и родственные связи, и что готов на подчинение, как сын отцу.

Какие обиды не иметь, но помощь и поддержка нужна, а все произошедшее можно было расценить как дар именно мне, и я ему должен.

— Во, как! — серьезно произнес Глеб Всеславович и посмотрел на реакцию своего друга.

— Благодарствую! — степенно сказал Войсил и принял из моих рук ларец.

Родственник открыл маленький сундучок и рассмотрел несколько предметов.

— Добрый дар! — сказал он.

— Василий Шварнович, я вправду почитаю тебя, как отца, и далее добром за твое добро отплачу. Но есть разговор до тебя, — перевел я тему, ощущая неловкость после этих признаний, не сказать, чтобы таких уж и искренних.

— Ты Гавриле долю дай! Так по правде. С сотником городской стражи ссоры не чини, — проявил свою осведомленность тесть.

— По полгривны его ратникам и Гавриле три, то добре? — выложил я заранее продуманные цифры.

— Добре, но ты от него доли больше не жди, — ответил тесть, давая понять, что и десяток Гаврилы успел поживиться. Я и не удивлен. — Так пошто пришел?

— Глеб Всеславович может все слышать, что я скажу? — спросил я и посмотрел на друга тестя.

Оба мужчины рассмеялись, только им понятной шутки. Но по реакции я понял, что говорить можно без утайки, значит, степень доверия большая и информация не требует фильтрации.

И я рассказал. Прежде всего, про пайцу. Реакции не последовало, пока я не рассказал, что она обозначает, особенно исполненная в золоте. Лица чекистов средневековой Руси побагровели, но они воздержались от комментариев. Я же озвучил свои выводы, что ватажники где-то взяли или шпиона, или важного монгола. Если и монгольского шпиона, то очень высокого ранга. В случае, если было разграблено посольство, то дело крайне важное и монголы это не спустят.

В ходе рассказа два товарища постоянно переглядывались, как будто ментально передавали друг другу послания.

— Ватага, которую ночью разбили, была раньше на юге на границе с половцами. Они и в Рязанское княжество ходили, уже после пришли на Городец и сюда, — начал говорить Глеб Всеславович. — У Рязани кто-то пограбил богатый обоз. Все взяли, токмо две телеги и осталось.

— Булгары рыскали, искали кого? — выразил свои догадки Войсил. — А много то злата в сундуках у тебя, что ночью в усадьбу привез?

Вот я пытаюсь вообще что-нибудь понять в происходящем, а обо мне знают все. Как умудряются. Хотя... Гаврилка! Это он и пожаловался.

— Не сильно и много, да все дело нужное, — отреагировал я, стараясь максимально держать «покерфейс».

Но дальнейший вопрос Войсила был неожиданным и ошеломляющим.

— А что, Корней Владимирович, пойдем гулять со Мтиславами, как только земля сухой станет? Поглядеть на тех татар? — залихватски произнес Глеб Всеславович. — Вон Войсил тысяцкий, ему не в досуг, а мы можем.

— Не можно ни вам, ни мне! — сказал я, с трудом взяв в себя в руки. — Не будет там доброй сечи. Князья рассорятся, каждый сам по себе поведет дружину.

— Во, как! А не отрок — муж, понимаете! Только князья слово свое дали, что придут. Только и идти можно по-разному, — усмехнулся Глеб Всеславович.

Вот я все же и прикоснулся к большой истории, о которой в будущем гадают. Василько Ростовский с полком своим и Владимирского князя Юрия не дошел до Калки, явно не спешил влиться в русское воинство. Можно сей факт принять за предательство, да все чин по чину. Вышел, да не успел. Да и князья перед походом уже имели нерешаемые противоречия.

— То после еще поговорим, — вклинился в разговор Войсил. — Пошто тысяцкий тебе нужен?

По-молодецки, с усмешкой, тесть указал на себя, как будто бахвалясь. Вон, какой я молодец, мол, тысяцким стал!

— Нужно мне холопов купить, артели плотников нанять, да печников. Еще мастера-стеклодувы, кузнецы и оружейники, добрый гончар. И скотина нужна — свиньи, кони, коровы да овцы, козы. Аще нужны ратники. Я их на свой на кошт возьму, — выдохнул я.

— Остановись, аспид! — с удивлением выкрикнул Войсил. — Ты что умыслил, гуза паленая?

Уже и задницей паленой назвали. Но я и хотел ошеломить, а потом и сами объяснений захотят.

— Постой, Войсил! Зачем тебе все это? — заинтересованно спросил Глеб Всеславович. И пришлось объяснять:

— Хочу я жить по-новому, крепко стоять на своих землях. Есть задумки, как лучше все производство сладить. Вам от этого так же только добро и будет. Если поможете, так через два года все ваши ратники будут одеты в мои одежды и мои брони, за ваше серебро, но по-родственному, не дорого, — мне пришлось прерваться, так как оба моих собеседника разразились заразительным хохотом.

Вот же этот средневековый юмор!

— Нужно ему, ишь, ты! — пробурчал Войсил, вытирая слезы, что проступили от

смеха. — Ратников в граде нет! Мне летом сотню отсылать нужно, на корм, для этого серебро надо. А гривен мало, али ты дашь?

Я уже знал, что сотни, или даже десятки воинов часто подряжались на сезонную работу, чтобы и навыки не растерять, ну и подзаработать. Зимой в набегι почти и не ходят, но летом нужно увеличивать число пограничных дозоров.

— Коли под маю руку ратников дашь, то я и кормить буду и оружие дам, — сказал я, стараясь произнести слова без излишних эмоций, которые могли быть расценены как мальчишеская блажь.

— Тебе? А ты десятник умелый, али сотник мудры? Людей табе? Ты и не новик, а уже людей просишь! Чтобы где сгубить? — осуждающе помотав головой, сказал Войсил.

— Так дай мне три, четыре добрых воинов, да на земле моей есть калеки, бывшие ратниками, наставниками станут. А набрать отроков пятнадцати годков и выучить их, можно и у меня на земле. Лето, два и будут ратники, — выпалил я на одном дыхании.

Дальше я начал озвучивать свой бизнес план. Трехполье, которое становилось главным условием будущего хозяйства, вызвало много вопросов, ответы на которые не всегда находили отклик и удовлетворение у экзаменаторов. И Глеб, и Войсил знали понятие «пар», но использовали его крайне редко, в этих местах все еще преобладало подсечно-огневое хозяйство. Однако, земли было расчищено достаточно много в соотношении с количеством проживающих людей. И, как оказалось, мои угоды, особенно полученные от Вышемира, были в этом отношении передовыми.

Использование новых культур вообще вызвало скепсис у слушателей, но рассказы о сказочных странах, нивелировало полное отрицание. Рассказал и о животноводстве, что так же базировалось на новых культурах. Та же кукуруза хорошо должна была идти в дополнение к сену для скота. Ожидаемые урожаи вызвали ухмылки. Пришлось даже заключать пари, что сам 10 самое малое, что мне удастся собрать. То есть с пуда зерна я получу десять пудов.

Урожайность то в эти годы очень редко превышала сам пять, поэтому ожидаемые мной урожаи могли чуть ли не возвысить хозяина тех полей, где так родит земля. Тот же Великий Новгород купит столько зерна, сколько предложат. И у меня расчет, что и при отсутствии всевозможных иных проектов, только сельское хозяйство сможет сделать меня действительно богатым человеком. Видел я местное посевное зерно. Мое зернышко размером как современных два.

Земли, конечно, не очень хорошие. Много суглинок. Но культивированные культуры в XXI веке, некоторые даже, по словам Иллариона Михайловича, экспериментальные. Да и выращивать пшеницу твердых пород я не собирался. Рожь, горох, ячмень, овес, кукуруза, картофель и другие овощи. При введении трехполья, я надеялся на высокие урожаи. Это даст возможности и для увеличения роли животноводства. Еще про рыбу забывать не следует. В Унже, тем более в Волге, водится много рыбы, в том числе и благородной. Так что и икорку можем запасти.

После того, как были озвучены предполагаемые цифры с обоснованием, весь скепсис умудренных представителей Древней Руси пропал. Лица присутствующей высокой комиссии менялись с озабоченности на растерянность, после лучились скепсисом и уходили на второй круг, вновь проявляя озабоченность.

— Добре говоришь, а цифирь твоя — так райские кущи. Думать нужно, — подвел итог Войсил. — А стражу, коли за свой кошг, забирай, но на лето и два десятка дам! Да артели можно в наем найти. По березозолу артели от Нового града низового пойдут через нас,

может и найдется кто. Холопов не дам, мне и самому нужны, если от марийцев придут, поделюсь. Земли Вышемира бери себе и Божане на оброк, будешь добрым хозяином — буде твое. Нет, не взыщи!

Вот как! А я уже думал, что земли эти и так мои. Но не забрали и ладно! Если же я не смогу быть хорошим хозяином, так все по справедливости, пусть забирают. Сам откажусь от земель. Смысл пропадет в землевладении. Не умеешь — не берись!

На этом я и ушел, не хватало информации, что же произошло в городе, напрямую спрашивать у непосредственных участников, не стал, поэтому захотел найти Шинору, может, он что-нибудь расскажет.

Искать особо не пришлось, проныра, сам меня нашел.

— Спаси Христос, Боярин! — прозвучало справа, как только я выехал на посад.

— Ты глянь, тебя искать отправился, а тут и появился! — сказал я, улыбнувшись.

— Так и я спросил о тебе, так люди и сказали, — ответил Шинора.

Вот, вроде бы быстро въехал, быстро уезжаю, а ему уже «люди сказали».

— А ты мне кажи, Шинора, где дом твой, да чем живешь? — спросил я, решив еще вчера, что можно привлечь этого полукриминального персонажа.

Проверю его, и проверять буду в дальнейшем, но такой шустрый человек поможет знать, что в моем хозяйстве творится, что люди говорят, а хозяйство уже большое, а хочу еще большее.

— Так, как ватагу побили, так и шатаюсь, как медведь-шатун из стороны в сторону, — потупил глаза Шинора.

— Ладно. Есть работа для тебя. Нужно мне все знать, что творится в моих землях. У кого ребенок родился, кто венчаться собирается, кто ссорится, а кто и дружбу ведет с кем. Все! Жить будешь в избе возле усадьбы. Справишься, так и живи. Нет... пойдет в белый свет искать своей доли, но назад в Унжу не пушу, — сказал я и поехал, не обращая внимания на то, пошел ли за мной Шинора.

Захочет — попробуем поработать. Нет! И не надо!

Я понимал, что Шинора опасный супчик, но очень уж ловко он впитывал информацию, был в курсе всех дел. У меня было зудящее ощущение, что мной постоянно играют. Вот и пусть пронырливая душонка отрабатывает свой хлеб. А я разберусь еще с этими играми.

..........*

В большом помещении дома тысяцкого сидели двое. Два друга, что еще новиками приятельствовали. Вместе они были и в дружине князя, крестили своих детей. Секретов друг от друга они не имели и имели в своей службе схожие функции. Лица их были озадачены и уставшие. Предыдущие сутки реализации плана по перевороту в городе измотали. Можно было бы и через князя решать, убрать Луку и Лазаря, но все могло сложиться иначе, к примеру, тысяцкий мог и откупиться. Большая кровь была не приемлема. Положить часть своих людей и остаться ни с чем — не тот вариант, который устроил бы Глеба и Василия. Меж тем, противников было не меньше и еще ватага, которая пришла в эти места, быстро вплелась в разбойничьи схемы бывшего сотника. Тысяцкий получал свою долю только за закрытые глаза, но город все больше уходил из-под контроля. Нужно было убирать всех татей и под корень.

План был прост, и одновременно сложен. Большая часть противников должны были уйти из дома, и приманкой был один малец, которого искали ростовские монахи.

Было ли его жалко? Войсил признавал, что испытывает к парню симпатию, но он

оставлял ему шанс — его предупредили о нападении. Василий Шварнович был почти уверен, что Корней уйдет из усадьбы, ему на то и намекали, но он остался, вызывая и уважение и досаду. Когда же Войсил узнал, что и Божана не ушла, он срочно послал помощь, ослабляя свою сотню. Племянницу действительно жалко, но то ее бабье дело и погоревать могла, если бы мужа убили, да и только.

Но этот малец смог отбиться, мало того, разбить большую часть нападающих. А часть принудить к сдаче, да как! Настоящий берсерк древних времен. Странное оружие, которым он убил многих и его странный клинок вызывали опасность, и даже страх. А его доспех? Такую броню сделать на Руси не смогли бы.

— Ну, что, какого мужа Войсил себе в род принял! А! — после долгой паузы сказал Глеб Всеславович. — Строптивный он, но и уважение имеет. Принес тебе злата и каменьев на пятьдесят, а то и сто гривен серебром.

— Поживем, увидим! — философски произнес Войсил. — Суетной он сильно. Как будто не умом живет, а только божьей помощью. Наговорил все такого. Нас с тобой научал, как поля засаживать!

Оба собеседника рассмеялись. Они слушали Корнея, но уряд уже давно установился, и предки так сеяли, и они так сеют. Сам десять! Да коли такие урожаи были, так на Руси было бы не протолкнуться от людишек. Может, еще у Суздаля похожие урожаи возможны, там земля черная, но и то, вряд ли.

— Я так думаю, нужно помочь ему, может не в поле, но в ремесле чего путного сладит. Зеркала те же у него. Говорит, что знает тайну, как их сделать. Да и ратников ему дать — два десятка, тем более, что он их сам кормить будет, да платить за наем, Глеб Всеславович степенно разгладил свою бороду. — Ты Гаврилу сотником ставить будешь? Филипп еще юный. Сложно будет тогда. Он с Гаврилой как кошка с собакой. Отправь Филиппа и Еремея к Корнею, пускай поучат отроков, может толк и будет. Новиков в сотне мало, молодая кровь нужна! Хоть покажут, как копьё держать, да и то добре.

— Это да! — философски произнес Войсил. — Думать нужно, но дам Корнею Филиппа, пусть он присмотрит за моим зятем. А Гаврилу ставить на сотню надо. Филипп же наш, сторожевой, его и круг принял. Так что для него своя сотня нужна. Пусть себе новиков и набирает. За серебро Корнея, если тот так хочет тратить свои гривны.

— Вот и добре, а я купцов с Ростова пошлю к Корнею, если что путное на торги выставить станет, — сказал Глеб Всеславович.

— А что, Глеб Всеславович, пойдешь ратиться с татарами? — спросил тысяцкий.

— Пойду, да не быстро, степенно. Не будет славы ратникам там, где порядку нет. Где каждый себе воевода. Да и половцы с бродниками копьё и луки повернуть могут против русских князей. Но, коли проиграют русские князья татарам, то уже нам, в скорости с ними биться придется, — Глеб Всеславович потер бороду. — И грамота эта — пайца татарская. Кто тот был татарин, кто такое носил?

— Ты Великобору, сыну моему вести передай, да гостинцы. Добре князю службу несет? — перевел тему Войсил.

— Добре, славный воин! — усмехнулся Глеб Всеславович.

..........*

Зима ушла быстро. Вообще складывалось впечатление, что климат в этом времени потеплее. Я знал, что XIII век — это еще климатический оптимум. Время, когда и Гренландия вроде как была зеленой страной. Но все же резкий перепад от снега и через

неделю — почти сухая земля, показался странным.

Прошло уже три недели после нападения на усадьбу и все они слились в один день. Ритм, который я задал, был и для меня, человека XXI века сумасшедшим. Именно работа вот так, я ощутил окончательно, что, молод и здоров. Желание быть везде и работать, работать — радовало. Может, конечно, меня стимулировало и осознание того, что могут забрать поместье Вышемира и просто разочароваться во мне. Особенно я хотел продемонстрировать Божане, что ее муж по праву занимает хозяйское место. Доказывал я это и наедине, иногда и не единожды, и она была хороша, и было мне хорошо. Знойный темперамент девушки с восточной кровью нашел возможность вырываться наружу вопреки патриархальной системе. Хотя этой Руси, как мне казалось, было далеко до домостроя века так пятнадцатого-шестнадцатого.

Приехали и мои воины, ну так хотелось бы думать, что мои. Филипп со своим десятком и Ермолай разместились пока в усадьбе Вышемира, которую я все больше предпочитал называть Речной из-за близости с рекой Унжей. Практически каждый день с утра я ездил к ним и там по три часа тренировался, вспоминая старые навыки и беря уроки у того же Филиппа, который был весьма искусен в современном ему бое. В то же время, и я нашел, чем заинтересовать и его. В это время не было искусства фехтования как такового, дестрезу еще не изобрели, да и клинков таких не было, чтобы превратить бой в искусство. Но некоторые приемы, что были возможны и, хоть в большей степени в теории, с оружием XIII века, я продемонстрировал.

Мои управляющие искали кандидатов в рекруты среди молодежи из поселений, и пока набралось двенадцать человек. Обучение их все откладывали, так как, где разместить воинство, я не продумал. Нужно строительство казармы, нанятая артель обещали завершить стройку не раньше середины лета, так как не только одной казармой ограничивалось сооружение мест отдыха и тренировок личного состава.

Артель плотников прибыла после того, как Глеб Всеславович потратил немало своего влияния для уговоров. Строители были не голодными, они неплохо зарабатывали на строительстве Нижнего Новгорода, могли там же взять подряды. Кроме того, чуть южнее от Унжи отстраивался Городец, где так же были востребованы строительные артели. Но получилось уговорить, а мне необходимо сделать так, чтобы средневековые зодчие со своими строителями были не просто удовлетворены договоренностями, но и заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве.

Я собрался строить целый военный городок — плац, казарму в виде большого дома, склады, конюшни, изгородь, столовую, кухню, баню. Мужики, согнанные на это строительство, уже, по словам Шиноры, стройку называют боярской блажью. Но работаю, так как я положил им в уплату процентов на двадцать больше, чем они могли бы заработать в Новгороде.

Шинора осваивался, и его бурлящая энергетика, в купе с незаурядным умом, создавали первого на Руси ревизора по совместительству аналитика социальной мобильности в обществе. Парень умел читать и самую малость считать. После нескольких разговоров с ним я сумел описать принципы проверок хозяйственной деятельности.

За прошедшие три недели я занимался описаниями и разъяснениями уходом за посевом, потом уходом за рассадой. Результатом моего труда и моих холопов стала посадка в корзинах томатов, перцев как жгучего, так и сладкого, а так же баклажанов. Солнца в доме для рассады не хватало, поэтому были целые ритуалы выноса земли перед открытыми

дверями. Я боялся холода, но побеги уже показались. Так же я попробовал выращивать в корзинах картофель из глазков, что получится еще не понятно, но это некоторая перестраховка — вдруг украдут клубни, или черви какие поедят после посадки в грунт.

Разметили и землю под мои посевы. Это будет огород, который почти примыкает к усадьбе. Поставили примитивный забор, в основном из плетня. Землю разбили на семь частей. Четыре части пойдут на попытку создания четырехполя, когда часть земли оставлялась под яровые, часть озимые, часть картофель, часть горох. Читал в той жизни, что такой способ оказался весьма продуктивным и практиковался в Англии. Так как непосредственно гороха было мало, будут там и бобы, и кукуруза, последней я взял достаточно много, поскольку очень желал уже на второй год иметь силос. Я бы и картошки взял мешка два, но и пятнадцать килограмм был максимум, что влезало в мои просторные, но не бездонные сани. Пятая делянка была под сахарную и кормовую свеклу — тоже много хочу. Шестую, но самую большую, под другие овощи — лук, чеснок, морковь, редис, тыква, арбуз, кабачки, патиссоны, даже семена репы взял. По границам грядок посажена зелень — руккола, петрушка, укроп. Седьмая делянка — это уже под огурцы и высадку рассады — капусты белокочанной, красной, брокколи, китайской, перцев, томатов. Вдоль забора подсолнечник. Ну а на территории усадьбы гладиолусы, хмель (куда же без него) и назло будущим голландцам — тюльпаны!

Почти три гектара засеять буду. Да, если урожайность будет хотя бы не хуже, чем на дачах огородников-любителей из XXI века, то мы с Бажаной и еще с полсотни человек перезимует только с этого.

Еще по плану — мельница, маслобойня, сыры, сахар. Ох и развернулся я! Страшно становится, но лучше делать, чем говорить, что это не возможно. Желай большего, чтобы получить необходимое!

Погонял я своих управляющих и холопов изрядно, под вечер уже язык заплетался от частых разговоров. Целые семинары были — они меня учили премудростям своим, я им объяснял принципы сельского хозяйства, что только будут внедряться в последующие шестьсот лет.

Вот и сегодня я собрал старост и двух тиунов. Такого ритма работы они не выдерживали, и я приказал взять помощников, тем более, что кадры нужно возвращать еще раньше, чем сами сельскохозяйственные культуры. Вот и хоть кого обучат. Но все были воодушевлены. Особенно украдкой усмехались глупостью хозяина, когда я сказал: «Если с пуда соберем десять, то тиунам по три гривны дам, а старостам по одной». В понимании местных — сказка, но мы еще поборемся, чтобы она стала былью.

— Сторговали в городе четыре коровы и пять свиней, да кур и гусей. На конец зимы корма у люда мало, избавляются от скотины, кто бьет, кто продает. Потому и сторговали. А так в Унже мало скота, наши нужды не покрыть, даже серебром, — отчитывался тиун Макарий.

А у меня слюна текла. Великий пост только что начался, а мне уже мясо снится. Отчитал меня отец Михаил — настоятель церкви, что была единственной на все поместья вне города. К своей пастве священник причислял и меня и всех моих людей. Я аж проникся напором служителя культа. Наговаривают на батюшек XXI — го века — не правда! Вот этот батюшка напрямую не говорил, а кричал, что и свечей нет, и сруб церкви новый нужен, и зерно у него кончается. А вот, если не будет всего этого, то и не сладятся отношения. Вот и езжу теперь церковь по воскресеньям, выказывая покорность. Зачем множить сущности? Не

конфликтовать же мне со священником? Если есть возможность избежать проблемы, то и покоримся. Пока Михаил особо в мои дела не лезет. А вот нахождением в церкви даже проникся и искренне помолился.

— Марфа разродится на седмице, Лада через две седмицы, — продолжал докладывать Макарий.

Я потребовал знать всех людей — чем живут, как растят детей, когда рожают. На свадьбу и рождение ребенка начал давать по пять кун. Конечно, так можно разбазарить все то богатство, что имею, но я хочу жить в окружении верных мне людей, пусть и холопов, чтобы работали от души, не пакостили. Ну, верю я еще в людей как в Бога — есть грех, прости Христос за имя твоя всеу!

Да и есть на Руси свободные люди, может и большинство их. Так могут прийти и заключить ряд. Тогда можно заселять земли рядовичами. Прознают, что тут такой боярин живет, да своих подпитывает серебром, гляди и кастинг устроим, заселю свободные ляды грамотными и работающими рядовичами.

— А зерно все перебрали? — спросил я после окончания доклада.

— Якоже говорено. Здоровое и великое семя на посев, другие на корм, токмо мало доброго семени, — ответил тиун Речного.

— Добрать с недоброго и того, что на прокорме осталось — оно же не перебрано. У меня только пудов десять зерна жита. Договорись с Мышаной, чтобы передала, — дал я распоряжение, и Мышана кивнула в знак согласия.

Странно, но между Мышаной и Макарием никакой конкуренции не наблюдалось, сплошное взаимопонимание, если бы можно было Макарию иметь две жены — уверен, сошлись бы.

— Плывут! — Шинора вбежал в горницу, где шло совещание.

— Шинора! Ты чего орешь? Кто плывет? — спокойно сказал я.

— Так это, Градята плывет! Там два ушкуя плывут! Он с Вышемиром в доле, — уже степенно объяснил Шимора.

Я посмотрел на тиуна Речного.

— Он товары привозил в Унжу, да по Волге ходил и Оке, может и от ватажников грабленое сбывал, — рассказывал Макарий.

Понимают меня уже только по взгляду. Даже ничего не спросил, а ответ получил.

— Ратники? — спросил я и Шинору и Макария.

— По реке хлюпы не ходят, все мужи ратные, да разбойные, — пожал плечами Шинора.

— Божана, любая, я в Речное, — сказал я тихо сидящей в уголке жене, которая почти всегда слушает вместе со мной доклады, иногда шепотом повторяет цифры, но не вмешивается в процесс.

Глаза у любимой заслезились, она ничего не сказала.

С собой я взял Далебора, его сына Николу, благо они дежурили в моем доме, взял арбалет, Шаха, а то уже скучает, все матерюющий пес, без дела, и поехали. До Речного добрались быстро и обнаружили, что в усадьбе остался только один новик из десятка Филипа и один ветеран, у которого проблемы с ногами, и он с трудом держится на коне, но лучник от Бога!

— Где все? — крикнул я с седла.

— На подоле, — ответили мне, и я пришпорил коня.

Подолом звали место возле причала, где я планировал добывать песок. Уже на месте я

увидел только причалившие два ушкуя. Ушкуи? Как по мне, так большие, широкие, лады.

Отсутствие на причале Филиппа и других воинов насторожило. Но они не могли пройти мимо такого события, поэтому могут и прятаться. Да хотя бы и в кустах, что в метрах ста от причала в заводи. Следовательно, и мне нечего вылезать.

Резко развернув коня, я отъехал в лесок на возвышенности вдоль поймы реки. Наблюдать за прибывшими варягами можно было не вооруженным глазом.

Вот на причал вылезли три человека и растерянно стали мотать головой в разные стороны. Станным для них могло показаться, что ни одного рыбака, ни человека шатающегося у пристани, не было. А рассчитывают, наверняка, на встречу, да на высоком уровне.

Пять, одиннадцать, семнадцать — считал я выбиравшихся из ушкуя людей. Только некоторые из них за поясом имели топоры. Лучников видно не было. Я растерялся. Что делать было не понятно, напади я на прибывших, это было, по сути, разбоем, но и действовать как-то было нужно.

— Шинора! — позвал я своего сподвижника. — Иди к ним и расскажи, что Вышемир заболел.

Пусть и Градята поразмыслит, как ему быть. Если решит проявить агрессию, то и решится дальнейшее. Отвечать на выпад легче, чем первому нападать. Да и право, какое бы оно примитивное не было, но «русскую, ярославову правду» никто не отменял.

Филипп с людьми стоял в ста пятидесяти метрах, с возвышенности я смог их увидеть, и сможет отрезать пиратов или торговцев от ушкучев, я же сделаю наскок и наутек.

Стояние группы людей возле пристани продолжалось еще минут двадцать, после чего из компании выделились пять человек и пошли в сторону усадьбы Речной, а Шинора остался с приплывшими.

Ну, хоть какое-то движение. Я устремился наперерез, как только ходоки вышли из зоны видимости для ушкучников. Пять мужиков шли, веселились и не ожидали никакого подвоха. Направив коня в группу людей, я сбил с ног двоих и одному ударил ногой в лицо, отчего тот присоединился к своим товарищам, лежащим на земле.

— Стоять, на колени, или засеку! — проорал я, добавив в голос металл, при этом мой голос чуть не дал петуха.

Ошарашенные люди на колени не встали, но и вытягивать топоры из-за пояса не спешили. Мои сопровождающие так же успели подскать.

— Кто такие, пошто на землях моих хаживаете? — властно проговорил я.

— Так-то земли не твои! — сказал мужик матерого вида со шрамом на левой щеке.

— Кто таков? — спросил я его, предполагая, что именно он командует этой пятеркой.

— Жадоба! А ты кто будешь? — с вызовом ухмыльнулся тот.

— Я хозяин этих земель Корней Владимирович! — выделяя каждое слово, сказал я.

— Сколько вас на ушкучах? — задал я вопрос, спешиваясь.

— А ты, малец, пошто пытаешь у меня? От мамкиной цыцки так далеко отошел? Не страшно? — усмехнулся мужик и оглядел уже поднявшихся своих сотоварищей, ища в них реакции на свой юмор.

Я не стал отвечать словами, а резко приблизился, благо, было метра три до него, и ударил ногой в голову. Шрамированный слегка пошатнулся.

Четверо мужиков рванули на меня, по путь им преградил конь Далебора. Я выхватил саблю.

— Стоять! — прокричал я.

После такой демонстрации намерений, мужики слегка опешили, постоянно осматриваясь на своего предводителя, но тот, держась за ухо, с задумчивым интересом рассматривал меня, не предпринимая действий.

— Охлони! — негромко, но властно сказал Жадоба одному мужику, который попытался достать топор.

Послышался топот копыт, и я обернулся — галопом к нашей дружной компании мчался Еремей с тремя ратниками.

— Корней Владимирович, все добре? — подъезжая, спросил Ерема.

— Да! — скупо ответил я.

Жадоба все это время смотрел то на меня, то на Еремею и сопровождающих его ратников, как будто что-то решая.

— Так что, Жадоба, будем разговаривать, или скоморошничать станешь? — спросил я.

— Поговорим, — уже спокойно ответил ушкуйник, сплюнув кровь. — И сколько вас таких удалых воев?

Разговор был достаточно долгий не меньше получаса. Одного из ратников я отправил к Филиппу, который притаился у пристани с остальными бойцами, даже пятерых рекрутов, которые еще и обучение то толком не начали, взяли с собой. Жадоба рассказал, что на ушкуях их пятьдесят два человека, нарвались неделю назад, когда решились по ледоходу идти на Унжу, на купцов с охраной, чуть ушли. Из-за этой передрыги в их команде начались распри. Жадоба был из тех, что были против пиратства. В целом-то он и не особо бы сопротивлялся, не моральными принципами руководствовался пират. А тем, что Градята командовал ошибочно, и полегло пятнадцать человек. А как бы без потерь взяли тех купцов, так и нормально все было. И в той бойне был убит родной брат Жадобы. Восстать тогда он не решился, не готов был, с людьми не переговорил, да и дела нужно было закончить с Вышемиром, который мог и не понять смену власти на ушкуях, которые частью принадлежали ему.

— А сколько людей, что за тобой пойдут? — спросил я.

— Так асьмнадцать будет, есть еще те, чьи намерения не ведомы, — ответил Жадоба. План действий сам собой вырисовывался. — А в доле уже со мной будешь?

Потенциальный компаньон понимающе оскалился. Он, наверняка и сам рассматривал вариант захвата с нашей помощью ушкуев, а тут уже и что не наест деловое предложение. Само собой тот согласился.

План был ситуационный, то есть действовать, большей частью, по ситуации. Проблема в нем была только в том, чтобы выявить людей Жадобы и Градаты. Я предложил будущему компаньону и всем его людям надеть белые повязки на руки, чтобы можно было разобрать кто где. Дополнительную информацию принес через некоторое время Шинора, который представился посланником Вышемира, и который додумался вывести часть ушкуйников под предлогом ожидания Вышемира. Шинора утверждал, что Вышемир заболел и слег, прийти сам не может. Пронырливый помощник подтвердил, и количество приехавших, и что с десяток из них так или иначе ранены.

Сообщив план Филиппу, мы начали реализацию задуманного.

Жадоба пошел вперед, чтобы организовать своих людей, которые должны были с момент реализации плана одеть повязки. Сам же предводитель восстания должен был любым способом показать на Градату, так как ни Филипп, ни его ратники не знали

наверняка, как тот выглядит. Лучший лучник десятка должен был вогнать стрелу в главаря и это начнет горячую фазу операции.

Говорят, что план любой операции сразу ломается, как только начинается его реализация. Но сегодня было исключение из правил. Люди Жадобы растеклись по толпе сошедших на пристань ушкуйниках и начали некоторым из них шептать на ухо. Будущий мой компаньон подошел к мужику, который мало чем отличался от остальных и что-то тому сказал, после чего просто и примитивно, отойдя на метра три, показал на мужика пальцем. Стрела вонзилась Градате в шею, после чего из кустов с криками выскочил десяток Филиппа с Еремой впереди всех, позади неуверенно держались пятеро юнцов.

Я пришпорил своего коня и помчался к пристани, за мной последовали и мои сопровождающие.

Сопrotивления особого не было. Жадоба сам зарубил одного мужика, еще троих убили десятники Филиппа. Остальных всех без исключения — на повязки, поставили на колени. Трое лучников взяли под прицел ушкуи, чтобы оттуда никто не вышел.

— Я Корней Владимирович — хозяин этих земель. Вышемира в честной сшибке одолел. Тот пришел убить меня и всех моих людей. Тысяцкий дал мне эти земли, а сына Вышемира я взял себе. С вами наряд держать хочу, такой, что был с Вышемиром. Товар будет, торг вести станем на долях с вами и вашим старшим — Жадобой! — определил я весь расклад.

Я отъехал в сторону, так как началось то, чего я видеть не желал. Сделал вид, что мне просто неинтересно. Люди Жадобы и некоторые другие без повязок стали просто резать и убивать других, которые и не пытались оказать сопротивление, так как сразу же получали стрелу в грудь, только пытались встать с колен. Поражало только, как ратники умудрялись разобрать своего и чужого.

Ну, а после начался торг. Дележ выручки за последние рейсы. Первоначально Жадоба хотел скрыть сам факт необходимости дележа, но Шинора выручил меня и здесь. Он шустро нашел себе информатора, которого отвел в сторону, вложил что-то тому в руку и внимательно слушал. Оказалось, что выручили пираты-торговцы за последний рейс всего около ста пяти гривен серебром, а так же привезли вино, ткань, зерно на посев, да две семьи в холопы. То-то было мало посевного зерна в закромах Вышемира, видимо расчет был на привезенное сегодня.

После торга разделили так: шестьдесят гривен я оставил ушкуйникам, как и большую часть вина, а вот ткань, зерно и холопов забрал себе. Довольны были все, тем более, что количество людей-речников резко убавилось.

— Так как дальше жить будем? — спросил Жадоба.

Вопрос был закономерный. И предложить серьезный товар и направить куда-нибудь, пока я не мог. Но лишь «пока». Однако меня волновала моя захоронка. Там еще столько вкусного, что было необходимо срочно ехать, однако и пропускать посевную никак нельзя.

— Поля засеем и пойдем, — подвел я итог своему рассказу о поездке к схрону.

Конечно, там, в месте схрона, близко не было реки, но притоки и сама Волга были недалеко, судя по карте, которая имелаась и на которой я смог приблизительно выявить место, где состоялся переход из будущего. Да, эта карта показывала и леса там, где их нет и степь, где ее нет и в помине, но вроде бы как получилось.

Новгород, который позже станет Нижним, не был вдали от места. Так что решил я разделиться — ехать частью верхом на конях без телег, так как проехать на них от Унжи до места не предполагал. Сани по снегу шли с трудом, а телегам еще сложнее. Телеги возьмем

на ушкуи, подплывем параллельно месту, где должны будут ждать конные, телеги соберем и в путь. По моим расчетам день-два до места от реки. Потом грузимся, и к ушкаям, спокойно и размеренно возвращаемся домой.

Глава 6 БИТВА ПЕРЕД КАЛКОЙ

— Василий Шварнович, ну дай ты мне на три седмицы эти артели! — в очередной раз я упрашивал своего тестя.

Ростовский князь Василько, прислал в Унжу людей, чтобы по весне подправить детинец, может еще чего построить. Сейчас эти рабочие просто ждут, пока подготовят в достаточном количестве строительного материала. Так почему не дать мне строителей? Тем более, не бесплатно?!

В двух артелях были и три каменщика-кирпичника, умеющие ладить печи. Покушаться на зодчих, которые ставили новую каменную башню, и не думал, на меня и так косо смотрят, но на этих кирпичников, покушусь.

Вообще я начал компанию по переманиванию ремесленного люда. Гончар перебрался охотно, один кожевенник появился. Хотел еще и оружейника переманить из Унжи, но пока никак, тут уже и свой райдер есть, мастер считает, что он удостоен большего. Да и куда человека приглашать? Вот отстроить добротную избу с печью, да мастерскую сладить, и сам прибежит.

А вообще ситуация с тем, что после переворота в управлении городом так скоро появились строители лишней раз подтверждает, что произошедшее было с санкции князя, скорее всего Ростовского. Так же творящиеся вокруг, не могло быть не согласовано и с Владимирским князем Юрием. Город не принадлежал Василько, но именно он прислал людей.

— Речи твои услада для меня, однако на три седмицы артели не дам, — отвечал Войсил.

— Две с половиной! — начал я торговаться. — И еда от меня и оплату положу.

— Ну, добре! Лес не готов для детинца... бери, — сказал Войсил и усмехнулся.

Вот змей, стройматериалов у него нет, артели простаивают, а их кормить надо, да и оплату за простой тоже надо дать. А тут я такой и оплату дам и кормить людей стану. Это тот случай, когда выгода очевидна для всех сторон, но каждый думает, что обхитрил другого. А с дополнительными строителями хоть что-то успеем построить из задуманного. Серебра более чем хватает и пока есть ресурсы, нужно развиваться.

— Как живется Георгию? — изменил тему Войсил.

Я немного завис, припоминая кто такой этот Георгий, но сообразил, что речь идет о Юрии, сыне Вышемира.

— Меня страшится, а Божана стала ему замест матери, думаю все добре будет, — ответил я.

— Ты у поход идешь? — вновь изменил тему тесть.

— Да! — односложно ответил я, демонстрируя некоторое безразличие.

— Сынов моих Второка и Третьека возмешь? Нужно взять, они те места знают, — сказал Войсил.

— Добро! Только двоих, или еще и ратников дашь? — спросил я.

Планы похода к своему схрону я озвучил тестю еще три дня назад. Не говорил, что именно может быть в том схроне, отговорившись тем, что там серебро и инструмент для ремесла.

Можно было и не ставить в известность Войсила, но мне были нужны люди. Вместе с тем было опасным демонстрировать все то, что будет в схроне, но выхода иного и нет. Брать

то добро опасно, но и бросить неприемлемо. И один я не справлюсь никак.

— Будут ратники. Посев идет? Добре поля подготовили? — еще один вопрос от тестя и вновь резкая смена темы.

— Все слава Богу, токмо землицы маловато, — развел я руками.

— Мало? Да боле моей земли у тебя, да холопов и закупов так же больше. Еще и ушкуев приручил. Ты Унжу своим воинством взять сможешь, коли желание будет! — усмехнулся Войсил.

— Нет, Унжа не нужна! Малый город, а Царьград бы взял, — сказал я и улыбнулся.

А Войсил залиvisto рассмеялся.

Мои поместья гудели, люди, словно пчелы или муравьи, хаотично передвигались. Но в это был управляемый хаос. Ритм жизни, который я придумал поместьем еще до посевной, только ускорился. Мой Орел, сданный в аренду, прежде всего, для работ на моем поле, трудился и при свете дня и в потемках. Получилось сладить один полноценный плуг и его бросили на разработку целины. Мышана с Макарием даже переругались насчет графика работы с плугом и Орлом.

Я же загонял Араба, разъезжая по всем полям и следя за работой, Шах, сопровождающий нас, наверное, покрыл уже всех сук в округе. Но это и не плохо, надо будет только отследить помет, да отобрать лучших кобельков.

Крестьяне, видя внимание хозяина, работали справно и если делали все по моему наущению и имели хорошую характеристику от тиунов, то могли получить и серебряную куну за усердие.

Земля оказалась не так и плоха, как думал ранее, были места с суглинком, но были и хорошие земли. Вероятно, сказывалось не столь большее удаление от черноземья Суздальщины. Исходя из понимания разницы почв, пришлось спешно менять планы. Когда некоторые земли, использовавшиеся больше четырех лет, предполагаемые под пар, распахивали.

А когда я попросил своего тестя продать навоз, тот так смеялся, что чуть не задохнулся. Однако, именно что продал, а дал просто так. Плут Войсил: ему и скотник почистили и не он за это заплатил, а ему. Золу так же собирали, где могли. Но не только для удобрения, еще я хотел попробовать сделать соду. Получилось удобрить, так или иначе, но все поля. И я ожидал чуда.

Сама же посевная началась с некоторого конфуза. Подошла Божана еще до начала посевной, краснея и не поднимая глаз начала лебезить про обычаи, я же, не понимая, что происходит, насторожился. Оказалось, нужно было хотя бы сымитировать секс на нашем поле, где посажены семена из XXI века. Ну и похулиганили. Ночью, как подростки. Хотя по внешнему виду мы на взрослых мало походили. Так что все атрибуты выполнены, магические действия на поле проведены и не один раз, поля во всех смыслах удобрили — урожаю быть!

Еще одним важным направлением было строительство. Кипит строительство, стучат топоры, звенят пилы, ругаются мастеровые. Масштабы строительства были впечатляющие и меня и всех, кто приезжал в поместье. Артельщикам-строителям пообещал, если без ущерба для качества работы, сдадут объекты раньше срока, то оплата будет производится пропорционально потраченному времени. Работали люди и по ночам. Возле усадьбы выросли уже две избы и это за неделю! Могли и быстрее, да задержка вышла с кладкой печей. Кирпич мы заготовили, но печники, наслушавшись моих хотелок и матерясь, только

осваивали кладку огромных русских печей. Кирпич мастера забраковали как минимум наполовину, отчего еще больше сдвинулись сроки сдачи домов. Может выбраковка кирпича была и потому, что он был не свойственной для времени конфигурации, только малым похожий на плинфу — средневековый кирпич.

Военный городок, или можно было назвать тренировочный лагерь, так же возводился, но форсированного строительства не наблюдалось, так как отряжать сюда много мужиков не стал. Однако, контуры будущего учебного центра определить уже было можно.

Одну присланную мне Войсилом артель строителей я направил на строительство мельницы с водяным колесом. Я предполагал, как минимум три таких вооружений, но подходящих водоемов нашел только два. Еще два ручья признал временно неподходящими. Может, если расширить их позже, подойдут, но сомневался, что энергии воды хватит для бил суковален (важнейших деталей в механизме). Несмотря на все мои чертежи на песке, даже на пергаменте, меня сочли на идиота, пусть вслух никто и не осмелился обозвать. Причем, я, как историк в прошлом, был уверен, что подобная конструкция не могла быть чужда времени, но, видимо, ошибался.

Пришлось все делать шаг за шагом, а после собирать пазл из деталей конструкции. Колесо, лопасти, жернова, кулачковые валы — каждую деталь ставили на место под моим пристальным вниманием с трепетом, ну и с многоэтажными матами. Могу с уверенностью заявить — мат в домонгольской Руси был! А сейчас еще лексикон хрооаборигенов обогатился словами и конструкциями из моего послезнания. Так что пока я точно изменил на Руси то, что русские будут качественнее материться. А я — молодец, прогрессор-матерщинник!

Только через неделю сложной работы, с помощью какой-то матери, мы собрали мельницу. Когда я выразил желание собрать еще механизм и для вторых жерновов, на меня уже не смотрели как на идиота, но как на деспота-рабовладельца. И это при том, что мельницей занималось только семь человек из артели, остальные же строили большое зернохранилище.

— Все поля покрыты семенем, — продолжала свой доклад Мышана, а я рассмеялся.

Представил, как толпа мужиков покрывает поля своим семенем, а моя управляющая их подгоняет. Это был уже в какой-то степени истерический смех. Устал! Я уезжал рано, приезжал поздно и не всегда приходил на тренировки к Филиппу. Даже его десяток привлек носить заготовленный лес и доски для строительства учебного центра.

Освободил я от работ только Еремея, у которого открылся талант преподавателя. Так то и трех слов связать не всегда может, а десяток подростков так гоняет, что те за несколько недель, как срочную в армии XXI-го века отслужили, по крайней мере, в физическим показателям. Умеют отроки еще мало, но дисциплина уникальная — в рот смотрят наставнику.

— Начали лядить две подсеки. Мужиков нужно отрядить на вырубку леса, — докладывал уже Макарий.

Я же больше размышлял о другом, о правильности такой штурмовщины в работе. Замахнулся я на многое, а потяну ли? Пока еще ничего не закончил, все проекты только в работе. А скоро уже нужно уходить в поход, тут еще что-то Войсил мутит. Его тиун через день у меня обретает. Ничего не говорит, но активно мотает головой. Неужели в эту страду ему ничего делать у себя на полях? Я мог бы понять присутствие тиуна, если вопрос стоял бы в перенимании опыта, но скорее все выглядело, как ревизия.

Несмотря на всю занятость, я не оставлял без внимания и приготовления к походу. Делали расчеты, изучали карту, что я начертил по тому пути, который преодолели, возвращаясь в Унжу. Обращался за пояснениями и советом к Войсилу, даже к Гавриле пришел за помощью. Тому польстило, что я посчитал нужным советы сотника и мне пришлось принять и стерпеть его наставнический тон.

Вот и получается, что дома я бываю не часто, разъезжая по всем землям и зачастую, нужно признаться, впустую. Люди работают, посевная идет, стройка не останавливается. Знаю все это, но сидеть и попивать пиво в такой период не могу.

Сегодня же, благодаря совещанию в усадьбе, я смог быть дома раньше и уделить внимание жене. Натопили баньку, взял пива и квасу и пригласил женушку посетить это место, ставшее для нас уже волнительным и интимным.

— Любы мой! — в баню в одной нижней рубахе зашла Божана и нежно погладила своей ладонью мою щеку. — Притомился?

— Так страда. Нужно так, любая, — я обнял жену и нежно поцеловал.

А дальше уже забытье. Спадающая рубаха, нежные и уже умелые руки любимой женщины, поцелуи и страсть.

— Чем занималась, пока я в разъездах? — спросил я жену после того, как мы уставшие прилегли на лавку.

— Сперва в четверг просила... Прости Господи, Перуна послать дождь, а то уже солнце две седмицы, а дождей нет. После Юрия учила грамоте да цифири, — сказала Божана, посмотрев на меня с некой надеждой, видимо все еще не могла понять моего отношения к сыну Вышемира.

— То добро, правильно это! — сказал я и поцеловал в щеку жену.

— Любы мой! — начала Божана, но остановилась.

— Что не договариваешь? — сказал я и потянулся за кувшином с пивом.

— Не праздна я, — смущенно, почти шепотом произнесла любимая женщина.

Кувшин, который уже держал в руке выпал, я замер. Я не знал, как реагировать, и еще новость прозвучала в момент расслабленности, неожиданно. Нет, я хотел детей от этой молодой красивой, здоровой, но самое главное, любимой женщины. Но это время опасности. Мы живем рядом с город, который стоит на границе Руси. А что если конфликт с марийцами, или к Городцу болгары пойдут и Унжу спалят? А еще представилась рязанская княжна с ребенком, прыгающая с городских стен во время захвата Рязани Батыем. Какое будущее у детей? Пока для меня все происходящее как, игра. Да, Божана уже стала частью реальности в этом виртуале, но дети, как будут они?

Любимая привстала с лавки и молча смотрела на меня, а ее глаза частью прикрытые черными, растрепанными волосами, наливались влагой. И вот первая слезинка покатила по щеке.

— Да что ты, любимая, я хочу этого ребенка, очень хочу, только мне страшно! Вокруг опасность, а дети маленькие беззащитные, но я счастлив! Ребенок от любимой женщины — это дар Бога! Только вот я уезжаю скоро, как ты тут без меня? И я не могу иначе, мне нужно ехать, — я говорил и говорил, уже не заботясь, чтобы мои слова хоть как-то были похожи на древнерусские.

— Доля жены ждать своего мужа, — тихо произнесла Божана.

— Спаси Бог, любая моя! — сказал я, встал и закрутил любимую жену.

— Охолони, окаянный, — прокричала улыбающаяся женщина.

Моментальное преобразование женщины: только что горевала, сейчас светилась от счастья.

Я поставил Божану и начал целовать в щеки, по которым я позволил стекать слезинкам, губы, которые говорят самые приятные слова, шею, руки. А потом была любовь, ее высшая телесная и духовная ипостась.

. * * *

За три дня до моего отъезда, в путь отправились Вторак и Третьяк, да с ними еще десяток ратников. Шли они одвуконь, но не для того, чтобы быстрее добраться, больше для потому, чтобы впоследствии были кони для телег. После долгих расчетов, рандеву речного пути и по суше, было принято решение о досрочном отбытии сухопутных. Тем более, что Войсил дал им и дополнительные задания и в Городец заглянуть и в Новгород Нижний.

Уходил я, к удивлению, с легким сердцем. Тесть обещал присмотреть за Божаной и я ему верил. На волне радости от беременности племянницы, даже потребовал пировать с ним всю ночь, так что сердце у меня легкое, а вот голова с утра тяжелая.

Было приятным, когда провожать в поход пришел Юрий. Уж не знаю, как его накачала Божана, но смотрел на меня парень не злым взглядом, а с некой восторженностью. А когда я его обнял, то малец и вовсе заплакал, и слезы эти были, скорее, из-за растерянности и непонимания происходящего у него в душе, но парень не закрывается и это главное.

Божана никак не хотела разжимать объятия, но постаралась не показывать ни волнения, ни бабьих истерик. Пообещала, что будет ждать и крепко следить за хозяйством.

Казалось, что такого в том, что мужчины уходят на неделю-другую, но я и сам ощущал некую тревожность. И даже не в том, что должно что-то произойти, а в том, что мир, сузившийся в моем понимании до территории поместья, расширяется. Я все больше воспринимал реальность и ощущал ответственность за свои действия, свою семью.

Десять дней пути по течению Унжи ничем особо не приглянулись. Да — было красиво — не тронутая природа, ни одной пластиковой бутылки. Тишина! Вдоль реки, в заводи, утки, гуси и даже лебеди. Люди Жадобы пару раз ловили такого осетра, что я, не будучи знатоком рыбы, всерьез предполагал в нем белугу. Икру при разделке гигантской рыбыны хотели было выбросить, но я не позволил, даже сказал, что этот товар, если что, готов покупать. Жадоба задумался. Засолка икры, как ее будут называть «пятиминутки» и жадное поедание деликатеса под недоуменные взгляды присутствующих. Нет они тоже могли ее есть, но чтобы такое наслаждение, да после нормального обеда... После выяснил, что тратить соль на икру, которую не сильно и жалуют, живущие вдоль рек люди, не принято. И ели ее редко, все больше предпочитая мясо рыбы.

В Нижнем Новгороде, который так будет называться в будущем, мы остановились только, чтобы пополнить припасы. Сейчас это была грандиозная стройка города, пока еще мало претендующего на звание крупнейшего торгового и промышленного центра. Но масштабам строительства я позавидовал. Мне бы так у себя в поместье.

Дальше Новгорода вперед следящих стало уже двое, да и сами ушкуйники надели, у кого были, брони и навесили топоры. Я так же одел свой доспех и долго рассказывал в очередной раз, какие китайские мастера молодцы, что только они и умеют такие делать и то на весь Китай два мастера. Заметил, как сверкнули несколько пар глаз и понял, что переборщил с захваливанием своего доспеха. А ну как во сне прирежут из-за уникальной брони?

— Сура! — прокричал один из ушкуйников.

Ну, все, теперь точно глаз да глаз! Идем по самой границе с Булгарией. Благо, сейчас

мир с ней. Мы шли по спорной территории, но скоро, как говорят знающие люди, закончатся эти земли, и мы пересечем границы мордвы. Насколько я знал, эти племена платили дань Великой Булгарии.

А что мы, в смысле русичи? Как живем с мордвой? Да вроде ничего хорошего. Даже какие-то походы устраивали перед монгольским нашествием, и тот же Василько отличился в истреблении юго-восточных соседей. Подумав, я решил дать в пользование свой бинокль вперёдсмотрящим.

— Это божий глаз, как можно то так? — ушкуйник упал на колени и начал истово креститься.

Это была реакция на просмотр окрестности в бинокль.

— Это механика и стекло, я постараюсь что-то похожее сладить на своих землях, — спокойно сказал я.

— Кудесник, волхв! — прошептал ошарашенный средневековый парень.

Вот как так от христианского фанатизма и сразу к волховству и язычеству? Пришлось долго объяснять, что это прибор и сделать его можно. А еще пришлось приставлять постоянно на дежурство своего человека, как и на усиление дозора — от греха подальше.

Если до Нижнего Новгорода время шло быстро и как-то незаметно, то после, в напряжении, он стало вязким, вдруг многие стали раздражительными и нервными. Кто-то ругался, были уже и мелкие стычки.

Так что первый день движения по недружелюбной территории прошел нервозно. На ночь решили пристать в удобной заводи и выставили караулы. Люди так устали, что, когда начал лаять мой Шах на какое-то животное, проснулся только я, даже дозорные похрапывали.

Наутро все получали... Как это литературно выразиться?.. Взыскания в особой форме. Оказалось, что возле нашего лагеря, а на судах осталась только часть команды, ночью бродили волки.

К общей нервозности от постоянного ожидания неприятностей со стороны людей, прибавился еще и фактор природы. Ветер переменился, и пришлось свернуть парус, а грести активно против течения — еще то удовольствие. И уже когда отвлеченные физическим трудом многие расслабились, прилетела стрела. Одна! Не попала ни в кого, но вся команда опять стала опасаться любого дерева вдоль реки. Однако ближе к вечеру дозорные увидели вдоль реки красную и белую ленту. Это был знак, что Вторак и Третьяк со своими людьми прибыли и идут вдоль реки, белая же означает, что все спокойно. Это не вязалось с фактом прилетевшей стрелы, но люди всегда сами находят объяснения событиям в зависимости от отношения к ним. Так, сейчас нужно было объяснить, что стрела — случайность и сразу же появилось более десяти версий в пользу случайного выстрела одиночки-охотника.

— Добро! — сказал я и попытался свериться с картой.

Место, где мы должны были пересекаться, на карте очерчено, как определено и нахождение схрона. Получалось, мы уже недалеко и скоро придется оставлять ушкуи и соединяться с отрядом Вторака и Третьяка. Рандеву назначено в междуречье Суры и Мокши. И, как сказал Жадоба, если бы не весной выходили, то и не прошли бы — Сура в этих местах сильно сужается и мельчает.

— Мордва! — прокричали вперед смотрящие.

Началась суета, ушкуйники начали сбивать друг друга с ног, спешно вооружаться, у кого-то упал топор, гребцы покидали весла.

— Стоять! На весла! — закричал я и вырвал бинокль у дозорного.

Суета начала прекращаться, а на втором судне, где был Жадоба, и вовсе был порядок.

Поправив бинокль, я начал рассматривать группу всадников, которые были в трех километрах от реки. Наведя резкость, я рассмотрел среди отряда в людей, которые пошли с Третьяком.

— Свои! — крикнул я. И уже шепотом добавил. — Надеюсь!

Весьма странно — незнакомые всадники, но среди них не связанный, а спокойно стоящий Третьяк, некоторые знакомые ратники. Мог ли предать? И так может быть! Вот, к примеру, решили меня убить. А тут самый удобный случай. Вдали от дома, жене можно после что угодно рассказывать.

Так что нельзя отметать эту версию. А тут еще и загадочный клад, который я оставил и сейчас нахожусь достаточно близко к нему. Вот только единственное не вяжется — мы не на месте и только мое сотрудничество может привести к схрону. А если я не буду сотрудничать? Нет, я понимаю, что у каждого человека есть болевой порог, после которого можно рассказать даже то, о чем тебя не спрашивают. И я не считаю себя столь уж сильным человеком, чтобы молчать. Да и зачем — ради презренного металла?.. Но вот так, чопорно, нападать? Неужели нельзя было спланировать захват на обратном пути, или на месте схрона?

Отряд всадников двинулся в сторону реки, и я попытался рассмотреть лицо Третьяка. Оно было веселым. С таким лицом не предадут и не находятся под принуждением. Я немного успокоился и поэтому, когда со мной поздоровались как со старым другом, принял, как данность. Скоро мы уже сидели за костром, оставив, впрочем, в бронях большую часть наших людей.

— Это Антяс, он сотник конной рати мокши, — представил мне Третьяк предводителя мордвинского отряда.

Потом сын Войсила так споро стал говорить на незнакомом мне языке, что я поразился. Я-то себя гением считаю, а тут такое знание языка, как второго родного. Слышал ранее, как Третьяк и на других наречиях болтает. Они с братьями частенько практиковались. В этом они молодцы. Нужно бы и мне озаботиться тем, чтобы подучить языки ближайших соседей. А то только немецкий знаю. Да с кем тут на нем разговаривать?

— Антяс ищет татарву, на другом берегу Суры были татарские сотни. Они пограбили селище и ушли, — начал описывать проблему Третьяк.

Какие к лешему татары, под которыми понимают монголов? Они сейчас где-то возле Калки, или южнее, если верить картам из XXI века. Да и сама битва объединенного войска с экспедиционным корпусом монголов не состоялась, чтобы те были уже на границе с булгарами.

— И зачем тут татары? Где их войско? — задал интересующие меня вопросы.

— То не известно, но великого войска рядом нету, — Третьяк перевел слова Антяса.

— Третьяк, а ты зачем якшаешься с мордвой? — спросил я и сразу осекся.

Вопрос был не корректным и даже оскорбительным.

А что они практически всем семейством делали тут, в мордве? Ну или на границе с Рязанью? Когда меня встретили два месяца назад? То же, что и сейчас — разведка!

— Про то спрашивай у отца моего! А, лучше будет, если и не станешь спрашивать, — зло сощурился самый младший из четырех сыновей Войсила.

— Добро! Так что нужно делать? — решил перейти к делу я, а не нагнетать.

А дело было в том, что нас просили помочь истребить монгольский отряд. Больше, чем сто пять человек вооруженных и готовых к бою в сжатые сроки, племя мокши собрать не сможет. В то же самое время отряд монголов уже разорил одно крупное селище и может так хозяйничать еще неделю, пока не подойдет помощь к Антясю. Тем нужно еще собрать какие-то советы старейшин, отправить посланников в Булгарию, а потом еще выбрать командующего и все в таком бюрократическом смысле. Объединившись, мы могли рассчитывать на победу. При том, Антяс обещал большую часть добычи отдать нам.

Я слушал, а сам размышлял. Откуда все же могут быть здесь монголы? Предположить, что я попал в параллельный мир — самое простое для объяснения несовпадений истории. Но с другой стороны, монголы всегда разведывали пути и тропки, как к нападению, так и к отступлению. Если учитывать, что мы сейчас на территории будущей Орды, то разведка оправдывается. Кроме того, Судебей и Джебе наверняка не могут быть уверенными в исходе битвы с русскими князьями и рассматривают различные пути отхода. Или новых данников ищут, да и просто разведывают ситуацию. Впрочем, я пришел к выводу, что все в действиях монголов вполне логично. Кроме одного — брать людей в плен. Монголы же этим сковывают движение и теряют мобильность!

— Пленные в телегах, или идут своими ногами? — спросил я.

— У телегах, а других, что не поместились, посекали, — перевел Третьяк.

Ясно! Взяли все телеги, что были в поселении, сколько влезло добра и людей — везут, остальных в расход. Рациональные ребята, хотя все равно скорость движения у них упадет.

— Людей и у нас мало, — все не унимался я.

Признаться самому себе — хочется наказать монголов, тем более и не особо подставиться — ведь основная масса воинов с нашей стороны будет мордва, точнее мокша. Но реально было боязно! Ну не хочется мне как русские Мстиславы — недооценить врага, правда и то событие еще не свершилось. Но все же.

— А зачем нам то? — спросил я.

Да, цинично, но, если я буду рисковать, или тратить свои, к примеру, боеприпасы, так как намерен из своей шайтан-трубы с 500–600 метров пострелять, должен знать и свою выгоду.

Спросят про винтовку, когда начну стрельбу? Так уже спрашивали и на удивление, все рассказы не вызывали отторжения и большого недоверия к выдумкам. На колени никто не становился и не молился. Похвала сказочному мастеру-китайцу звучала громко. Прекрасное далеко! Там, в далеком Китае и коровы летают, и люди в туалет лепестками роз ходят!

— Нужны будут девы — дадут, рухляди також, серебра у них мало, но коней могут дать, только куда тебе кони? — переводил Третьяк длинный монолог Антяса.

— Девы не нужны, рухлядь нужна, кони нужны! — сказал я, и началось уже обсуждение плана.

Почему я так просто решил на авантюру? Да, авантюра! Решение атаковать отряд монголов численно большим, чем все наши объединенные силы, было спорным и залихватским. Повлияло на мое решение и то, что я покопался в себе и понял, что психологически остро стал вопрос, сформулированный Достоевским: «Тварь я дрожащая, или право имею?». Только для своего «права» я не собираюсь применять любые методы, но суть та. Я хотел проверить себя. Впереди грандиозные события, судьбоносные. И, если отступить сейчас, то, что дальше? Бежать? Так что я решил...

Монголы находились не далеко, десяток мокши шел по их следу и постоянно сообщал о

передвижениях степных воинов. Направление движения монголов было на юго-запад. Получалось, отряд километров под десять-двенадцать на юго-восток от нас. Час перехода или полтора при сбережении коней.

— Третьяк, где твои люди? — спросил я.

Лагерь находится за ближайшим холмом там все и находились. И кони в лагере мокши нашлись, чтобы сесть в седло и мне, и еда имелась. Но вот общего плана долго не находилось. Предлагался наскок. Лихой наскок смертников. Только я не хотел ни сам погибать, ни людей гробить. Бессмысленно идти в лоб, да еще и биться в привычном для противника стиле. Не уверен, что мокша лучшие войны, чем опытные монголы.

У нас была своя битва на Калке, и нужно было ее не проср... ну не проиграть, конечно. Я это понимал и сыпал предложениями, вот только все они отменялись. Как основную, я предлагал тактику наскок-отход. Но, все как один, средневековые стратеги ссылались на свою доблесть и веру в победу. Убегать никто не собирался даже ложно. И это было для меня странным. Вот сюзерены мордвы — болгары, мастерски использовали именно такие приемы молниеносных уколов.

Но здравомыслие все же победило, тем более, что, по мнению всех присутствующих, именно я по собственному плану и был смертником. Как не обидно, но такой расклад с моей героической смертью, устроил все стороны.

Пришли в итоге к следующему. Я приближаюсь на метров семьсот и стреляю, когда же монголы пойдут на меня, то разделенный отряд будет бить монголов с флангов, постепенно беря их в клещи. У мокши было девять телег с броней, припасами и запасами оружия. Я их потребовал и мне решили их дать для сооружения вагенбурга. Филипп же долго меня отговаривал, но решил свой десяток оставить со мной. После чего со мной же остались и семь новиков — те, которых учил Еремей и шесть ушкуйников. Остальные речные волки решили переждать в своих посудинах.

Сборы долго времени не заняли. Я взял свое оружие, все патроны, которых оставалось в походе меньше сотни, пистолет с двумя обоймами, арбалет с двадцатью титановыми болтами. Филипповские ратники взяли копья и шесть луков. Еще один арбалет я отдал Еремею. Он пробовал с него стрелять, и получалось, несмотря на то, что на дух не переносит стрельбу из лука. Бинобль я отдал Третьяку, в свою очередь оптический прицел винтовки тоже более-менее мне в помощь. Условились и сигналами. У наших союзников был рог.

Через минут сорок после начала погони мы уже рассматривали с Третьяком противника. Рекогносцировка была проведена быстро. Спрятать два отряда по почти шестьдесят человек с разных флангов удалось не сразу, одному отряду пришлось положить коней, чтобы уйти из поля зрения противника. Телеги опрокинули и сделали почти цельный табор, или гуляй-город, вагенбург. Щиты на спину, луки наизготовку, стрелы в землю. Рядом копья и с десятков сулиц. Я сильно сомневался в выигрышности вагенбурга перед монгольской конницей, они должны знать о таком приеме. В конце, концов, даже сам Чингисхан не брезговал составлять телеги при обороне.

— Ну, с Богом! — сказал я, перекрестился и, взяв винтовку, пошел вперед, откуда шел обоз и три сотни представителей лучшей, на данный момент, армии мира.

Ноги тряслись. Пару раз коленки так подгибались, что чуть не упал. Но главное — я шел и уже все для себя решил. Ни шагу назад! За нами не Москва, но убьем здесь триста опытных воинов, и может в 1237 году будет легче.

Возле небольшого деревца я занял позицию и аккуратно, даже скрупулезно, изготовился

к стрельбе. Прикрутил глушитель, разгладил молодую травку, утрамбовал пару бугорков. На глаз до противника было больше километра, и я выжидал, рассматривая людей в обозе. Там были взрослые мужчины и значительно меньше женщины. Понятно, что детей и стариков убили. Это чертово Средневековье! Винтовка, по характеристикам, была да две тысячи пятьсот метров. Вот только мои способности не позволяли так далеко стрелять с надеждой на попадание. Если бы целью было только уничтожение кого угодно, то можно стрелять и по толпе, тогда с пятого-шестого выстрела кого-нибудь, но достал. Сейчас же я собирался выбить первым командира. Ослабить взаимодействие противника — важнее, чем убрать трех-четырёхрядовых исполнителей.

Монголы показались мне немного смешными. Их маленькие кони и не всегда маленькие наездники сильно диссонировали, да еще нацепляли на себя всяких побрякушек. Все такие пестрые, разноцветные, но доспехи присутствуют и не только стеганные халаты, а у большей части нашиты железные пластины, некоторые и в составном доспехе. Каждый ведет три коня и от того это воинство кажется целой армией. Так что можно и посмеяться, но перехотелось.

Семьсот метров. Целюсь в самого богатого, на мой взгляд, всадника. Выстрел. Чуть слышный хлопок! Мимо! Всадник повернулся вправо. Видимо, рядом просвистела пуля. Поправка. Прицел выстрел. Голова всадника теряет половину черепа. Плохо! Если бы выстрел прошел чисто, оставив дырочку, тревогу бы так быстро не поняли. Шевеление среди монголов. Вот столпились возле поверженного. Прицел. Выстрел, еще выстрел, еще выстрел. В такую толпу стрелять само удовольствие, тем более, что собрались над убитым так же не бедные ратники. И не разбегаются. Выстрел. Нет, все же поняли, что нужно разойтись. Вот побежали к одной телеге.

— А оружие нужно с собой носить! — прошептал я, меняя обойму.

Я предполагал, что воин побежал за оружием, но это было не так — монгол взял стяг и поднял его.

Выстрел, выстрел, выстрел. Уже не смотрю на результат. Даже слегка ранить, уже сделать слабее весь отряд. Монголы не понимают, откуда опасность и подходят ближе к пленникам. Выстрел и один замешкавшийся завоеватель падает с лошади. А вот и нашлись командиры и грамотные. Один что-то кричит и показывает в сторону левее меня. Но если они поскачут левее, мою позицию все равно обнаружат. Нужно снимать этого умника. Прицел, не спешить, вдох, выдох — выстрел. Не удержался и посмотрел на результат — ранил в районе правого плеча. Плохо — этого активного гасить нужно наглухо! Прицел, — черт он нагло прикрылся своим же воином. Вот она деспотия — им прикрылись, а он и рад стать щитом. Отмена выстрела. Другая цель. Выстрел — наповал!

Движения монголов становятся осмысленными. Часть отделяется, а новый предводитель машет уже в мою сторону. Бежать!!! Через сто метров коня придерживает один из наших новиков. Винтовку на плечо и быстро.

— Быстрее! — кричит новик.

Хочется обернуться назад, но потерю несколько секунд, могут и нагнать.

Ускорение на адреналине. Ногу в стремя. Все, в галоп! За спиной слышу улюлюканье преследователей, но по голосу слышу, что они еще достаточно далеко. Стрелы не пускают. Вот он — вагенбург! Раздвигаются повозки. Я внутри.

На адреналине начинаю командовать.

— Заряжай! Стреляй! — кричу я, снимая винтовку, и занимаю свое заранее оговоренное

место.

Шесть выстрелов навесом и еще два всадника из примерно пятидесяти преследователей слетают с седел. Выстрел арбалета и один всадник заваливается на коня, а тот замедляется и мешает трем монголам, они теряют скорость. Мой выстрел — дистанция метров сто и конь валится, на него налетает другой всадник и с трудом удерживается в седле. Я бы свалился. Буду учиться и такому, если выживу. Слаженный выстрел наших лучников получился почти в упор, но уже и в нас летят стрелы. Кони, что подвязаны в стороне к опрокинутым повозкам, жрут и возмущаются. «Чтобы не раздергали телеги!» — проносится в голове, но тело живет своей жизнью. Выстрел! Есть! Еще один конь получает в грудь и всадник валится. Некоторые монголы вкладывают луки в чехлы и достают сабли.

Один всадник пытается перепрыгнуть через преграду, но конь в последний момент притормаживает и завоеватель перекачивается через телеги внутрь вагенбурга. Слышу звук удара, не отвлекаюсь. В строй противника летят сулицы. Винтовку в сторону, достаю пистолет.

И пошла пляска. Выстрел — есть, выстрел — есть. Бить в упор, в стену врага, — сложнее промахнуться, чем попасть. Двое монголов становятся ногами на коней и прыгают внутрь нашего укрепления.

— Я! — кричит кто-то, вроде бы сам десятник Филип решил помахать мечом.

Выстрел. Смена магазина. Выстрел. Стрела пролетает рядом, не чувствую ничего, надеюсь не ранен. Выстрел. Ощущение тепла на шее. Кровь! Я жив, значит, дальше воюем. Выстрел. Внутри вагенбурга слышится лязг оружия. Выстрел.

ТИШИНА! Только звук копыт удаляющихся коней сынов степи.

— Твою мать! — прошептал я и опрокинулся на спину.

Тело все тряслось, в голове роились множественностью мысли, не складываясь воедино.

— Корней! Корней! — услышал я издали. — Корней!

Резко прихожу в себя и начинаю различать звуки и, что намного хуже — запахи. Запах крови! Только чтобы не вырвало! Вроде нормально.

— Да, что? Раненые, убитые есть? — спрашиваю я, присаживаясь.

Проходит минута, и получаю ответ. Двое убитых, четыре раненых. Убит один ратник из десятка Филипа и один новик из новобранцев.

Вот и стал я вершителем судеб. На моем счету два товарища. Это тогда, в усадьбе выбора не было, сейчас же я пошел в бой сознательно и потянул за собой людей.

Встав и осмотрев поле боя, я еще больше ужаснулся. Вдали виднелись меньше десяти улепетывающих монголов. Следовательно, мы смогли ссадить и убить больше сорока. Это победа! Наша победа!

— Контроль! — сказал я и взял копьё.

Меня никто не понял, но, когда я начал расплетать веревки, связывающие повозки, Филип начал командовать.

Добивать раненых не было морально сложно, и я даже укорял себя за жестокость. Но это были враги. Сейчас не такие отчетливые, но через тринадцать лет они придут и убьют моего тринадцатилетнего ребенка.

Через пару минут грязной работы, я опомнился и пошел к раненым. Моя небольшая аптечка сейчас может спасти жизни.

Раненых было трое — еще одним оказался я. Стрела прочертила по подбородку и, быстро обработав свою рану, я наложил пластырь. Рана не глубокая и зашивать, особенно в

данных условиях я посчитал ненужным.

Из раненых был только один тяжелый со стрелой в груди. Тут нужна операция, и, если он до сих пор живет, то может и смогу его спасти. Укол обезболивающего и пусть полежит пока. Другому раненому перевязал ногу, посыпав стрептоцидом, пробитую стрелой икроножную мышцу. Другому на месте перевязал живот опять же со стрептоцидом и предварительно промыл перекисью водорода. Я, конечно не врач, но, думаю, жить эти двое будут. Вот только если еще два-три раненых окажется, то и перевязочных материалов не станет. В небольшой сумочке через плечо много не поместилось, да и не было много.

— Ну, пойдут на нас? — спросил Филип, подошедший ко мне.

— Пойдут! Они не отходят. Действуем, как условились! Третьяк и не поднял коней, все еще в засаде сидит. А на нас токмо пять десятков монголов пошли. Сейчас все пойдут. И мокши со Вторяком и Третьяком погонят врага, — сказал я наблюдая, как профессионально грабят уже добытых монголов.

— Нужно в полон взять двух-трех! — сказал я и пошел смотреть коней.

— Татарва! — прокричал кто-то и все трюфейщики бросились в вагенбург.

В километре показалась лавина всадников. Если не все, то большинство монголов решили покарать нас, осмелившихся сопротивляться. Первый ряд завоевателей был с копьями и частично в броне, за ними были лучники, среди них виднелись и скачущие с саблей наголо всадники.

Мы успели собрать немалое количество стрел, сулицы и большинство болтов к арбалетам. Перед вагенбургом лежали тела нападающих и больше тридцати лошадей. Я надеялся, что секунду, другую такая примитивная преграда нам даст. А это возможность в очередной раз натянуть тетиву лука. Луки были уже у всех, кроме меня и Ермолая. Пятнадцать одномоментных выстрела лучше, чем восемь. Так же успели прикрепить с десяток копий к повозкам и воткнуть еще другие в землю.

Но это был только поиск крупинки позитива в пустыне отчаяния. Вся надежда на фланговый обход союзников и растерянность монголов.

Восемьсот метров. Взгляд в оптику, прицел в уровень копыт коней. Выстрел. Выстрел. Посмотреть! Есть попадание! Один монгол потерял часть головы. Надо целиться еще ниже. Выстрел, выстрел, выстрел. Я чувствовал на себе пристальные взгляды моих соратников. Уже плевать, пусть думают, что хотят. А я хочу выжить! Выстрел, выстрел. Последним попал в грудь вырвавшегося коня, который свалился вместе с всадником. то притормозило с десяток следовавших следом конных. Выстрел. Смена обоймы. Не помню, сколько было выстрелов, но лучше поменяю. А потом заряжать уже не успею. Цинк бесполезно лежит рядом. Сколько успею, загоню по одному в патронник. Заработали сложносоставные луки, бьющие навесом. Выстрел, еще. Я уже чувствовал, что попадал, и даже не тянуло посмотреть на результат стрельбы. Только целясь в очередного всадника, я мог через раз увидеть, как падают кони вместе со всадниками, которых сразу же давят свои же соплеменники.

Филип командует лучниками, и их слаженный выстрел берет уже большую жатву — выбиты из боя чуть меньше десятка. Но пока этого мало. Выстрел. Сотня монгольских стрел взвилась в небо.

— Щиты, укрыться! — прокричал я, не переставая стрелять.

Я лежал под деревянным навесом и на спине оставался щит.

Выстрел. Выстрел. Щелк. Закончились патроны. В правой руке придерживая винтовку, шарю левой в поисках открытого цинка с патронами. Вот они. Секунда, две, три. Патрон в

патроннике. Прицел. Выстрел. На перезарядку уходит непростительно много времени. Снова слаженный выстрел с нашей стороны, но и по моему навесу стучит смерть.

— Могут не успеть укрыться, — прошипел я сам себе.

Вероятно, это была ошибка Филипа. Наши ратники стреляли в момент, когда монголы уже послали стрелы.

А выучка противника поражала. Слаженно приостановилась часть наступающих всадников и, пропустив всех других, они стали разворачиваться в круг и по очереди стрелять с седла. Впереди же скакали два десятка обнаженных до пояса воина с двумя саблями в руках и металлической маской на лице. Эти могли доставить неприятностей, граничившие с поражением. Такие вот степные берсерки.

Выстрел. Винтовку в сторону, присест на корточки. Пистолет в правой, а сабля в левой руке. Пока в левой. Сулицы сбивают четырех наступающих смертников. Выстрел. Пистолет начинает свою работу. Все по коням. Упасть с коня с такой скорости означает вывод воина из боя. Рядом бьет арбалет, и я вижу, как еще один смертник падает с коня. Пятеро наступающих умудряются встать на коней, не держась за поводья. Это даже не джигитовка, это невозможно! Арбалет продолжает стрелять. В него вставляется барабан из восьми болтов, которые посылаются поочередно, поэтому скорострельность этого оружия немногим меньше, у пистолета.

Прыжок и все пятеро степняков внутри вагенбурга.

— Это мои! — прокричал я, понимая, что эти пятеро могут собрать свою большую жатву внутри нашего укрытия.

На удивление меня услышали и все остальные продолжили свои дела. Краем глаза замечая, что уже приблизились всадники с копьями и пытаются, крутясь возле повозок, уколоть острием защитников. Шаг. Выстрел — вставший на ноги степняк валится назад. На мои действия обращают внимание остальные монголы и все четверо решают устранить главную для них угрозу, тем более, что больше никто на них не обращает внимания. Выстрел. Пистолет повело в сторону, и я промахнулся. Выстрел — в бедре самого ближнего выворачивает мясо. Выстрел и другой нападающий, уже пораженный продолжает по инерции бежать. Падает уже в метре от меня. Щелк. Пусто. Перезарядиться не успею.

Ухожу перекатом, и в кувырке беру саблю кочевника в левую руку, в правой — мой клинок. Я как-то смеялся с двуручников? А теперь главное, чтобы не посмеялись с меня... посмертно. Первый выпад с ударом сверху блокирую правой рукой, соперник второй саблей боковым замахом пытается достать меня в бок. Блокирую, отвожу и, приседая, колю с низу вверх. Саблей выполнять такие приемы крайне сложно, но у меня получилось. Пройдя через подбородок, клинок вышел через голову. Удар по шлему. Опускаюсь на колено из неустойчивого приседания. Амортизация подшлемника и неведомый местным пока металл не дает серьезной травмы моей голове, но звездочки посчитаны были. Краем сознания слышу, или даже ощущаю звук рога, призывающий к атаке. Начинается завершающая стадия нашей битвы за будущее.

Еще удар по моей правой руке. Боль, но рука пока рабочая. Выдернутая сабля из головы поверженного противника опускается вниз и резко в право, откуда уже два удара могли предрешить мою судьбу, если бы не броня. Хрясь! И нога пятого степного берсеркера в районе колена делится на две части. Укол в грудь упавшего степняка и все. Удар — метательный нож отскакивается от моей груди. Один из степняков, раненый, умудрился-таки бросить клинок в меня. Контроль — и методично, без эмоций, каждого из пяти

степных воинов колю в сердце или в шею. Поднимаю пистолет, заряжаю.

— Мы еще повоюем! — кричу я и на кураже устремляюсь к самому опасному участку сражения.

Шесть спешившихся монголов уже растягивают повозки, а еще три конных степняка не дают подступиться к пешим, постоянно орудуя копьями. Почему из луков их не расстреляют? Похожая картина в трех местах. Целюсь — выстрел и один из конных копейщиков сваливается на лошадь, рядом еще двое его собрата валятся на землю — один с болтом в груди, второго копьем достал один из ушкуйников. Конь встал на дыбы всадник свалился, умудрившись копытами задеть одного из спешившихся монголов. Вот так! Лошадки на нашей стороне!

У меня начинается форменная истерика. Я начинаю смеяться, и уже не забота о безопасности, в открытую лавирую между опасными участками сражения. Даже когда в правый бок прилетает стрела и резкая боль отдается по всей правой части туловища, я продолжаю идти на врага. Пистолет уже не помощник, но сабля в руке и добрый доспех, а еще колдовское тайное русское заклинание «хусим», делают меня тяжелой мишенью.

В проем с левого фланга проникает десяток спешившихся монголов, но семь защитников выставляют против них копья. Небольшая пауза и между двумя стенами начинается сеча. Я влетаю в нее и с ходу, наотмашь произвожу рубящий удар по спине одного из монголов. Понятие о честном бое — сказки. Убей любым способом, хоть унижайся, отступай, что угодно, но убей! Отражаю удар слева и со всей дури с ноги по органу размножения завоевателю. Некоторые интеллигенты будущего сказали бы: «Как можно, монголов было всего меньше миллиона — это геноцид!». А я бы ответил: «Да пошли бы вы... на русское колдовское заклятие».

— Малая стена! — кричит Филипп и его семь ратников выстраиваются в стену щитов с выставленными мечами.

За ними пристраиваются еще двое ушкуйников с копьями. Позади их Еремей с большим бревном.

Еремей кидает в строй монголов бревно и ратники дружно и слаженно делают два шага и колют. Двое монголов падают с ранами. Еремей обходит строй соратников и включается в сражение. Его могучая сила перекрывает мастерство владения клинком. Удар меча Еремея берет на блок степняк, но это ему не помогает и он делает шаг назад, пытаясь удержать равновесие. Раскрывается и получает удар в ключицу. Еще один готов.

Понимая, что с вошедшими справимся, я осматриваюсь вокруг, но не нахожу соперников. В метрах трехстах уже идет сеча конных. Бегу к оставленной винтовке и спешно заряжаю магазин патронами. Целюсь только в тех степняков, что находятся подальше от союзников. Выстрел, выстрел, выстрел... Обойма пуста. В это же время и монголы начинают паническое бегство. На земле остаются тела больше двух сотен завоевателей.

— По коням! — кричу я и ищу выжившего коня. Бой внутри вагенбурга подходит к завершению. — Одного монгола живым вяжите!

Беру монгольского коня и ускорюсь в сторону обоза, наблюдая погоню за отступающими степняками. Далеко скакать, и конь плохо слушается, поэтому замедляюсь и уже рысью иду за союзниками, постоянно подправляя коня, что все больше проявляет норов.

Подъехав к обозу, понимаю, что бой мы выиграли. Остатки монголов, либо стоят на коленях, либо разбежались по окрестностям, и за ними идет охота. Одного из степняков, не стоящего на коленях, в хороших одеждах и перстнях связывают трое мокшей.

— Добро! То божественная воля! — прокричал Третьяк, подбежав ко мне.

Вокруг было ликование, люди обнимались, а мне стало грустно. Мы потеряли людей. В последнем строю стояло только семь ратников и один новик, Далебора я не видел вообще, а его сын Лавр ранен в руку.

— Я к людям! Раненых смотреть, — сказал я и развернул маленькую, но выносливую лошадку.

Какая-то смесь пони и боевого коня.

Наш вагенбург уже разбирали. Одну из телег нагроузили халатами монголов, уже сверху положили троих раненых — одного из ратников Филиппа, Лавра и одного новика. Я перевязал и обработал их раны, которые, по сути, не были сильно опасными, если промыть и обеззаразить. Перекись водорода закончилась, да и перевязывать пришлось разрывами рубаш наших убитых. Не стерильно, но лучше так.

Осталось в строю только шесть ратников, Филипп, Еремей, один из присоединившихся ушкуйников и новик. Все... И я не разделял радость всех оставшихся. Их фатализм, объясняемый волей Бога, еще не стал моей моралью.

Глава 8 Строительство.

Общее ликование от победы и полное отсутствие горечи от понесенных потерь повлияли и на меня. Битва была непредсказуемой, и могло повернуться по-разному, люди были готовы к поражению. Все ратники осознавали то, что сегодня они могут погибнуть и то, что выжили, объясняли не чем иным, как божественным проведением. Наверняка фатализм, готовность предстать перед Богом, играли большую роль в психотерапии хроноаборигенов. Особенно, когда начался столь приятный процесс, как исследование и подсчет трофеев.

У всех убитых нами монголов были мешочки, в которых нашлись и серебряные, и драгоценные камни, реже монеты, прежде всего с дырочками посередине. Кони и оружие так же были оценены, как весьма годное. Как по мне, так кони были так себе. Пусть и выносливые лошадки, с проступающими бугорками мышц, но низкорослые. Луки же были сплошь дорогими, что было оценено всеми собравшимися.

Все это добро могло стать весомым капиталом для создания действительно серьезной базы воинской подготовки в поместье. Но нужно было поторговаться и за трофеи, взятые в обозе, надеясь, что делиться взятым с боя возле вагенбурга и даже на его территории не придется.

Когда мы уже подъехали к обозу монголов, я присмотрелся к некоторым телегам — там лежали и сельскохозяйственные орудия: топоры, пилы, что-то вроде мотыг, несколько связок разных тканей, одежды, шубы и рухлядь «россыпью», сапоги. Меня удивило то, что все воины из мордвы были в сапогах, как и монголы. Среди русичей сапоги были если не редкостью, то неким предметом статуса.

Когда мы, герои вагенбурга, пришли к обозу, там уже всю шел дележ трофеев. Кошунственным казался и торг в отношении некоторых, наиболее привлекательных пленных девушек. Но заниматься внушением про гуманность, я не стал.

Ко мне степенно подошел командир мокшанского отряда Антяс и начал что-то торжественно говорить.

— Он славит великого война и мудрого воеводу! — сказал с удивлением, переводивший слова Антяса, Третьяк.

— Я не воевода! Но что я вижу? Татар били вместе, а скарб их кому идет? — спросил я, показывая Третьяку рукой, мол — переводи.

Антяс долго говорил, а потом усмехнулся и показал рукой на столпившихся девушек.

— Он говорит, что четвертая доля от всего тебе и твоим воям и можешь взять любую девку, — перевел Третьяк.

Честно говоря, после боя и такого нервного потрясения хотелось чего-нибудь эдакого с какой девицей по сговорчивее. Вот только не насилием и принуждением, а по обоюдному согласию. Однако семейное благополучие важнее, чем создание ненужного прецедента. Если бы тут не было Третьяка, да Второка, возможно, скорее всего я бы и польстился, но при таких свидетелях, нет. Не святоша я! С другой же стороны, небольшое сексуальное приключение может стать для меня проблемами в будущем. Зачем давать рычаг давления и повод для шантажа?

Пока сокрушался и размышлял над шекспировским выбором «быть с девкой или не

быть», начался торг. Пришлось отставить душевные и телесные метания и ревностно доказывать, что только наши действия в вагенбурге позволили разбить во всем превосходящий отряд монголов. Упоминалась и моя китайская труба, которая позволила еще до отметки, дальности полета стрелы, поражать врага. Тем более, что ликвидация в самом начале сражения монгольского командования, позволила лишить скорости принятия решений у противника. А так же повлиять и на их боевые и психологические характеристики. Даже мне были видны моменты в ходе боя, когда враг имел все шансы, чтобы добиться полной победы при минимальных потерях.

Спорили долго, эмоционально. Никто не хотел уступать и в малом. Я так же проникся происходящим и чуть не сорвал горло, доказывая свою правоту и право на большую долю, нежели остальные.

Получилось выторговать себе все трофеи, что обнаружили возле вагенбурга. Никто не посмел рассматривать то, что было взято нами в ходе тяжелого боя. Кроме этого, мне и всем людям, что были со мной, полагалось двести коней из почти семисот оставшихся от монголов. Взял я и четыре повозки, половину съестных припасов монголов.

Это было не лучшего вида вяленое мясо, издающее такой специфический аромат, что начинали слезится глаза. Как историк, я знал, что такое мясо готовится монголами очень просто: они кладут куски под седло и просто едут на коне, а мясо так вялится, вбирая в себя ароматы и конского пота, да и специфические человеческие запахи. Было у монголов и в презрительном количестве что-то между затвердевшим творогом и твердым сыром. Такие вот карамельки со вкусом конского или еще какого молока. Однако, большинство продуктов были все же те, что степняки успели награть в поселении мокша. Вот их и можно без особого труда употреблять в пищу.

Так же было в качестве прибыли от пережитой битвы мною было получено: пятьдесят сабель, двадцать копий, десять луков, треть от всех монгольских доспехов. Забрал я и половину тканей, половину топоров и мотыг и выторговал все шубы и рухлядь, за что и взял так мало луков, обменивая из по неплохому курсу. Отдали мне и пятнадцать молодых мужчин, что были взяты монголами и десять девушек. На вопросы о родстве, было сказано, что род их прекратился, и они и у мокшей станут холопами, или войдут в роды после замужества, женитьбы или признания ребенка. Так что и в этом случае приступа гуманизма не случилось. Я и так не собирался обижать своих холопов, может когда и вольную даровать.

Оставалось понять, как это все добро доставить в поместье. Брали трофеев больше, чем могли донести. Тут торг возобновился с новой силой. Мокши предлагали довести коней до Новгорода, дальше уже сыновья Войсила могли бы их забрать. Эти договоренности лишили меня еще пятидесяти коней, причем в пользу не только мордвы, но и своих родичей. Деньги родства не знают?

Несмотря и на крики и споры, расставались мы с Антясом и его людьми друзьями на «века вечные».

Возращение к ушкуям вышло триумфальным. Потери были приняты речниками как незначительные, так, небольшое недоразумение. Бог прибрал себе людей, так и нужно было. И на этом все несостоявшиеся моральные терзания и закончились. Погрузив людей и все свое добро, прихватив с собой только самое ценное — камни, перстни, золото, отправился в путь. Поход имел цель, а мы локальную войну устроили, так и не совершив главного.

Два дня пути до места схрона прошли спокойно и без приключений. На удивление, найти место получилось весьма быстро. Все же компас и периодические замеры расстояний,

ориентиров и реперных точек позволили точно определить, куда меня выкинуло из XXI века. А вот откапывать клад пришлось долго. То ли я сразу после временного перехода был семижильный, то ли после зимы намыло еще грунта. Понадобился день непрерывной работы, чтобы все расчистить, а работали посменно десять человек!

Однако, выкопали и не мешкая сразу же все мое инновременное добро стали грузить в телеги. Потом еще два дня пути к месту, где нас ждали ушкуи. Получилось так нагрузиться, что и корабли, первоначально с малой осадкой, сильно погрузились в воду. Уже через версту пути, погрузили днище в песок, после еще дважды садились на мель, но при помощи второго ушкуя выбирались. Проплывая у границы с Бугарией видели, как спешно работают люди, строящие засеки. Ранее их на этих местах не было. Видимо, готовятся бугары и их многочисленные союзники к встрече с монголами.

Все больше удивляюсь осведомленности местных. Вот откуда они знают, что монголы через их земли собираются идти домой? И так уверены, что русские с половцами проиграют битву? Правда эти засеки могут быть и против русских, которые укрепляются в Новгороде Нижнем. В любом случае Бугария, как государство, вызывает некоторое уважение. Сильны они и умом и ресурсами. Вот только, пока Биляр-столица стоит Волге, нет развития Руси и становления ее величия, как нет и богатого Урала с рудой, серебром и другими ценностями, нет и Сибири. Тут выживет только один. И как бы я не относился к бугарам, я за русских!

Когда позади остался Новгород, а позже Городец Радиллов, и мы уже шли в устье Унжи, начало щемить сердце. Мой дом, моя семья! Как много я потерял в той жизни, не имея этого чувства, что тебя ждут и любят.

У пристани нас встречали. Людей собралось много, явно за сотню человек. Все что-то радостно выкрикивали.

— Любы мой! — прокричала Божана, еще до швартовки к причалу. Войсил, который так же здесь был, довольно разглядел усы.

— Любимая! — прокричал я в ответ.

Сладость такого общения никак не казалась мне слащавой с розовыми слюнями, нет, я хотел именно этого, я устал от грубого и потребительского общения, которым ранее, в иной вселенной, жил.

Рядом с Божаной, по левую сторону, спрятавшись в подоле платья, стоял Юрий. Подумалось, что не пристало будущему мужчине к бабьему подолу жаться. Нет, не дам своего сына в бабу превращать. Воспитание будет мое. МОЕГО сына!

— Добрый поход? — спросил Войсил как старший, как только я спрыгнул с ушкуя.

— Десяток наших людей посекли, — ответил я и опустил голову.

— Пошто так? — спросил Войсил.

— После, Василий Шварнович, — сказал я и уважительно низко поклонился.

— Добро! — сказал тесть и пошел давать какие-то распоряжения пригнанным с повозками холопам.

Потом был дележ добычи. Ушкуям я предложил два варианта. Первый, как и условились, — фиксированную плату. Второй — пятнадцатую часть с трофеев. Жадоба долго ходил, рассматривал добро, которое и так оценил в пути, а после согласился на пятнадцать процентов от всех трофеев. Вспомнил и Войсил про десятую часть, что я должен отдать в род. И пришлось и ему высчитывать из добычи, указав, что его сыновья, так сказать, по-родственному, взяли с меня мзду за переправку коней. Узнав про то, что и его люди получили с похода хороший приработок, Войсил умерил свои аппетиты.

— Еще полоняник у меня есть, зело интересный! — сказал я вкрадчиво.

— Что за полоняный? — заинтересовано, спросил тысяцкий.

— Татарин боярского рода. Много может чего важного рассказать, — продолжил я играть на любопытстве своего родственника, подозревая, что монгол в виде пленника представляется лакомым подарком для тестя. — Вот холопом будет мне, али продам кому.

— Корней Владимирович, чего ты хочешь? — спросил Войсил и заливисто засмеялся.

Он прекрасно понял, что я держал факт пленного, как козырь, чтобы не делиться с тестем трофеями. Совсем ничего тестю не дать не получилось, но я резко сократил его долю.

Вечером был настоящий пир. Всю ночь пьянствовали, даже дрались. Еремей двоих ушкуйников, особо приближенных к Жадобе, учил манерам. Ночью, кто успел за столом проспаться с вечера, умудрился напиться снова. Правда эта пьянка была уже не буйная, философская, в меланхоличном настроении с поиском жизни и заунывным воем. Ну не песнями же этот плач называть! Тут уже и я выпендрился, спел «черного ворона».

— А что за песня такая? Черный ворон, что ты вьешься? И говор чудной, — спросила Божана, когда под утро я все же смог уделить внимание жене. — Еще ты пел песню, где на Куликовом поле просвистели кулики... что-то там... стали ратиться полки...

Я растерялся. Да, змий коварный, алкогольный, делает нас уязвимыми! Ладно, еще черный ворон, но спеть песню про Куликовское сражение, которое только может состояться через сто пятьдесят лет? Это еще хорошо, что не спел что-нибудь из Разенбаума или Любе. В памяти всплыло, что и коня расторгуевского исполнял. Ну как есть, уже не отвертишься.

— А то песня народа моего, — соврал я.

Представился родом из западных славян, можно им и приписать авторство того, чего здесь не и быть не может.

— Я красивая? Девок портил в походе, а? — сменила тему Божана.

Ну, никакой логики разговора — эти даже не прыжки с темы на тему, а скачки. Постоянно в напряжении держит.

— Нет, никого не портил, ты мне любя, — сказал я, полез целоваться.

— А не лжешь? — спросила Божана и театрально скривилась. — И попервой в баню иди, смердишь, аки пес!

— А ты придешь ко мне в баню? — с лукавой усмешкой спросил я.

— А как же, а то ты без моего внимания всех покроешь. Вон сколько красавиц привез с похода, — сказала Божана и стала выталкивать меня из горницы.

А потом была баня и страсть. Мне получилось разбудить страстную женщину в Божане. Страхи пленения, домострой Средневековья, все уходило.

— Ой, а можно? Ты же непраздна? — спросил я после того, как уже второй раз наши тела становились едины.

Божана рассмеялась и вместе с ней я. Вспомнил, когда уже все было. Как же уютно и хорошо! Я дома!

Утром народ начал разбредаться и отходить от попойки, а все двери в доме были раскрыты настежь. Такое амбре стояло в помещениях, что хоть топор вешай.

С Жадобой договорились, что тот пойдет во Владимир за товаром и с поручениями. Мне нужна была ткань, холопы, мастера, орудия труда. Особенно нужно было поговорить и пригласить стеклодувов, нужен был и оружейник. Глеб Всеславович наверняка занят, или не может реализовать обещанное, и нужно было самому крутиться. Если же мастеров приедет больше, это еще лучше — всем работа и прибыль будет.

В качестве товара, который повезет Жадоба, были пять зеркал в богатой оправе. Одно продать должен был не меньше, чем за двадцать гривен, остальные по 60. Жгучий перец повезет, попробует его на продажу. Выращивать перчик я собираюсь массово, нужно определиться с конъюнктурой рынка. Повезет и пять килограммов сахара, который станет продавать по пять гривен за килограмм, но уменьшать цену, если брать не будут. Должны брать — это огромная редкость! Дал на оценку и немного драгоценных камней.

Потом я попросил Божану прийти вместе с Юрием.

Как такового разговора с сыном убитого мной Вышемира, которого я уже считаю своим, не получилось. Ребенок кивал головой, отвечал односложно, но страха я не видел — была неуверенность. Когда я обнял и прижал его к себе, мальчик начал всхлипывать.

— Ты муж и невмесно сие рыдание! Поедем с тобой поля посмотреть? — спросил я и у Божаны и у сына.

Они кивнули, а Божана прямо просияла. Было видно, что ей приятно мое отношение к Юрию. Она-то постоянно возле него и даже чрезмерно опекает, а я что-то вроде инспектор-проверяющий результат ее работы по приобщению Юрия к нашей семье и его адаптации. И вот я все одобрил, даже не выписал штрафы. Мне только интересно, а в случае неодобрительного вердикта как бы поступила жена? Пошла бы Божана на конфликт? Лучше без лишних экспериментов!

Поля порадовали. Посевы повсеместно всходили, старики говорили, что посадки рост дают очень хорошо и что, если природа и дальше будет радовать погодой, то урожай будет добрым. Мое экспериментальное поле выглядело стратегическим объектом. Вокруг делянок дежурили три отрока с палками. Дети же пытались подглядеть, что же скрывается такого за плетнем. Была такая вот забава — посмотреть и сбежать от охраны. Мышана была на моем поле и там отчитывала какую-то женщину, что та неправильно поняла и окучивать картошку нужно после того, как она даст большие, чем сейчас, всходы. Из разговора с тиуном, я узнал, что уже завтра решили высаживать саженцы капусты, а перец с томатами через неделю.

Люди видели нас троих и шептались. Я же, узнавая о свадьбах и рождении детей, передавал Юрию отсеченные от серебряных гривен доли, и он торжественно, преисполненный гордостью вручал людям деньги, за что они благодарили и боярина, и боярича, и заступницу боярыню. Я примечал поведение Юрия и меня оно радовало. У парня явно была светлая голова и стремление к познанию. Он внимательно слушал все отчеты крестьян, тихо, не отвлекая меня, спрашивал у Божаны интересующие, или не понятные вещи.

— Юрий, — обратился я к парню после очередного его шепотка с Божаной. — Ты спрашивай у меня, если что хочешь узнать.

Вначале несмело, но постепенно, поток вопросов возрастал. Мне пришлось набраться терпения, чтобы досконально ответить на все. Но я был доволен. Если парня не переклинит в подростковом возрасте по поводу физиологического отца, что я то и есть убийца — толк будет.

Строительство учебного центра также спорилось, и подходил к концу основной этап становления материальной базы. Поставил заметку в блокнот, которых в схроне было сотню, что необходимо уже задуматься о полосе препятствий, полигон и так строился, а еще тренажерный зал обустроить. Здание под него готово, нужно мастерить снаряды, плюс спортивную площадку с перекладинами, брусьями, скамьями для пресса, столбами для лазания и другое. Завтра вызову Никифора — он местный умелец — пусть займется.

Осмотрели и мельницу. Нужно ее уже запускать. Остатки зерна после посевной еще имеются, а мне нужно натаскать персонал перед действительно большими объемами зерна на помол. Семейю, которая будет ответственна за мельницу, выбрал. Толковая семья. И мужик работающий и жена его хваткая, да считать умеет. Есть дети: дочь и два сына. Одному шестнадцать лет и я думаю его забрать в учебный центр, второго же, четырнадцати лет отроду, можно спокойно приобщать к работам на мельнице. Первоначально они будут на небольшом окладе, пока работа на мельнице совмещается с сельским хозяйством, но потом думать будем. Мысль есть держать мельницу на долях. Пусть выплачивает мне ежемесячно часть своей доли, пока не выкупит. Думается, что максимальная заинтересованность человека в деле — залог успеха предприятия.

Осмотрев все свое хозяйство и показав себя и свою семью, я понял, что по меркам современного вяло тянущегося времени, сделано много, но очень мало из того, что я себе запланировал. Отпустив семью будущих мельников, я отправился на причал, где уже загружался Жадоба. Хотел дать речному волку еще одно распоряжение — присмотреть как можно больше строительных бригад и намекнуть купцам, что строительные материалы могу покупать, по умеренным, но чуть завышенным ценам. Пока не будет собственных, хотя бы двух лесопилок, выйти на самообеспечение лесом не получится.

Когда же вернулся домой, меня ждал сюрприз, который изрядно повеселил — ко мне приехали бригадиры двух артелей плотников и одна каменщиков, которые возвращались с Новгорода и искали работу на лето, так как при строительстве града на Волге они выполнили свой заказ. Это Войсил посоветовал меня артельщикам. И опять все закрутилось. Объяснение, определение планов работы, сроки, споры об уплате и проживании — голова уже разболелась фантомными болями

Оказалось, что каменщики и печи сложить сумеют и здания каменные построить. Подумав, решил послать за отцом Михаилом. Тот, конечно заартачиться, что якобы возгордился отрок Корней, что сам не является, а шлет посыльных, но, думается, приедет.

Церковь каменная — не блажь, а статус и идеологическая обработка населения. При условии неголодной жизни, нормального отношения и наличия престижного культового сооружения — мое поместье будет казаться райским закутком.

А люди — важнейший ресурс и было отрадно узнать, что за мое отсутствие этого ресурса еще прибавилось, причем переселялись свободные смерды. Я больше рад как раз свободным людям. Холопы не столько нужны, сколько сильные свободные общинники. А вот холопом своим чуть позже и волю дам, если только войдут в систему хозяйствования, которую я буду стремиться создать. Или, элементарно, выкупят себя. К примеру, все люди при должностях будут свободными. И я не считаю это неким проявлением либерализма и человеколюбия. Это расчет, простой расчет на заинтересованность людей и их стремление к лучшему. Чем богаче будут жить в поместье, тем больше возможностей будет и у меня.

Новых людей поселили на окраине моих земель, и они сами согласились на расчистку земли от леса. Успели они и засадить земли, правда, поздно, но, может, что и вырастет.

Слухи доходили, что некоторые и более знатные и умелые люди, которые сбежали в марийские земли, хотят вернуться на русскую землю, если их не будут преследовать. Среди них есть, как сказывал всезнающий Войсил, больше двух десятков опытных ратных людей, которые сбежали из княжества после вокняжения в нем Юрия Всеволодовича. Боялись они преследования за бесчинства, что творили ратники с людьми сегодняшнего князя во время битвы на Липе и после нее. Большинство же ратников ушло к князю Мстиславу Киевскому

Старому. Жаль, полягут они уже через пару недель на Калке. Их бы под руку того же Юрия, или Василько Ростовского. Или под мою опеку, вот только тогда уже вопрос об усилении Унжи станет критическим для князя, как бы каратели не пришли да не отжали все что имею

. * * *

Три человека сидели в центре стального града Владимира. Сидели по-разному так, что перепутать статусы их было не возможно. На большом стуле с высоченной спинкой и подлокотниками восседал мужчина лет тридцати-пяти отроду, но с уже проступающей на висках сединой. Он выглядел властно. Но это не было самовлюбленностью, это был сам факт — здесь и сейчас — он князь. А было время, когда он, будучи еще восемнадцатилетними княжичем проявлял нетерпимость к людям и требовал беспрекословного подчинения.

Говорят, что люди не меняются, но это не так. Условием изменения человека должны стать изменившиеся ориентиры в его жизни. Вот и он, проиграв битву за Великое Владимирское княжение, что произошла в 1216 у реки Липа, изменился. Константин, победивший своего родича, не стал того убивать, а отнесся по-доброму, и завещал престол во Владимире. Вот только некогда подорванный великокняжеский стол сильно саднил в сердце Юрия, он не хотел подачек, он сам должен брать власть, а не пользоваться дарами бывшего врага. Может от того и решения князя были часто эмоциональными, и тогда он начинал слушать окружение, что приуменьшало его собственный авторитет. Однако он — великий князь и с этим приходилось считаться.

Рядом с этим некогда побежденным и униженным человеком сидел молодой мужчина. Это был сын умершего победителя на Липе — Василько Константинович. Молодой, рослый, с правильными чертами красивого лица, он уже в свои четырнадцать лет отличался острым умом и прозорливостью. Уже с восьми годков этот юноша окунулся в пучину управления и интриг, но вышел из них без поражений. И, как ни странно, мужчины уважали друг друга и пресекали все козни вокруг чехарды с престолонаследием, по крайней мере, так всем вокруг казалось. Можно ли сказать, что они служили Руси? Наверное, нет, они служили Великому Владимирскому княжеству верой и правдой, как служили бы и другому княжеству, если волей судьбы сели бы на его стол.

На отдельном стуле, напротив этих мужчин сидел уже пожилой, но все еще в силе, мужчина. Бесстрашный, заветно преданный князю, тому, умершему князю Константину. Он не побоялся преследования от Юрия за то, что был на Липе и за то, что внес свой вклад в разгром войск нынешнего князя, он остался служить вопреки, и был оценен. С него не требовали присяги и крестоцелования, так как его дела показывали неподкупность и честность. Важно было и то, что этот муж был выразителем мыслей и чаяний целой группы влиятельных людей в великом княжении, и ними стоило считаться.

— Глеб Всеславович, рад видеть тебя по здорову ли? — спросил Великий князь, но не поднялся со своего трона. — С чем пожаловал?

— Поздорову, княже, — боярин встал и низко поклонился. — И ты, вижу во здравии и ты князь Ростовский по здорову. Я пришел сказать, княже, что доведался я про татар и полоняник боярин татарский у меня есть.

— И что? Василько ужо выступает в поход утром рано идет. Все готово и негоже откладывать деле выход. А вести-то какие? — спросил Великий князь.

Глеб Всеславович обратил внимание на сына своего друга и единственного князя. Василько был похож на Константина, только еще краше отца своего.

— Не нужно идти Мстиславам помогать биться с татарвой. Побьют их, князь. Лаяться станут в первый же день похода. У татар войско сильное и наряд крепкий. Они Восток уже весь покорили и они половцев сечь идут, а не русичей. Пошто нам за половцев головы свои класть? Токмо и на Русь придут те татары. Есть у них хан Джучи. Его улус, то как по-нашему княжество, это вся земля половцев, болгар и доля Руси, — Глеб Всеславович сделал паузу.

— И Великое Владимирское княжество? — просил князь Василько Ростовский.

— То не знаю, но и мордва и мари и Рязань — то да, может и мы, — отвечал Глеб Всеславович.

— Что нам до резанцев? И мы их жгли и секли. Одно погано, если басурмане храмы православные пожгут, да разрушат, — размышлял вслух князь Юрий.

— Что делать посоветуешь, дядька, Глеб? — спросил Василько.

Так ростовский князь называл Глеба Всеславовича еще, когда Глеб помогал юному Василько разобраться со всеми своими злопыхателями в Ростове. Тогда боярство и купчины, науськанные людьми великого князя Юрия, замышляли убить Василько. Владимирский князь отрекся от тех людей, крест целовал, что не он хотел изничтожить племянника своего. Глеб княжича и науке воинской учил. Но здесь и сейчас. Зачем он это? Не нужно было называть Глеба «дядькой». Хочет на гнев княжеский навести?

— Молви, дядька, Глеб, — уже с некоторой усмешкой сказал великий князь.

Он понял причину небольшой заминки в докладе Глеба Всеславовича, но показал, что против такого тона и обращения ничего не имеет. Вот только слово сказано...

— Татары умны и хитры. Они только выведывают силы русских княжеств. Хотят понять, как мы ратимся, сколь много у нас воев. Те силы, что нынче в Диком поле, то не вся татарва, а только лишь часть их, малая часть. И эта часть — две тьмы! Нужно же татарам сперва одолеть болгар. А после они и вместе с племенами, что нынче дань платят болгарскому эмиру, придут на Русь, — Глеб Всеславович продолжал убеждать князей в серьезности опасности.

Не воспринимались татары, которых более правильно было бы назвать монголами, как некая сила, что способна поработить Русь, сломать систему взаимоотношений между княжествами. Еще одни печенеги, мадьяры или половцы? Так проходили уже. Где породнимся, где подеремся, а где и откупимся! А еще можно этими «чужими» кочевниками решить собственные проблемы. Например, изничтожив через татар, вновь набирающее силу, Рязанское княжество.

Не воспринимали русские князья всю серьезность ситуации. Не могли они даже подумать, имея некоторое местечковое мышление, что монголы — это глобально, мощно, надолго и без сантиментов. На Руси развивалась, в некоторой степени, собственная система демократии, русские земли были еще более свободны, чем Европа. И никто не думал, что этого можно лишиться.

— Не одолеет татарва болгар. Зело крепкие волжане в сече! — сказал Василько, который сталкивался с этим народом, и знает, что просто болгар не взять.

— У татар буде восемнадцать туменов, — сказал докладчик и увидев недоуменные взгляды. — Тумен — то тьма!

В тронном зале установилась тишина. Осознать такую цифру было очень сложно. Это же обученные ратники, их же кормить надо, да и кони требовали большого ухода и много серебра. Где же можно столько взять припасов, чтобы снабдить такую армию?

Да, если бы на Руси можно было прокормить такую ораву воинов, разве не было бы их,

этих русских «туменов»? Это практически в десять раз больше, чем смогли бы выставить Рязань, Муром и Владимир вместе взятые, если не брать в расчет народное ополчение. Да и сколько нужно оружия наковать, чтобы хотя бы топор дать ратнику? Скорее всего и на всей Руси больше трех туменов не найдется. Да и эти три не собрать, так как сильно разобщены и много есть проблем во взаимоотношениях между князьями.

— Это не возможно! — прошептал Юрий, не верить Глебу он не мог, как и не хотел верить тому, что говорит его наставник.

— Не все это, княже! Города они брать умеют, уже брали и приступом укрепления и машины есть, что огонь, да камни метают. Воев много, вот и могут и день и ночь идти на приступ, чередуясь. Ратники, что в граде устают и тогда сдают города татарам, — подлил масла в огонь докладчик. — Нам нужно готовить своих ратников, много ратников. Учиться бить тех степняков. Так же нужно замирииться с Рязанью, да с Новгородом ряд подписать.

— Наши вои добрые, токмо мало их, — сказал Василько.

— Что еще посоветуешь? — спросил Великий князь.

— Нужно спешить идти на сечу, что Мстиславы удумали, токмо не успеть на ее. И слово твое князь будет не порушено и ратники целы, — сказал Глеб Всеславович и недоуменно обвел глазами князей.

Они потешались над Глебом, переглядывались и тихо посмеивались.

— Я такое же умыслил. Вот и совет держал с Василько. Это он, племянник мой еще отрок, да нерадивы. Не успеть Василько никак до Киева-гада в срок рать довести, — пояснил веселое настроение Великий князь.

Юрий уже давно договорился с Василько, что тот постарается не успеть довести войско до соединения с другими князьями. И именно он, четырнадцатилетний князь может сослаться на молодость и свою неумелость. Да, это некоторый урон чести и авторитета. Но перед кем? Перед Мстиславом Удалым, или галицким князем? Может и перед киевским? Так они далеко, а он, Василько, служит Юрию.

Спорный, конечно, вопрос о неопытности ростовского князя, который в походах уже три года как показывал и выучку, и умение, и таланты к управлению ратниками в бою.

— Владимирскому княжеству нужны воины, много воинов. Земля наша обильна и богата, прокормить ратников сможем. Великий князь, возверни былых ратников почившего князя Константина, — сказал Глеб Всеславович и мысленно сжался.

Эта часть предложений выглядела спорной. А ну как Юрий испугается силы, которая и сместить его может? И Великий князь посмотрел на Василько, подтверждая мысли Глеба Всеславовича о княжеской подозрительности.

— Я крест тебе целовал и Богам клятву дал, я, и сыны мои под властью твоей обласканы и до веков служить будут! — торжественно произнес Василько Ростовский.

Если бы Великий князь не видел честную службу своего родича, точно усомнился. Он и усомнился, но слишком многое нужно решать, в том числе и набирать новых ратников. Татары татарами, а вот пощипать марийцев, что привечают опальных русских князей, да мордву — можно. И рязанцы голову поднимают. А что если отомстить захотят? Новгородцы, опять же. Ростиславовичи смоленские в силу вошли. Хватает угроз.

— А кормить их чем, воинов столько? Где серебро взять на оружие и брони? — после небольшой паузы спросил Великий князь.

— Есть у меня ответ, княже. О том со своим другом говаривал и можно отправить новиков в Унжу, к Василию Шварновичу, — ответил без промедления Глеб Всеславович.

Они со своим другом Войсилом были на строящейся тренировочной базе у Корнея. И были впечатлены. Малец, чтобы он там не задумал, уже сделал большое дело. И по их расчетам, в этом месте можно разместить до двухсот человек. Да и серебра у Корнея много и Войсил за последнее время оброс добром. Но главное — Войсил хочет служить и может привлечь своего зятя к делу. А, если у мальчика получится хороший урожай собрать, да торговать диковинными вещами, как зеркало — то денег хватит всем.

— А что, Войсил? — проявил осведомленность Великий князь, называя сотника нецерковным именем. — Много серебра взял, когда прежнего тысяцкого скинул?

— Не так много, княжа и нужна Унже помощь и зерном, да иными припасами. Коли будет зерно, то можно и ратников учить, — сказал Глеб.

Разговор длился еще около часа, и решение было принято. Те воины, что будут не из княжеской дружины, будут посылаться в Унжу. Князья за каждого ратника на обустройство давали по гривне, а на каждого члена семьи, кои у воинов будут семь кун. Зерно по сбору урожая обещали дать, да пятьдесят коров и лошадей пригнать. Но остальное — все за счет других. И брони и вооружение. Согласился князь отправить и двух стеклодувов в Унжу. Как он сказал: «Токмо девок дурят стеклом цветастым, византийским!». Оружейников отправлять не хотел, самому нужны, но вот трех подмастерий пообещал.

Глеб Всеславович вышел довольный донельзя. Он сделал больше, чем рассчитывал. Юрий не испугался концентрации войск в Унже, тем более, что это обойдется ему намного дешевле, чем держать их во Владимире, он же и разрешил привлекать и беглецов, которые скрывались в марийских землях. Но коли они мутить будут воду... Юрий пообещал, что всех пустит под нож. Для того князь в Унжу направлял своего представителя. Но только смотреть, а не вмешиваться.

А в это же самое время Корней, во Хресте, Кирилл, осматривал своих новобранцев. Со всей округи, как и из города, собралось 53 юноши, набор еще не был завершен, но уже это количество впечатляло. Сделать из них воинов и уже собственная дружина будет.

. * * *

Я сидел в большой горнице и рассматривал картинки в книге. Уже несколько дней пытаюсь найти выходы в непростом деле — масштабное производство вооружения и доспеха. Ламинарные, пластинчатые, каплевидные, чешуйчатые. Может и панцири, мечи, рапиры, палаши. Сошелся пока только в одном — арбалеты. Деталей на это убийственное оружие было на тридцать готовых изделий — тех, скорострельных, что в собранном виде уже и сам использовал. Главной составляющей были пружины, которые в этом времени сделать не представлялось возможным. Как и не достать механизмы, которые требуют высоколегированную сталь, да синтетические высокопрочные волокна на тетиву. Однако собрать и тридцать арбалетов с револьверным барабаном — имба для периода. Но как дальше быть? Выдержать натяжение почти 65 килограммов могут лишь тетивы из XXI века, следовательно, другие арбалеты будут и бить на меньшее расстояние и менее скорострельными и пробивная способность останется так себе.

— Муж мой, нужно совет держать, — сказала Божана, входя в горницу.

— Давай подержим, хотя я не отказался бы и что-то иное подержать! — сказал я и откинулся на спинку стула.

В нашем доме уже почти во всех комнатах есть стулья — привычнее, чем лавки.

— Еремей, — произнесла имя жена и запнулась. — Повадился к девке бегать, что работает в нашей усадьбе — Белой ее зовут, в церкви, Февронией.

— И что? — деланно удивился я. — Молодые, да красивые, вот и сладилось.

— Так он еще до похода твоего в степь сопрягал ее, вот девка и понесла, — возмущенно произнесла Божана. — А извести дите не хочет.

— Грех то! — произнес я, проникнувшись ситуацией.

После детального разговора оказалось, что Бела работает у нас в усадьбе на кухне и, по сути, заменяет Мышану, которая больше уже тиун и занимается поселениями и сельским хозяйством. Этот момент я пропустил, но все охватить нельзя, да я и не гений администрирования. Божана, как по мне, должна больше инициативы проявлять, особенно в таких ситуациях, как с Белой и Еремеем.

Вызвал Белу. Та стояла с опущенными глазами и только бормотала, что избавляться от ребенка не будет.

— Ошалела, девка? — выкрикнул я. — Дите — дар божий. Запрещаю и думать о грехе таком страшном! Ермолай знает, что ты непраздна?

Девушка покачала головой. Она, видите ли, боится, что Ермолай откажется от нее. Дальше говорить с ней не было смысла. Тут нужно внушение Ереме.

До усадьбы Речной добрался быстро, благо и погода была умеренно солнечной и мой Араб отдохнувший, да хорошо накормленный. Ермолая застал на обучении. Он отрабатывал связки с десятком Филиппа.

— Ермолай! — выкрикнул я.

Великан подошел и опустил глаза.

— Прознал? — смущенно спросил он.

Сильные большие люди иногда такие милые детки. Оставалось только ножкой земельку погладить, мол «а я че, я не че!».

— Ты, пес шелудивый, девку обрюхатил, и в кусты? Ты муж али тать какой? — отчитывал я, а у Ермолая глаза становились все шире и шире.

— Бела не праздна? — прошептал детина.

— Да, и я не дозволю извести ребенка. Девка красивая, не гультайка какая, только тебя и жалеет! Что еще нужно? — сказал я и посмотрел на Ермолая.

Он меня уже не слушал. Большой мужчина, который в бою гроза для любого противника, сейчас расплывался в улыбке, превращаясь в блаженного.

— Ерема! Ерема! — обращался я, но меня уже не слышали.

Я ждал. Минут пять потребовалось этому большому человеку, чтобы прийти в себя.

— Ермолай, венчайся! — произнес я.

— Так халопка она! — привел Ермолай аргумент против женитьбы.

На мой взгляд, дурацкий это был аргумент. У меня или еще не сложились некоторые сословные предубеждения, или они и вовсе никогда не проявятся. Да и не то время сейчас, чтобы эти самые предубеждения были причиной не жениться на той, которая действительно нравится. Еще был бы сам Ермолай княжеских кровей, так не князь, даже не боярин.

— Уже нет! Моя халопка была — стала вольной. В приданое дам двадцать гривен и избу сладим добрую, — сказал я.

— Двадцать? То много, не нужно столь много, — сказал наивный Ермолай.

Чтобы не передумал и не сорвался с крючка, я обратился к обществу.

— Вои, Ермолай венчаться будет! — прокричал я, чтобы все слышали.

Ратники подбежали, начали поздравлять всеобщего любимца. Ермолая уважали и ценили. И не только за его силу, но и за то, что всегда приходил на помощь и никогда не

конфликтовал. Он был сиротой, его отец погиб, отражая последний набег болгар, воспитывался, как сейчас бы сказали «всем миром». Ну а повзрослев, Ермолай всему этому миру со сторицей отплачивал своей добротой.

Подошел на крики и Филипп.

— Так что, Филипп, сватом мне будешь? — сказал я, хлопнув другу по плечу.

— То можно! Утром приедем, — улыбаясь, сказал Филипп.

— А как ты, как жена? Что говорят бабки-повитухи? Сын будет, али дочка? — спросил я уже Филиппа.

Прямо одномоментный демографический взрыв. Филипп уже будет многодетным отцом по меркам XXI века. А для этого времени, так еще все впереди у него.

Зайдя в дом, я рассказал Божане о результатах поездки, и полностью осознал семантику слова «оврал». Все суетились, куда-то бегали. Я и не знал, что у нас в доме столько людей. Прибежала Бела, бросилась ноги целовать, чуть поднял ее.

— Свадьба будет у нас в доме, избу вам завтра ладить начнем, — сказал я ушел в спальню.

Участвовать в этом дурдоме не буду.

Несмотря на дела амурные, в голове было одно — «сталь, чугун, крица!» И потом опять «сталь, чугун, крица». Иногда эти слова дополнялись иными, но только в рамках проблемы металлургии. В книге, которую я взял по металлургии были описаны технологии средневековья. Технологии Нового времени даны только в обзоре, правда есть интересные фото с кратким описанием. Вот и маялся, что делать: или ладить индийские печи, что позволяли выплавлять вполне хорошую сталь, или же сразу строить горн. Так и размышлял, ожидая супругу, но Божана не пришла и в десять и в двенадцать. Можно было и приревновать, но я слышал, что в доме суета так и не закончилась.

Утро началось бурно. Колокольчики, крики, дудки. И где этих крикунов нашли? А потом: «козочку не искали?» или «у нас купец, у вас товар». Как хорошо, что Божана в этом разбирается, я бы сел в лужу с таким знанием традиций.

А когда вышла Бела... княгиня да и только. Коса с лентами, одежда золотом вышита. Вышла с подносом, на котором была чаша и преподнесла ее Филиппу, который был до крайности серьезным. Невесту рассматривали, просили покрутится, торговались, чуть ли не зубы рассматривали. Хотелось бы избежать пьянки, но ритуальное распитие с Филиппом не предусматривало отказа. Потом петух, которого принесли в дом, нагадил. Короче, день в никуда!

На завтра с самого утра — тяжелого утра нужно сказать — меня подняли криками.

— Пять ладей, уже грузные пристали! — кричал посыльный из Речного.

— Араба седлать! — крикнул я и стал спешно одевать доспехи.

Взял арбалет и побежал в конюшню.

— Что там? — спросил я Филиппа, который, как и я, выглядел потрёпанным.

— Так говорят, что от великого князя Юрия Всеволодовича и ростовского князя Василько Константиновича, — сказал Филип, а я упал в осадок.

И что это значит? Какого лешего? Василько должен идти в Чернигов, или уже быть в этом городе. Истрия, что я знал именно так и описывала события. Мстиславы же должны собираться на поиск монголов в Диком поле. А тут такое внимание к Унже, или даже ко мне, что становится как-то зябко. Не верю я в барскую ласку.

— Ну, пойдем, — сказал я и направил Араба к пристани.

— Здрав будь Корней Владимирович! — поздоровался со мной Глеб Всеславович, когда я подъехал в сопровождении Филиппа и его десятка.

— Здрав и ты Глеб Всеславович. Пошто ко мне пожаловал? — спросил я спешиваясь.

— Так гостинец от князей тебе, — сказал с усмешкой Глеб Всеславович.

— Мне? — ошарашено спросил я.

— Не столько тебе, сколько вам с Войсилом. Только тысяцкому заниматься есть чем, так что принимай. Это для того, кабы сподручнее сладить воинскую школу. Тут и снедь и артельщиков привез. Но платить мастеровому люду тебе придется, — сказал Глеб Всеславович и начал давать распоряжения разгружаться.

Глеб Всеславович отказался от моего гостеприимства, так как у него было какое-то важное дело к тысяцкому. Знаем мы их дела, небось, вино везет другу своему! Получается, что товарищ разведчик ездил с докладом к князю и рассказал обо мне, или даже не обо мне, а о задумке моей, и сильные мира сего одобрили идею.

Вначале я сомневался, как поступить, но принял к действию народную мудрость «дают — бери, бьют...» — последнее не совсем подходит. Я и так хотел налаживать быт и организовывать систему воинской школы. Уже к концу недели наметил переселение десятка парней в учебный центр. Филиппу отгрохали серьезный такой домик с печами, прямо на территории школы, Ереме так же ставим избу недалеко от места службы. Первый будет начальником всей школы, а Еремей станет главным наставником. Тут имелся некоторый риск, так как обучать у Еремы есть талант, а вот управлять другими наставниками — может и не получиться.

Когда я узнал, сколько и чего привезли для создания воинской школы, начал уже думать, что за такие дары мне нужно замочить Чингисхана — не меньше. Самое главное богатство — люди! Ну, то, что холопы прибыли и конкретно мне — то одно дело. Я уже и так задумывался организовывать новое поселение, равноудаленное от двух поместий. Но артельщиков навезли действительно много.

Прибыли еще две бригады строителей, которых у меня скоро станет чуть ли не больше, чем холопов. Кроме того, как я и просил, прислали трех стекольщиков не мастеров, к сожалению, но хоть что-то умеют. Один же назвался стекольщиком и стекольным ювелиром. Это была заявка на некоторое особенное отношение!

С оружейниками такая же схема, двое подмастерьев, но есть среди них и один мастер. Зерна привезли чуть ли не на дивизию. Мы на полную мощность запустили мельницу, две системы жерновов давали столько муки, что не успевали шить мешки. Но зерно к переработке заканчивалось, а тут такой подарок! Была и солонина и что удивительно — дорогая греча. Оружие было, но все либо булавы, либо не самого лучшего качества, топоры. Передали рваные кольчуги, частью и вовсе были лишь мотки проволоки для плетения кольчуг.

Так же прибыли двенадцать воинов, большинство пожилые, но крепкие. И это мне казалось проблемой. Либо подчинение мне и Филиппу, либо никак — вон к Гавриле в сотню пусть идут. А то, что умудренные с сединами ратники захотят подчиниться, по сути, отрокам — спорный вопрос.

Даже произошедшими событиями день не закончился. Если приключения начались, то они и продолжаются. Уже к обеду, когда только разгрузились пришедшие корабли, пришла весть, что в усадьбу прибыл табун лошадей. Посыльный и посчитать не мог их. Все твердил: «Вельми, вельми, зело много». Третьяк и Вторак смогли, наконец, прибыть, скорее всего это

были они, но я уже не способен удивляться. Если это сыновья Войсила, то больше ста пятидесяти лошадей у меня есть. Не уверен я только, что в хозяйстве это копытное богатство сильно пригодится, но, вот, как боевые, можно. Я бы лучше фризов разменял хоть три к одному. Да и готов четыре низкорослых лошади менять на одного фриза, но не судьба. Попробуем переучить для хозяйства и кого из монгольских лошадок, может парой десятков и получится усилить хозяйство. Нет, так я кониной не побрезгую. Хотя... вон отроки пусть тренируются верховой езде на этих лошадаках, а как юноши станут мужами, подумаем, как решить проблему с покупкой нормальных коней.

— Тяжко? — просила Божана, когда я только часов в одиннадцать вечера добрел до дома. — Баню?

— Воды прикажи принести! — на баню сил не было.

Помыться с ведра и спать. Завтра день предполагался не легче сегодняшнего.

Утром должно начаться с докладов от тиунов с учетом новых поступлений провизии и животных, потом определение фронта работ строителям — прежде всего под новое поселение. Обсуждение проекта церкви. Дальше организация воинской школы — рекрутов уже расселяем в казарме. Вроде бы для этого все готово и столовая и баня и мебель в казармах, но в первый день нужно сразу задать высокий уровень организованности. Мне бы разделиться на три сущности, чтобы успеть все.

Несмотря на все ожидания, утром я проснулся, на удивление, в хорошем настроении. Рядом лежала любимая женщина. Умная, красивая, хозяйственная, мать моих детей. Да, — еще будущего ребенка, но в сознании уже все больше укоренялось восприятие, что у меня есть старший сын. Путь разница между мной и Юрием вряд ли больше восьми лет, по внешнему виду, но это напускное, мне есть, что ему дать.

А в то время, как я только задумываюсь что-либо дать парню, как отец, Божана уже смогла заменить мальцу маму. Женщина дала столько любви, нежности, внимания, что казалось забитый ребенок, уверенно ступающий в подростковый возраст, перерождается в другого человека. И мне это нравится. Я вижу, насколько Божана может быть матерью, насколько она может быть женой. И тот разговор, который, несмотря на вчерашнюю усталость, состоялся, подливает счастья в уже полную чашу нашей семьи.

Я исподволь попытался уточнить у жены, почему она не помогает мне, хотя я знаю, что Божана уже много информации впитала, что доводилась на всех совещаниях. Да и не в совещаниях дело. Она прекрасно разбирается в домоводстве, умеет организовать людей и у нее есть статус, который позволяет пользоваться своими навыками.

Ответ был долгий и пространный. Мне поведали, что мы и так нарушаем правила. Первое — никакой женской половины в доме нет. Второе — я сам всегда стараюсь успеть везде, но есть исполнители, которые и должны заменять мои потуги. Третье — я и не замечаю тот слой просителей, челобитчиков, которых все больше и больше приходят. Выдача денег за рождение ребенка или на свадьбу создало у людей впечатление, что хозяину просто некуда девать серебро. Для примера она даже рассказала, как вчера пришел мужик и стал доказывать, что обязательно через девять месяцев у него будет ребенок, а еще, его сын через год женится, так что давайте заранее деньги, а то ему топор новый нужен. То есть — он возлег со своей женой и сразу в усадьбу. Мол, я только что сделал ребенка — деньги давай! И подобных примеров жена привела множество.

Услышав многие сюжеты, которые, благодаря мудрости моей жены были решены, но не дошли до меня, я даже восхитился выдержке и тактичности женщины. Я бы уже давно и

послал и «волшебного пендила» прописал. Когда же Божана стала перечислять, чего только стоило сватовство, то я попросил перестать. А еще Великдень прошел, когда мы были в походе. И это все она. Золото мне попало, а не женщина!

Следующий день, оказался не таким суетным, как предыдущие два. Тем более, что я решил делегировать больше полномочий тиунам и их помощникам. Я вызвал Мышану, и послал за Макарием. И тут сюрприз...

— Так это... вот... не гневайся боярин, я не ведаю, что творю, я вот... — растерянно и испуганно пыталась оправдаться Мышана.

Ранее женщина отличалась четкостью изложения, чему позавидовал бы и референт любого министра. А тут и два слова связать не может.

— Макарий вчера на ночь в усадьбе, — Божана прокомментировала замешательство управляющей.

Вот же всезнайка!

Я опешил. Вот, и для этого тоже нужен был Шинора, который доложил бы сразу, еще до грехопадения моих управляющих. Но я отправил проныру с Жадобой. Нужно службу безопасности создавать. Два управленца, два самых главных человека в большом поместье, после, непосредственно, боярской семьи — прелюбодеи! Ладно, Мышана — она женщина свободная, одинокая. У нее есть сын и дочь, но мужа еще со времени закладки крепости при строительстве бревном прибило. Но Макарий? Отец семейства, шесть детей наплодил. И вот так.

Я уже стал прикидывать, сколько серебра передать в дар церкви, чтобы отец Михаил не поднял бучу.

— Дом греха! — сказал грозно я, демонстративно отвернулся, дожидаясь пока приведут сластолюбца.

Макарий не пришел, его действительно, привели. У тиуна не так чтобы и давно зажила спина от порки Вышемиром, и тиун Речного ждал кары. Я думал, как поступить, при этом изображая крайнее негодование. По мне, человека сознанием XXI века, это личное дело каждого, да хоть бы и втроем жили. Но в XIII веке так нельзя, нельзя для всех.

— Так что семья, или Мышана? — просил я и Макария.

Тот мялся, стыдливо и опасливо пряча глаза в пол. Ноги тиуна подкашивались. Такой он мне не помощник. И думал я, как поступить только из пользы дела. И каков кобель? По местным меркам практически старик, а гляди ты!

Как бы поступил суровый правитель этого времени? На костер? Не рационально — лишиться двух управленцев, в которых таким трудоемким и нервным путем вложено столько новшеств? Заместителей у них так и не появилось — такой ритм работы люди просто не выдерживают, ну а я не хочу, чтобы планка трудоспособности и эффективности упала.

— Воля моя! — Торжественно произнес я. — Макарий коли блуд будет еще, пороть не стану, бить не стану — в изверги пойдешь.

Лицо тиуна перекошилось. Стать извергом, то есть отверженным, исторгнутым, значило крушение и карьеры и возможностей. Вон даже изба просторная новая у него и печь слажена. Я же по поведению тиуна понял, что для этого мужика Мышана стала легкомысленным служебным романом. Впрочем, надеюсь и для женщины так же — стосковалась по мужскому вниманию. Тяжело вдове в этом времени!

— Мышана! Мужней желаешь стать? — спросил я и увидел смущение у этой сильной женщины. — А Макарий как же?

Женщина молчала, но тут было все понятно.

— Мужа найдем и замуж отдадим. То моя воля! — сказал я и демонстративно вышел из горницы.

Дальше по программе было посещение учебного центра. Еще вчера там расселили прибывших из Владимира двенадцать ратников. И меня откровенно колотило от необходимости общения с ними. Князь прислал людей. А если люди не подходят — виноват князь, что прислал неправильных людей? Когда это власть имущий был виноват? Всегда виноваты исполнители. В данном случае стать козлом отпущения скорее будет моей привилегией.

Взяв с собой Шаха для поддержки, я пошел в уже отстроенный учебный центр, благо он был в полутора километрах от усадьбы.

— Как зовут? — спросил я, как только в один из классов центра вошли все прибывшие ратники.

Те молчали, а я их рассматривал, откровенно, даже вызывающе. Если можно будет вывести из себя кого-нибудь, то это будет первый кандидат на выбывание.

— Имя! — резко заорал я и увидел, как три человека, инстинктивно дернули руки к правому бедру.

Эти могли бы и достать оружие, если бы оно у них было.

Вперед вышел ратник, слегка скривленные ноги которого, как ти движения производили впечатление, как писал Булгаков: «Шаркающей кавалерийской походки». Мужчина был лет сорока, но выглядел отлично. Невысокого роста, на полголовы ниже меня, но сильные плечи и более развитое правое плечо, скорее всего, говорили за то, что мужчина часто и не без успеха использует лук. Черные волосы и чуть заметные раскосые глаза выдавали в нем примесь восточной крови. Ни грамма лишнего жира, при этом прокаченное тело. Он излучал волю и силу, уверенность в себе. Пустые глаза казались безразличными ко всему, полная фатальность и я был уверен, что дело не в религиозности, а в вере в себя.

— Я Андрей и со мной сем воев из моего десятка. Я прогневал великого князя, и он прислал меня к тебе, — с достоинством сказал мужчина.

— И какая вина на тебе? — задал я самый напрашивавшийся вопрос.

— Я и побратимы мои, — Андрей посмотрел себе за спину. — Характерники, а князь зовет нас волкодлаками. Поповичи вельми злы на нас. А Глеб Всеславович баял, что и ты сам волкодлак и дух бера-медведя в тебе и что ведун.

Я слегка опешил и стал вспоминать легенды Руси. Волкодлаками называли оборотней, прежде всего воинов, которые могли оборачиваться, якобы, в животных. Таковым считали Святослава Игоревича, Всеслава Чародея полоцкого да много еще кого. А характерники так и вовсе были в казацкой среде и в XXI веке. Князь, видимо ценит этих товарищей, а вот церковь вряд ли, может тут еще и Перуном пахнет? Вот от греха и отправил сюда. Правда и у нас есть дотошный отец Михаил, только очень надеюсь, что сей достойный поп больше будет занят строительством своей каменной церкви.

Но, если сейчас этот волкодлак с апостольским именем Андрей превратится в медведя, я уйду, лягу в лесу и буду ждать пробуждения в психиатрической лечебнице.

— Мы тебя не знаем, но понимаем, что земля твоя и ты тут господин, токмо и мы акромья воинского учения ничего не можем, — сказал Андрей и демонстративно поклонился, после чего тоже самое сделали вначале семеро ратников за его спиной, а позже и все остальные.

— Наряд между нами должен быть. Науку вашу воинскую надо передать и мне и отрокам. Но слушать меня во всем, пока князь, или тысяцкий не решат кого иного назначить главой учебного затвора. Плату дам за службу дым поставят, — говорил я, наблюдая за реакцией этих уже умудренных мужей, но не нашел признаков отрицания или пренебрежения к моим словам.

— Добро! А коли уйти сподобимся, что не по нраву будет нам тут? — спросил Андрей.

— Неволить не стану. Токмо нужно все делать с умом и уважением. Так что скажете о своих намерениях, вместе подумаем, что делать. Нет, так и пойдете, — ответил я и начал объяснять принципы школы.

Уже скоро я додумался пригласить и Филипа с его десятком.

Меня слушали с открытыми ртами. Если для Филиппа подобные новшества в обучении уже уложились в сознание, то прибывшие подобных подходов не знали. Было видно, что некоторые слова восхищала бывалых воинов, некоторые удивляли. А моменты, связанные с дисциплиной, дежурствами и по ночам в казарме, руководством уборки помещений и территории вызвали противоречия и даже отрицание.

Озадачил пришлых воинов и распорядок дня. День начинался с общей зарядки, после чего были обязательные водные процедуры. Будут оборудованы душевые, как на улице, так и в помещении. После зарядки, прием пищи, далее учеба: письмо, счет, история, богословие, биология после того, конечно, как сыщем на все это хоть каких наставников. После еще один прием пищи. Час свободного времени, тренировка, состоящая из общефизической части и специализированной, которая в каждый день разная — или стрелковая подготовка, или фехтование, верховая езда и так далее. После два часа свободного времени и вновь учеба — уже специализированные предметы. Это стратегия, тактика, баллистика, разведывательное дело и ряд других курсов, что еще смогут предложить будущие наставники. После этих занятий еще одна тренировка, но уже в усеченном варианте — не более чем полтора часа. Далее прием пищи, обязательный душ или баня и свободное время, а в 22.30 отбой, обязательный для всех. Самое сложное было придумать, как именно определять время. Может песочные часы, или солнечные. Но оба этих варианта неточны.

Началась бурная дискуссия. Я не мог не нарадоваться, когда мужики с упоением спорили о том, что нужно дать отрокам в школе. Когда же я объяснил, что после полугода обучения планируется делать новый набор, а этих отроков переводить на специализацию, многие посмотрели на меня с искренним уважением, но с толикой недопонимания.

Уже часа три оговаривали частности, пока я не распорядился принести сбитня и закуски. После перекуса, в ходе которого не прекращалась дискуссия, начали распределять, так сказать, учебную нагрузку. Андрей стал ответственным за подготовку лучников и умение держаться в седле и сече. Филипп будет отвечать за обучение техникам владения мечом, правда один молчаливый княжий ратник предложил чуть позже проверить мастерство Филиппа, на что ухмыльнулся десяток ратников моего друга. За тактику и стратегию отвечать буду я — по крайней мере, перескажу то, что знаю из истории и послезнания. За подготовку арбалетчиков — Еремей, он же заместитель по общей физической подготовке, так как уже оценил и перекладину, и брусья, и систему штанг, гантелей, ряда тренажеров, что только смогли сделать из дерева, мешков из песка, камня. Даже новый предмет определили — обозное дело.

Начальником школы становится Филипп, его заместителем Лавр — сын погибшего Далебора. Я высоко оценил этого парня, особенно то, что он схватывал новые знания как

губка, обладая уникальной памятью и острым умом.

Конечно, сложно будет молодым парням-руководителям находиться рядом с аксакалами, но, если не покажут себя достойно в условиях управления умудрёнными мужами, то нечего и недорослей доверять.

Глава 8 ПОКУШЕНИЕ

Глава 8

ПОКУШЕНИЕ

Потратив с пользой для дела, много времени в школе, я решил искупаться. Погода стояла теплая, перевалило за середину мая. В этот исторический период погоды были более теплыми, чем даже в покинутом мной времени.

Но что напрягало, во всем майском благолепии, так дата 31 мая. Именно в этот день, если верить летописям, в 1223 году и состоялась та самая битва на Калке. Саднило то чувство, что я что-то могу сделать, но не делаю, отсиживаюсь здесь, когда где-то создается история.

Но что я мог бы сделать для победы русских на Калке? Мне кажется, что — ничего. Свою Калку я уже выиграл и не пустил триста сильнейших воинов на соединение с Субедеем и Джебе. Может из-за этого и русских меньше поляжет в степи у Калки. Те же триста оставшихся в живых русичей — уже немало. Так же и языка привез, который уже дал все показания и был умерщвлён. А битва вроде Калки, как это не цинично, нужна.

На Руси пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Будут шапкозакидательством заниматься, если победят. Однако, в той истории, которую я пытаюсь поменять, поражение русских князей так и не привело к нужным выводам. Посмотрим, конечно, но многие мысли я уже Глебу Всеславовичу озвучивал, как видно по действиям великого князя, что-то хозяин владимирских земель понял и принял.

Пусть идет, как идет. Есть еще время. Надеюсь один из мечей, что перерубит узел монгольского могущества, куется здесь — у меня в поместье. Как сказали толи Макиавелли, толи Наполеон с Бисмарком: «Для войны нужны три вещи — деньги, деньги и еще деньги, а для большой войны нужны большие деньги!».

А предпосылки для хорошей экономики, по крайней мере, у меня в поместье, уже очевидны. Вчера салатик вон отведал. Редиска не просто уродилась, она огромная и сочная, ни червячка. Сейчас стоит задача собрать как можно больше семян и начать раздавать крестьянам. Как-никак, а один из первых витаминов после зимы. А если еще со сметаной, да черемшой, да с молодым укропчиком — вообще сокровище! Остальные культуры так же неплохо растут, кукуруза вымахала уже с полтора метра, так и до трех дойдет, по крайней мере, производителями семян это гарантируется. Скотина будет рада расширенному рациону.

Важным этапом в становлении новой системы сельского хозяйства стала коса. Еще по прибытию из похода я продемонстрировал работу «литвинки» — так называется конструкция косы, которая была наиболее распространена с петровских времен. Восемь таких кос, только без черенка я брал в переход. Дал эти совершенные орудия труда под личную ответственность: три Макарию и четыре Мышане, одну оставил. Выбранные три крестьянина, на удивление быстро приноровились косить. Через пару часов такой практики на луге, они в моих глазах стали профессионалами. По последующему отчету тиунов покос с использованием кос предложенной конструкции увеличился в восемь раз, особенно продуктивно получалось работать поутру. Ну, это было и понятно, серпом посложнее и медленнее срезать траву. Может еще и от артроза кого предостерег — при покосе литвинкой не нужно сгибаться. Но без ложки дегтя не обошлось — один косарь отчекрыжил себе палец,

когда точил косу. Всему виной женщины. Он точил и в то же время рассматривал, шедших к реке, девок.

Сюрпризом для меня стало прибытие делегации наиболее богатых людей Унжи. Среди них были и три владельца земли по противоположному берегу Унжи и два купца, которые после становления Войсила тысяцким, решили обосноваться в нашем городе. А возглавлял этот митинг сам тесть Василий Шварнович. Божана умаялась подавать у порога дома каждому делегату сбитень, проговаривая нужные слова.

Оказалось, что целью визита было приведение меня к порядку и пониманию, так как я плохой сосед и не уважаю «общество». Начать строить церковь из камня и, не взять в долю своих соседей — истинных христиан? Это грех, однозначно! Я покаянно согласился на складчину, после чего пригласил гостей к обеду. Там не сдержался и похвастал редиской и укропом с огорода. Этот овощ был не знаком присутствующим, и они с опаской, но с интересом наблюдали, как я макал редис в соль и с удовольствием уминал получившееся лакомство.

А на столе стояли вазочки с тюльпанами, которые так же вызвали удивление. Еще на обеде, как купцы, так и земельные магнаты, запросили деловой разговор. Пришлось сослаться на занятость, но обещал через неделю начать процесс посещения всех и вся, так как подобное, всемерно уважаемое общество игнорировать нельзя.

Войсил все время обеда и разговора молчал, внимательно наблюдая за мной, и то, как я все подливаю масло в огонь, возбуждая интерес уважаемого общества к собственной персоне. Только, когда гости заторопились на выход, тесть подошел ко мне и сказал:

— Ой, и добре, и чудно, токмо я во всех начинаниях первым буду, уже после меня остальные! Так и семенах и еще в чем!

Не согласиться было невозможно, и уже к вечеру Мышана окучивала присланного тестем человека, выторговывая преференции за семена редиски. Главной выгодой стал невод и хорошая сеть, которые были дарованы нам взамен на нашу доброту и сознательность.

Вот и сегодня купаясь в еще холодной воде, я наблюдал, как мужики с азартом в очередной раз вытягивают невод. Рыбы было уже больше, чем могло вместиться в их телегу, стоящую на берегу.

Выйдя из воды, я быстро обтерся, оделся и пошел в сторону рыболов. Артель, после удачного заброса невода решила отдохнуть.

— А что, мужи рыбки вдоволь? — просил я, подъехав на коне, и дождавшись «здрав будь, боярин».

— Так поболе, как плетнями раньше ловили. Сеть наша порвалась крепко, никак не поспеваем латать, — сказал, как видно, начальник артели.

— А что с рыбой после делаете? — спросил я.

— Так было сушим, вялим, коптим, да токмо, боярин соли мало у нас, — так сказать «закинул удочку» рыбак в сторону инвестиций в их бизнес.

— А коли соль моя будет, четвертую долю рыбы мне поставлять станете? — я рыба кусачая, так просто помогать — путь в никуда, своя выгода нужна во всем.

Консультации и какие-то расчеты с использованием пальцев рук, в итоге стороны пришли к согласию. В принципе, я и так мог все забрать у них, так как артельщики сплошь холопы. Но я не был поборником рабства, пусть стараются и всем будет хорошо. А я хотел еще одним своим товаром делать рыбу и икру. Просаливать и коптить можно по разному и горячим копчением и солить только филе, да в горшки с перчиком, с маслом, лучком,

чесночком. Осталось придумать, чем запечатать горшок и дожидаться появления масла — рапс посажен, подсолнечник посажен, но всего пока мало. А вот льняное маслице можно было уже изготавливать. Но производство это еще в проекте.

Много из меня нервов вырвала организация производства стекла. Хотя песок чистый нашили и уже натаскали, нашли и диоксид кремния в том же песке, вырабатывали из золы соду, выбрали место под мастерскую и практически ее построили. Но все никак не запустим производство.

Прибытие мастеров-стеклодувов должно было ускорить процесс, однако, пока они заваливают склады стеклянными браслетами и чешут затылок, как сладить что-то иное.

Не добрался я и до производства стали. Горн построен, два меха для подачи воздуха, необходимого при производстве чугуна так же готовы, помещение построено, отдельно готово водяное колесо для раскочки мехов, но до ума окончательно все эти агрегаты не доведены. Два кузнеца, которые были у меня в наличии, не воспринимали новшество, как я не старался объяснить пользу и необходимость отказа от дедовских способов производства железа. Даже демонстрация моей косы и сравнение ее с тем, что изготавливали кузнецы, не принесло желаемого результата.

Один коваль был закупом и приказать ему я мог, то свободный смерд — второй кузнец мог и не подчиниться. Хуже того, собрать свои пожитки и уйти в любой момент. А эти люди нужны были при любом раскладе. Но капля камень стачивает. Так и я не бросаю попыток переубедить кузнецов. Недавно, вроде бы у одного, Дарена, пошел позитивный процесс налаживания диалога.

В деле становления металлургии с сильно надеялся на оружейников. Расчитывал, что молодые умы бывших учеников, привыкших к покорности в обучении, должны были принять новые технологии, не присущие периоду. Вот только и молодые оказались невосприимчивыми к новым типам оружия, что я им рисовал, не то, чтобы и самим что-то создать.

Вот и сейчас я, ожидая окончательной договоренности с рыбаками, начинал паниковать, что еще столько не сделано, а по плану летом рассчитывал продавать сталь и начать обеспечение своим оружием воинской школы, а так же заняться изготовлением пил для предполагаемой лесопилки.

— Боярин наряд твой добрый, — выразил, наконец, общее решение рыбак.

Ох, и разбалую я их! Однако все расчеты говорят только на прибыль. Себя можно обмануть, цифры — нет!

Уезжал я от реки в деятельной решительности. Небольшая слабина по отсутствию прогрессорства была резко отторгнута. Нужно работать и все тогда сладится, а рефлексировать будем, посматривая на тонны серебра, заработанного после.

Поднявшись на пригорок, с которого начинался небольшой лесок, я направился в сторону Речного. Туда временно я распорядился расселить прибывших ремесленников. Они будут жить рядом с место своей работы, так как рядом и поселок и река и возможность строительства водяных колес. Речной поселок мог бы превратиться в Производственный. Пока же ремесленникам был выделен отдельный район, который располагался немного поодаль от самого поселения.

Мерно, но целеустремленно передвигаясь на своем коне, думал, что лесок возле пристани необходимо вырубить. Тут вроде бы и земля неплохая и разлив воды не доходит. Засеять эту землю можно будет чем-нибудь уже на следующий год, например

подсолнечником. А через год-два может и понадобится расширение территории самой пристани со строительством складов, домов и постоянных дворов. Может и расчистить место под базар придется.

Стрелы я не заметил, как не услышал и характерного звука спущенной тетивы. Только почувствовал удар и, пока еще не потерял сознание, успел пришпорить коня.

Голоса... люди в белых халатах...

— Ну как наш пациент? — сказал голосом Иллариона Михайловича человек с головой орла.

«Гор» — пронеслось в голове.

— Да потопчет еще копытами своими Дикое поле, — ответил человек с телом коня.

— Хирон, — прошептал я. Именно Хирон — не просто кентавр, а я знал, что это Хирон.

— Крови потерял много, но хворь одолеет. Крепок животом Корней Владимирович, — краем сознания пронеслись другие голоса.

— Мы его теряем, — сказал «Гор».

— Главное, чтобы он себя не потерял, — философски заметил мудрец «Хирон».

— Так он вступает в игру? — спросило левитирующее в мою сторону существо в белом балахоне.

— Он уже в игре! — ответил Хирон, очертания которого начали расплываться.

Наступило безвременье.

Если до этого было ничто, то сейчас наступила осязаемая тишина. Через некоторое время появилось зрение, я мог различать только силуэты, но и только. Еще позже я начал осознавать, что нахожусь в своей горнице, лежу на своей кровати. Звуки появились одновременно и я поморщился.

— Слава Христу, спасителю! — прокричала Бела.

— Не кричи, Бела! Где Божана? — обратился я хриплым голосом к будущей жене Еремея, а может уже жены. — И сколько я так лежу?

— Со вчера, — сказала девушка и поспешила добавить. — А боярыня у церкви молится.

— У меня в сундуке черный ларец лежит. Принеси его и езжай к Божане, а быть рядом со мной сейчас нельзя! — отдал я распоряжения, отправляя подальше девушку, но опомнился. — Если Еремей недалеко, пусть придет.

Получив аптечку в руки, как только вышла Бела, я начать себя лечить. Оказалось, что стрела прилетела не сзади, а спереди. Это облегчало мое самолечение. Прежде всего, посмотрел в маленькое зеркальце рану. То, что я очнулся действительно чудо, но рана воспалена, формировался гной, который уже проступал через вонючую повязку, что смердела еще и навозом. Сняв тряпки, действительно вымазанные навозом, я практически залил себя перекисью водорода и сделал три обезболивающих укола, по сути, местную анестезию.

— Христос вседержитель! Открыл очи, — пробасил Еремей, входящий в горницу.

— Ерема нож нужен, вино хлебное крепкое, полотно чистое, — сказал я, и друг, кивнув, убежал.

Вернулся он уже с Филипом и как это ни странно, с Андреем-характерником.

— Как ты? — спросил Филипп, на что я просто кивнул.

— Мы прошли по следам тех татей. Они вышли к марийским землям, но повернули обратно к Ужне. Спутать хотели. Ну а далее пошли к землям Честислава Вышатовича. Это купчина, что был в твоём доме. Не получилось взять живыми, до нас уже посекали татей, —

закончил свой доклад Андрей.

А ведь работа проведена огромная. Следили за исполнителями, не позволили себя запутать, смогли найти следы пребывания татей в городе, выявили заказчика. Еще бы после взять их по тихому, но тот, кто заплатил разбойникам, решил избавиться от свидетелей. Андрей хорошо выслуживается. Или уже служит? Это разные вещи и хотелось бы, чтобы было второе.

Дальше я совместил в себе две роли: стал и хирургом и не перестал быть пациентом. Как только начала действовать бычья доза местного обезболивания, Еремей по моей диктовке резал и расчищал рану, так же готовилось и железо для прижигания. А я куражился, — никто не понимал, почему я не кричу от боли.

— Нужно за татьбу виру взять, — сказал я в момент, когда во мне ковырялись ножом.

Присутствующие Андрей, Еремей и Филипп вошли в ступор. Ладно молчать в момент, когда в тебе ковыряются раскалённым ножом, это можно понять, пусть и поверить в такое терпение сложно. Но спокойно и рассудительно разговаривать?

— Войсил знает о моем ранении? — задал я очередной вопрос. — Ерема чего стал? Давай прижигай!

Первым, от моих художеств, пришел в себя Андрей, который высказался только в пользу мести. Вскоре и Филипп сказал, что Василий Шварнович в курсе покушения, но подробностей не знает. Он только приехал откуда-то и просил сообщить, когда, и если я очнусь. Посыльный уже выехал.

Тем временем принесли раскаленную кочергу, которую я сказал приложить к ране. Так точно вся гниль выйдет. Тут я уже скорчил гримасу, несмотря на то, что боли не было, фантомные страхи никто не отменял.

Скоро примчалась Божана, и все присутствующие дипломатично удалились. А я сожалел, что не получилось узнать у Филиппа, как прошел первый день обучения в школе. С приходом Божаны, да еще в такой истерике в ближайшее время нечего и говорить о работе.

— Живой! А то уже отпевать думали! А ты живой! Любы, я руки на себя наложу, коли сгинешь. Любы мой, — причитала любимая жена.

— А ну баба! — прикрикнул я, насколько хватило голоса. Получилось не очень, но Божана замерла. — Нельзя очи пригожие слезой окроплять.

Дальше было молчание и только всхлипывание.

— Дозволишь Юрию прийти? — спросила жена.

— А то как, он сын мой! — сказал я, и Божана вышла за дверь, очень быстро вернулась.

У меня вообще сложилось впечатление, что за дверью в мои покои собралась целая очередь. Одни входили, другие выходили. Я не говорил, что это было утомительно, все встречи были нужны, но обидно, что никто и не подумал о том, что мне нужно отдыхать. Вот, неправда, что только женщинам нужно внимание. Некоторые мужчины могут стойко перенести любую рану, но вот при температуре чуть выше нормы могут расклеиться и вести себя как дети. И это чаще всего потому, что и им нужно внимание. Вот и мне с одной стороны остро требовалось быть в курсе событий и корректировать работу, но так же хотелось и простого участия и заботы.

А я развел бурную деятельность, пока действие обезболивающего не прошло. Дал указания Макарию и Мышане. Бывшей ключнице, в присутствии тиуна посоветовал присмотреться к Андрею — мудрому, сильному и лишенному семьи. Хватит любовных интриг, может сложится и нормальная семья.

Прибежал и посыльный с информацией, что к пристани подошел болгарский корабль. Сразу нашлась работа Филиппу и Андрею. Мне ужасно было интересно, особенно когда посыльный сказал, что болгары говорили о торговле. Только я стал думать, как удачно и чем поторговать с булгарами, как заявился Войсил.

— По здорову ли Корней? — с издевкой спросил тесть.

— По здорову, Василий Шварнович, вот почиваю, — вернул я шпильку.

— Кто тебя знаешь? — уже крайне серьезно произнес тысяцкий.

— Знаю! Виру взять дозволишь? — я тоже серьезно спросил.

— Кто? — пристально посмотрел на меня глава администрации города, а так же и глава рода.

— Честислав Вышатович, — сказал я и отстранил свой взгляд от Войсила.

— Не все, приняли меня тысяцким... вот, через тебя и мстят. Осторожкой гадят, считают тебя слабым, — сказал тесть и резко, как это он любит, изменил тему для разговора на только что прибывших купцов.

Оказалось, что Войсил знает про болгарских гостей, которых обнаружили еще на подступах к городу. Более того, тесть уже поговорил с ними, и именно он разрешил булгарам прибыть ко мне.

Оказывается, что во Владимире Жадоба с Шинорой так расторговались, что создали ажиотажный спрос за зеркала. Скупили это чудо венецианцы, причем все и сразу без торга. Они же хотели было приехать туда, где делают такое чудо. Служители культа хотели назвать зеркало сатанинским предметом, но сам князь похвалялся подарку, и это было маленькое зеркальце. Поповичи, узнав о княжеской радости от подаренного зеркала князя, присмирели. Особенно помог некий монах Даниил, который был проездом из Ростова и, как стало очевидным, имел определенное влияние на епископа владимирского. Какая-то интересная личность и как я понял, он и с Шинорой успел пообщаться.

Главным же для меня было то, можно торговать зеркалами спокойно и поднимать цену. Тесть не знал, за сколько продавал Жадоба это чудо. А у меня осталось только три зеркала. Я бы и у жены бы забрал подаренное ранее, если уж речь об огромных суммах. Ей я и сам позже сделать смогу. Тем более, что амальгама на пару десятков зеркал была взята из XXI века.

Поговорили мы с Войсилом и о редиске. Что можно с ней делать, и как выращивать. В этом времени рацион питания был своеобразным, не могу сказать, что слишком безальтернативным, но редиска может занять важное место на столах людей и предотвратить авитаминозы.

После обсуждения перспектив сельского хозяйства и того, сколь решительно скупают моими тиуны, весь скот, что только появляется на рынке в Унже, разговора не получалось. Я ждал, когда Войсил уйдет, так как возобновлялась боль, и не хотелось потерять лицо. Может что-то понял Войсил, может ему действительно нужно было уходить, но уже скоро, я оказался один, сразу же уснул.

Проснувшись, я прислушался к самочувствию и удивился — боли почти не было. Рана затягивалась как в фентезийных голливудских фильмах. Не знаю, я не медик, как должна выглядеть рана, но явно не так. Покрытая розовой пленкой, пока еще только напоминающей кожу, рана не столько болела, сколько сильно чесалась. Порой мне даже думалось, что лучше бы была боль, чем зуд.

— Эй, кто есть? — выкрикнул я и тем самым разбудил Божану, которая расположилась

на лавке в стороне, словно котенок, свернувшись в клубок.

— Любы, по здорову? — Бажана захопотала надо мной, поправила подушки, подала воды.

— По здорову. Работать нужно, — сказал я и действительно почувствовал желание активной деятельности, хотелось встать и бежать.

Однако, при попытке подняться закружилась голова — все же следовало долечиться.

Все же я собирался устроить день приемов, пусть и в лежачем состоянии. Бела, которая выполняла роль секретаря, стала и первым докладчиком.

— Бела, а венчание твое з Ермолаем скоро? — просил я. — Все ли готово?

Первый доклад начался...

Выяснил я главное, что венчаться моя бывшая холопка с другом Ермолаем будут в самом начале июня и скромно, так как урожай еще не собран, да и отвлекать людей не хотят. Выслушал, сколько на свадьбе будет бочек вина, сколько планируется мяса. Удивительным было то, что практически все оплачивалось женихом, которому в складчину собрали денег.

Далее побежали посыльные по «городам и весям». Я хотел видеть болгарских купцов и быстрее. В Речном введено военное положение, даже Гаврила из своей сотни прислал десятков ратников охранять покой русских жителей. Только вот кормить этих «охранителей» приходится мне. Следующие должны будут рассказать о своей работе головы плотницких и строительных артелей, вместе с каменщиками. У них началась неразбериха, и не могут договориться между собой ни деле строительства храма, ни кто будет отстраивать новый поселок.

Позвал я и тиунов, чтобы не только сообщили о делах на полях, но и вместе с кузнецами, решили о количестве заказов на орудия труда и, к примеру, наши, кто спер мою лопату, которую я давал на общину, но ее не вернули.

На закуску пригласил и Андрея с Филиппом и не только для того, чтобы узнать о делах в школе, но и обсудить «ответочку» за мое ранение.

— По здорову ли, богатур Корней? — В горницу-кабинет зашел среднего роста мужчина.

Его не русское происхождение выдавали раскосые глаза и смуглая кожа на лице. Остальные же части тела было не рассмотреть. Гость был в длинной кольчуге и стеганом халате под ней, приковывали взгляд кожаные ярко красные сапоги. Однако, слишком серьезных отличий от русичей, как в одежде, так и во внешности, если убрать за скобки раскосость глаз, в мужчине не было. Тот же доспех, похожий на русский халат, похожие шаровары. Вот оружия не видно, видимо, при входе забрали.

— По здорову и рад, что достойный сын Великой Булгарии оказал мне честь, посетив дом мой, — озвучил я витиеватое предложение.

Булгарин удивленно посмотрел на меня, но не прокомментировал мои слова, только уважительно поклонился, давая понять, что принял светский треп.

— Дозволено ли будет, боярин, кабы слышал тебя и говорил с нами мой помощник? — спросил купец и я кивнул.

— Боярин, — дождавшись, пока в горницу войдет еще однодействующее лицо, продолжил купец, представленный мне как Атанас. — Нам потребны зеркала.

Я демонстративно развел в стороны руки, демонстрируя, что не могу ничем помочь.

— Ты видишь, сколько я сладил палат и дымов, мне потребно торговать те зеркала, что я привез от одного уже почившего мастера, чтобы оплатить усе строительство, и остались

только для себя да жены, а может еще великий князь пожелает купить одно зеркало, — сказал я, по сути, не отказав, а начав торг.

Это обстоятельство не осталось без внимания помощника болгарского купца.

— Сто гривен за зеркало и серебра весом за оправу, — начал уже торг помощник Атанаса, имя которого я и не узнал.

— А как венецианцы брали мои зеркала? — спросил я.

— Так и брали, только товар твои люди везли, а мы пришли сами, — озвучил торговец, не совсем для меня и веский аргумент.

— За тем, чем я торгую, люди могут прибыть из самых дальних мест. И я могу тебе продать зеркало, что восхитит и самого эмира. Ты же получишь больше, чем деньги — благодарность правителя. Так что не скупись, а дай цену большую, — сказал я и стал ждать реакции гостя.

Булгары советовались на своем языке. Я же мог только угадывать направления их мыслей по жестам и тону разговора.

— Две сотни гривен серебром дадим, только нужно видеть товар, — вынес вердикт Атанас.

Я позвал Белу и попросил принести два зеркала, припасенных на самый экстренный случай. А так же приказал принести редиса и тюльпаны.

Гости долго рассматривали два зеркала, которые были почти в человеческий рост и спорили какое брать. Разница между изделиями была только в оправе. Наконец, булгары определились и рассматривали уже редиску, опасаясь ее попробовать. Я нарочито взял одну и с показным удовольствием съел. Указав рукой на угощение, я смотрел, как вначале лица гостей съезжились, а после удивленно с интересом рассматривали овощ, тщательно его разжевывая.

— Это вельми полезная еда, особенно после зимы дает силы, — начал я рекламную компанию, по сути, приукрашивая, но, не обманывая потенциальных покупателей.

Целью было создание бренда. Малодоступность на первых порах продукта и правильный маркетинг должен был сделать свое дело.

— И сколько за семя возьмешь? — спросил Атанас.

— Нет, семя не дам, а так за пуд, то три гривны прошу, — я с большим удовольствием откусил от очередной редиски и с трудом не поежился — овощ вязал небо.

— Гривна и десять кун и пуд возьму, — ответил мне торговец.

— Добро, — сказал я, и продолжил серьезным тоном. — Мне очень нужна торговля. И по осени смогу дать много товаров, сам ехать торговать в Булгарию, али еще куда, не стану — много работы тут. Еще есть товар, что стоит много, только в руки его не взять. Я задумал устроить ярмарку, будь моим гостем на ней.

На меня посмотрели с удивлением и интересом. Вообще я замечал у купцов некоторую растерянность на контрасте моего внешнего вида и того, что я говорю. Молодой парень торгуется с людьми, умудренными сединами. Но мне эти диссонансы были не важны. Пусть что угодно думают, я же собирался гнуть свою линию и торговаться.

Что можно взять от булгар? Кони, у них есть отличные лошади, которые для легкой кавалерии просто находка. Да, тяжелых рыцарей на этих коней не усадить, не выдюжат, но создать что-то вроде уланов с пиками можно и даже нужно.

— Какой еще товар ты предложишь? — после небольшой паузы и короткого совета со своим приближенным, спросил Атанас.

— Инф...Веды, — сказал я, а у самого чуть не вырвалось «информация». — За то, что от мох знаний будет зело большая польза для Булгарии, вы пригоните по осени сто баранов и пятьдесят добрых лошадей.

Купцы переглянулись и стали ухмыляться. Наверняка решили, что молодой парень зарвался или я настолько профан в торговле, что торгую пустой воздух.

— Не думайте, почтенные, что я стребую плату сейчас. Нет. Вы заплатите тогда, как то, что я скажу, поможет эмиру выстоять и сохранить свою державу. А коли обманите, так более и не появляйтесь в Унже, не будет ни торга, ни дружбы, но ворогами станем, — сказал я и посмотрел на гостей, выражение лиц которых говорило: «Ну, говори, уже, коль начал».

И я рассказал. Про разбитых монголов, что грабили возле границ Булгарии, что разведывали они пути, что рассчитывают пограбить болгар на границе. Рассказал, что взяли в плен монголов, которые и раскрыли планы завоевателей.

— В вашей державе есть человек, это Аблас-Хин, он говорит правду и слудует к нему прислушаться. Татары пойдут через Самарскую Луку. Они хотят смутить ваших данников и чтобы те восстали против эмира, — закончил я свой рассказ.

— Твои слова стоят оплаты, коли они скажутся верными, — задумчиво сказал болгарин. — Только отчего Аблас-Хин не предал, коли татары знают все наши засеки, кои он же и возводил?

— У монголов был был человек Аблас-Хина и попал к ним пораненым, — сказал я и чуть не чертыхнулся.

Вот же попал! Одно дело — информация о планах монголов, что можно было узнать у пленных, но откуда я мог знать про то, что этот Аблас сообщит эмиру о монголах? Надеюсь, выкрутился и сильных подозрений не будет. Вообще я рисковал и сильно. То, что известно историкам будущего не обязательно, что было на самом деле.

— А плату ты мне после отдашь. Скажи эмиру то, что я сказал! Ты токмо ему доклад держишь, али еще кому? — сказал я усмешливо, показывая, что резидент раскрыт.

Булгарские купцы не так часты в русских городах. По ряду причин, в том числе и потому, что Русь постоянно воюет с Волжской Булгарией. Вид Атанаса, его взгляд, анализирующий даже не товар и его качество, люди купца с явно военной выправкой и с цепкими взглядами, как и другие признаки, говорили за то, что это никто иной, как шпионы. Увидел Атанас на рынке Во Владимире странные товары, решил, почти что по дороге, узнать кто это такие вещи производит, приехал в Унжу.

Булгарин мне не ответил на подозрение в шпионаже, а быстро перевел тему и рассказывал о возможностях торга между мной и им. Я спрашивал о рисе, торговле с Ираном, который сильно пострадал от активности монголов, но все еще существовал. При том, как мне казалось, мы с Атанасом прекрасно друг друга понимаем. И будь он хоть трижды шпионом, но торговые отношения с этим булгарином должны принести мне немало дивидендов.

Расставшись с довольными и задумчивыми купцами, я потребовал к себе тиунов.

Был приятно удивлен, что Макарий и Мышана вели себя непринужденно и их недавние интрижки не влияли на дело.

Сенокос продолжался и часть полей, что оставлены для посева озимых и свободные луга, которых было не много, все скошено, трава уложена и сохнет, часть сена вывезли под навесы. Мои кони стараются во всю и уже пять кобыл ходят брюхатыми. Ожидаем и щенков от любвиобильного Шаха. Первая шерсть с немногочисленных овец собрана, и женщины

начали пряться. Сделал зарубку о механической прятке типа «Дженни». Производство меда и воска увеличились в два раза в сравнении с предыдущим годом. Практика создания отдельных ульев и определение ответственных оказалась сверхудачным решением. Молока производить стали многим больше количества потребления населения. Вот еще одна зарубка — маслобойня и сыроварение.

В целом все оказывалось неплохо и ожидали большой урожай, если не будет катаклизмов. Поговорили и о природе, у которой нет плохой погоды. Особенно это будет актуально через шесть лет, когда начнется череда дождей и ранних заморозков. Но к тому моменту рассчитываю иметь запасы на случай голода. Мышана пожаловалась, что школа уже забирает много ресурсов. Что бы прокормить парней пришлось зарезать две коровы, которые давали мало молока. Рыбу же артельщики-рыбаки стали давать мало, прикрываясь соглашениями со мной. Пообещал разобраться.

Следующими ходаками стали строители, которые отчитались по возведению нового поселения. Уже больше половины домов были готовы к заселению и меня просили заплатить за все сделанное. Строительство кузнечной мастерской — моего маленького сталелитейного заводика закончилось и все ждут, чтобы я появился и условно «перерезал ленточку». Осталось смонтировать водяное колесо и мешков и все... можно лить пусть и не лучшую, но сталь.

А вот стекольное производство застопорилось, но по собственной инициативе мастера построили печи и хотят уже производить наряду со стеклянными браслетами, бусы. Пусть немного побалууются. Мне же еще нужно сделать платформы для раскатки стекла и трубки.

— Ну, как виру брать будем? — спросил я у вошедших Филиппа и Андрея.

— Нужно убить, — сказал Андрей.

— То так, но просто убить мало, нужно еще и мощну почистить у татей, — сказал я.

Началось обсуждение. Важно, что Войсил поддержит меня. Правда, в том случае, если месть будет не открытой.

Вариант прикрыться набегом марийцев на конкретное поместье Честислава Вышатовича отмели. Тысяцкому пришлось бы реагировать на набег и тогда может быть раскрыта правда. Рабочим вариантом пока оставили поджег усадьбы со всеми домочадцами. Жестко? Да! Но все имеет цену. Я не хотел бы убивать семью соседа. У него было три дочери до пятнадцати лет и сын шестнадцати. Предложил подумать о том, что сделать, дабы избежать лишних жертв и не подставится самим.

На следующий день я чувствовал себя вполне здоровым. Когда монгольская стрела оставила на мне свою отметину, я не обратил внимания на быстрое заживление раны. Сейчас же чувствовал себя ящерицей, что отращивает себе хвост. Регенерация феноменальная. Может быть, поэтому я не стал болеть сразу по приходу в это время и сам никого не заразил. Бактерии и вирусы этого времени и XXI века наверняка бы вызвали череду болезней, если не смертей. А принесенные вирусы будущего могли вообще выкосить местных, но этого не произошло.

Мне понравился день, когда вокруг меня все крутились, бегали, суетились, но все же я осознал, что организация нового дня из сплошных совещаний не принесет пользы — пусть люди работают, а не отвлекаются. Я же отправил за плотниками, что проявляли наибольшую активность при создании новшеств, в частности водяного колеса, а так же послал за бывшим тиуном Симеоном. В последнее время он оказался не у дел, но хватка у него была еще та, может получиться вырастить из него управленца.

Задачей стало «изобрести» механическую прялку, которая была создана в том, другом, времени и имела название «Дженни-пряха». Это первый известный образец промышленной революции, который был создан Харгривсом в 1765 году. Назван станок был толи в честь дочери, толи жены, толи любовницы. Но это имба, совершившая переворот в прядильном деле, когда Англия была лидером по производству шерсти. Я так же хотел стать лидером, и создавать столько шерстяных тканей, сколько можно прокормить овец в поместье и купить шерсти из других мест.

Прялка Дженни имела восемь вертикальных веретен и одно колесо. Имелся специальный пресс из двух брусков дерева. Нитки ровницы с початков проходили через вытяжной пресс и прикреплялись к веретенам. В нижней части каждого веретена имелся блок, вокруг которого шел приводной шнур, переброшенный через барабан, который приводился в движение от большого колеса, вращаемого рукой. Колесо приводило во вращение все веретена.

Был и недостаток получаемой продукции, который некогда в Англии долго не могли искоренить, но их решение мне известно — нужно в пряжу добавлять льняную нитку.

Достаточно мелкие детали из дерева были самым сложным, на мой взгляд. Да и лак — дело достаточно сложное, но тут на выручку пришел опыт оружейников. Плотники заявили, что лак не такая проблема, его иногда использовали при изготовлении лука. День провозившись с прялкой, я усталый, но довольный, решил уделить время семье. Оставшиеся плотники с пытливым Никифором и Симеоном, как казалось, уже уловили мысль и, разделившись по производственным циклам, продолжали работать.

— Люба моя, — сказал я, обнимая жену, которая руководила кухарками.

— Любы, ты не хочешь выздороветь? Как только чуть зажило, уже стал нагружать себя работой? — больше для проформы, чем всерьез, распекала меня жена.

— В баню? — заговорщицки спросил я.

— Так рано то как? Пойдем в опочивальню? — сказала жена и с игривой улыбкой повела меня в спальню.

— Я назову прялку в твою честь, Божана, — еле слышно прошептал я.

— Что? — спросила любимая женщина.

— Все добре, моя любая, — ответил я.

. *.....*.....*

Прошло три недели с момента моего ранения. Я мотался по всем своим землям. Контролировал посевы, заставлял поливать свой огород, который стал образцовым. Даже самые профессиональные пенсионеры-дачники позавидовали бы. Все росло и радовало. Погода была идеальной — жары как таковой не было, но солнышко грело, полив и редкие дожди позволяли расти моим новшествам — главному и стратегическому оружию. Логика проста — смогу прокормиться и иметь излишки, смогу и ратников оснастить.

Вчера прошли первые воинские учения. Построения, маневрирование по сигналам командиров, стрельбы навесом и прицельно, отражение конной атаки, работа в вагенбурге, учебные бои деревянными мечами в группах.

Что можно сказать? И смех и грех! Маневры привели к тому, что некоторые новобранцы просто потерялись и даже прибились к отыгрывающим за врагов своим побратимам. После маневра конницей не выпали из седел только десятники из числа ветеранов. Из арбалетов стреляли куда попало, были нелепые травмы. То, что десяток был вооружен барабанными арбалетами конструкции XXI века, только увеличивало расход болтов, но никак не делало

обстрел эффективным. Мечники строй не держали и как только вошли в клинч, сразу же разделились по парам и начали мутузить друг друга.

Разбор учений выявил то, что сами наставники не понимали многих вещей. Они были индивидуалистами, и если еще понятно было, зачем работать в построении мечникам, или всадникам, то взаимодействия между ними — темный лес непонимания. Но я и не надеялся, что через три недели, вдруг, все шестьдесят четыре новобранца станут великими богатырями. Учения были для того, чтобы выработать понимание необходимости тренировок и новых подходов. Нужен не индивидуальный профессиональный боец, а коллектив. Дисциплинированный, знающий каждый свое место воин. Сложно из мальчишек сделать поединщиков, если они с детства не держали в руках меч. Но вот научить дисциплине и коллективным действиям можно.

— Боярин! — ко мне подскакал посыльный. — Тысяцкий ждет тебя. Всех бояр звал.

Не заезжая домой, я поспешил к тысяцкому. Еще не было такого, чтобы Войсил собирал всех бояр, а как выяснилось, и сотников и десятников. Поэтому со мной поехали, и Филипп, и Андрей, которые были мрачнее тучи и отворачивали глаза. Видимо переживали за неудачи во время учений. Будет теперь мотивация к работе.

Когда мы въехали в детинец, я даже опешил. Куча народу, лошадей, повозок. Это вот такая средневековая мобилизация?

Войдя в помещение, что я звал тронным залом, сразу же заметил весьма интересное лицо.

— По здорову ли Честислав Вышатович? — спросил я своего соседа выдавая максимальную, насколько мог, улыбку.

— Спаси Христос, — растеряно ответил соседущка.

— На него и уповаем, — ухмыльнулся я.

Что ж — понервничай соседущка! Ты все понял! Может, это было опрометчиво с моей стороны давать намеки, но не мог пройти мимо. Он решил исподволь ударить по Войсилу, потерял доходы со смертью Вышемира? Теперь жди и оглядывайся!

— Есть вести! — в зал вошел Войсил.

Прям, как у Гоголя: «пренеприятное известие».

Когда я услышал о чем идет речь, то осознал, что история все же идет своим чередом. Вести были о битве на Калке. Мое вмешательство, видимо немного, но меняет историю. Князья были разбиты на Калке примерно по тому же сценарию, как и в известной мне истории. Разница заключалась в том, что бродники не предали союзное войско, и князь Мстислав Киевский не поверил послам монголов и не вывел из обороны свое войско. Почему бродники — эти прародители казачества не предали русско-половецкие войска? Только одно приходит на ум — тот отряд, что был нами разгромлен у реки Сура. Скорее всего в иной истории те монголы, что были нами разбиты, имели отношение к предательству бродников.

Кроме того, монголы, вероятно, потеряли больше воинов, чем предполагалось, и могли не пойти в сторону Булгарии и тогда мои слова болгарским купцам обесцениваются. Также не произошло и серьезного побоища при переправе через Калку во время отступления половцев и русичей. Наверное, тот отряд, уничтоженный нами, также мог быть одним из тех, кто громил у переправы союзников. Котияр, половецкий хан, все же бежал в Венгрию и это так же изменения, так как он частично сохранил боеспособность и мог бы помочь своему зятю Мстилаву Старому Киевскому, но не сделал этого.

Василько прибыл не в Чернигов, как в истории, что я учил и преподавал, а в Киев. Видимо, из-за того, что ликвидация оборонительной позиции киевского князя заняла больше времени, ростовскому князю получилось успеть в древнюю русскую столицу. Между тем, пусть и с боями, но многие киевские ратники пробились через заслоны монголов и смогли добраться до Киева.

— Василько, князь Ростовский, готовит Киев к обороне и ему нужны вои. Сотня Гаврилы идет к Киеву одвуконь от каждого из вас нужны либо вои, или, — продолжал тысяцкий.

Любимый отрок-князь в опасности и Василий Шварнович, используя служебное положение, готовит помощь. А что могу я?

Встретился глазами с Филиппом и Андреем. Первый умоляюще смотрел, и в его глазах боролись страсть и долг. Андрей же излучал более импонирующие мне эмоции. Мол, «скажешь — пойду». Сам пойду! А еще нужно отправить наших новобранцев — не всех, но только самых ушлых и способных. Пусть походной жизни поучатся.

— Корней Владимирович, — прервал мои размышления тысяцкий. — Что ты дашь на поход?

— Три десятка одвуконь и пять телег припасов, — ответил я, принимая решение.

В зале установилось молчание, все смотрели на меня. Да, знали о школе, но все считали, что это блажь, игры подростка, которому тесть дал много вольности, в то время, как пороть его надо. А тут я даю больше всех воинов и еще сам их обеспечиваю.

— Токмо, тысяцкий, моя земля, обильна и богата, кабы не сбылось так, что вернусь, а земли то и нет, прибрали ее к своим рукам, — сказал я и обвел взглядом всех присутствующих, остановившись на Честиславе Вышатовиче.

— На том слово мое, да и ратных людей у тебя больше четырех десятков останутся, — нарочито громко сказал Войсил.

Все вновь с удивлением обратили свои взгляды на меня.

Выходя из зала, где больше часа было совещание, я шепнул Андрею: «Сегодня!».

План операции возмездия был составлен недавно, после неусыпной слежки за объектом. Принцип был, на мой взгляд, вполне с душком и юморком.

Вечером, как только начало смеркаться стали готовиться. Да дело шли четверо — я, Андрей и еще два его человека. Пошитые заранее маскхалаты предавали нам дополнительные возможности в маскировке. Да и не охраняемый стратегический объект брать будем.

Пробирались через нескошенную траву и поле, усеянное житом. Никого не было. У нас молодняк периодически объезжает поля, сами холопы организывают патрулирование после того, как я объяснил про сущность промышленного шпионажа и потребовал элементарное знание азов воинской службы. А тут — никого.

Высмотрев в бинокль усадьбу, я убедился, что баня, как это и планировалось, топится, и туда уже занесли кувшины толи с брагой, толи с медом. Пиво в здешних краях варили не охотно. Честислав Вышатович с завидным постоянством посещал баню, буквально, через день. И дело было абсолютно не в чистоплотности данного персонажа, а в плотских утехах. Две голых девки из холопок, да обильное питье — вот главные жизненные ориентиры соседа. А ведь жена и красавица, и умелица, несмотря на уже возраст «аж в тридцать лет».

Скажи тридцатилетней даме в XXI — м веке, что она стара — раздерут!

— Идет! — шепотом сказал Андрей, и два его сподручных с изготовленными луками,

вышли на заранее подготовленные позиции.

Их задача была отслеживать посторонних. Если кто покажется в поле зрения, то диверсанты должны будут их убрать, да тела в реку скинуть. Баня, как это и было часто принято, располагалась возле реки, а другая сторона строения выходила во двор усадьбы.

Выжидали больше часа, залегая в прибрежных кустах, рядом с припрятанной лодкой. По традиции, именно через час выбежит хозяин с девками, чтобы окунаться в речной заводе. Как показывала разведка, таких озорных выходов из бани будет еще три, но мы не собирались выждать еще два-три часа.

Сегодня соседка уже успел презрительно выпить, как и девок подпоить. Видимо, прелюбодей, стресс снимал, ведь ему придется скоро отправиться в поход, не оказалось у Честислава в должной мере припасов, чтобы откупиться от личного участия.

— Вышли! — сказал я, и мы приготовились.

С криками весело и задорно выбежал сосед, а за ним голые, покрасневшие девичьи. Окунулись и опять с криками, подстегиваемые пошлыми кричалками хозяина, побежали в баню.

— Пойдем, — скомандовал я, и мы выдвинулись на новую позицию.

Справа и слева от входа в баню были заросли травы там мы и должны были залечь и вслушиваться в происходящее, выбирая момент, когда хозяин начнет свое действие с одной из девок. Когда пьяные вскрики переменились тяжелым мужским пыхтением и женским повизгиванием я жестом показал Андрею на вход.

Резкий рывок двери и Андрей молниеносно бьет по затылку пыхтящего над девкой хозяина. Вторую девку в этот момент жадно пьющую медовуху, оглушаю я. Та же девица, что была удостоена особым вниманием боярина Честислава Вышатовича не сразу поняла, что произошло и продолжала эмитировать бурные эмоции удовольствие от соития с хозяином. Оглушаем и эту артистку. Как я и предполагал — детородный орган охайника застрял в момент проникновения.

Проверяю пульс — никого не убили, но могут быстро очнуться. Вливаем в горло девкам, и хозяину принесенный мною спирт. Почти литр чистого медицинского спирта — это для современных трех человек смертельная доза. Но не спиртом станем убивать. Он только для того, чтобы никто не очнулся. Мы, прикрыв оконце, начинаем растапливать баню как теми дровами, что были внутри, так и теми, что при последней вылазке позавчера принесли ратники Андрея и скинули рядом с баней соседа, в траву. Сыроватые, надо сказать, дрова.

— Уходим! — прошипел я и приоткрыл дверь.

Прислушавшись к тишине, резко вышел, открыв дверь ровно настолько, чтобы в нее протиснуться. За мной последовал Андрей.

Дело сделано. Завтра, а, может, и сегодня, найдут три трупа, голые и со следами разврата, будучи пьяными, угорели от печи. Позор соседу! Горе жене! Как еще уговорить батюшку Михаила, который бывает уж очень принципиальным, отпеть эту троицу. Хотя чего это мне уговаривать? Есть вдова, ее теперь это проблемы. Как-то жестоко получилось по отношению к жене почившего соседа.

Отход был обыденным, и без каких-либо приключений. А я все думал, не наследили ли мы? Опытные профессионалы из будущего могли бы раскрутить это дело по отпечаткам, по анализам крови и тогда уже опытный следователь смог определить и подходы и отходы, вот только тут это делать не станут. Тем более, что индульгенция на месть от тысяцкого получена.

— Ты где бродил? — спросила сонная Божана, когда я, вернувшись, пытался примоститься на супружеское ложе.

— Работал, любя моя, — сказал я, обнял и поцеловал жену.

— Ты пойдешь в поход? — задала вопрос жена и умоляюще посмотрела прямо в глаза.

Я не отвел взгляд. Все было и так ясно. Должен я, должен! Что за мужчина и боярин, если за спиной жены прячется? Да и съедало любопытство. Что я пока видел? Малый городок, строящейся Нижний Новгород, а хотел и на Владимир и, тем более Киев, посмотреть. Да и немного понять логистику и торговые отношения этого времени будет не вредно, если я собираюсь становиться производителем и купцом.

. *.....*.....*

Субэдей был задумчив, в его руках была уже пустая чаша, а сам богатур предавался меланхолии. Монгол уже выпил свой кумыс и прислужник — русич — ожидал, когда господин поставит свою чашу на стол, чтобы сразу же ее наполнить.

Уже прошло два дня, как закончилась битва и погоня у реки Калка. Он победил, как побеждал уже не раз. Но эта победа не радовала командующего. Бездарные князья не смогли объединить свои силы и потерпели каждый свое поражение. Богатур был уверен, что сила войска прежде всего в дисциплине, чего у русичей не было.

Субэдей устал, очень устал. Уже четыре года сплошных походов. Он хотел немного спокойной жизни, признания, а потом... Конечно, после он опять пойдет в поход. Монгол живет на коне и его дом там, где он поставил юрту. И сегодня, казалось, нужно радоваться и восхвалять бурханов, но он ностальгировал.

Судэдей вспоминал Даржигун — сестру, что стала ему матерью. Молодой воин когда-то пошел против закона монголов и оставил свой дом, несмотря на то, что именно он, как младший, должен был хранить очаг. Но это было сложное время, когда нельзя было спастись, отсидеться — все друг друга грабили и убивали. И тогда молодой воин пошел к Темучину — этому настоящему монголу, который смог прекратить внутренние распри и объединить рода.

И его имя, сына кузнеца, назвали на курултае среди восьмидесяти восьми знатных монголов. Он стал «Свирепым псом» Чингисхана, но Субэдей всегда хотел вернуться в свою юрту, где он рос, и где Даржигун пела ему песни. Может когда монголы выйдут к западному морю, он уедет домой.

Субэдей-богатур всегда учился и не считал это зазорным. Учился и в армии Чингисхана, и когда находился со своим отрядом в резерве, и во время разгрома меркитов у реки Ирғиз. Там, на реке, эти отступники сложили повозки, и было сложно их скovyрнуть, чтобы не подставится под вражеские стрелы.

И Субэдей уже знает, что произошло возле реки Сура. Там презренная мордва так же расставила повозки и смогла меньшим числом разбить лучший отряд, что был в распоряжении военачальника. Субэдей всегда бросал этих воинов на самые сложные участки сражения. Особенно ему было жалко сотни кешик. Эти воины были личным подарком ему, «верному псу» от Чингисхана. И никогда они не проигрывали. Почему воины кешик не растащили повозки арканами, как это сделал Субэдей у реки Ирғиз?

За день до начала битвы с урусами и пастухами-половцами ему пришло известие, что сто всадников дикой мордвы разбили триста воинов, которые выходили против тысячи и побеждали.

Это была вторая грустная новость за последние десять дней. Первой было то, что его

друг Субэдея, с которым он прошел сотни дней по степи, соратник Джебе, опрометчиво отправился навстречу урусам и погиб. Откровенно, а себе врать сложно, военачальник больше переживал за потерю отряда из кешик, чем от гибели побратима. Возможно, если Джебе оставался во главе тумена, то итог битвы у Калки вышел хуже — у войска должен быть один начальник. Но он и сам упустил момент полного разгрома этих могучих в поединке, но и слабых в большой сече, воинов.

Урусы разругались перед битвой, а половцы и вовсе не согласовали свою атаку. Несогласованностью врага мог бы воспользоваться в полной мере Батбаяр, славный монгол, погибший на Суре от ненавистной мордвы. Этот воин смог бы догнать своим отрядом отступающих князей и внести еще большую неразбериху в их ряды. Через Батбаяра шли и переговоры с бродниками и уже было согласование предательства этих странных вольных винов. Но он погиб. А те одиннадцать презренных баранов, что бежали с поля боя, пусть и для того, чтобы сообщить Субедею о смерти настоящего монгола, военачальник казнил. Монгол не бежит никогда! Отступить может, но не бежать.

— Хан, послы ждут твоих слов, — низко согнувшись, не смея поднять глаз, в юрту вошел помощник.

— А ты как думаешь, что нужно сказать послам? — спросил Субедей, наконец, поставив на небольшой столик чашу, которую сразу же наполнил русич, его, только лишь себе что на потеху, взял себе во служение победитель урусов. Ему льстило и откровенно нравилось, что воин урус, взятый в плен так либезит перед победителем. Значит, он сможет сломать и других урусов.

— У нас остался один полный тумен и помощи можем не дожидаться. В ближайшей степи еще есть монголы, но их нужно ждать. А урусы могут собрать новое войско, которое хан также разобьет. Но с кем ты, хан, вернешься к Чингисхану? Мы должны больше узнать об урусах, мы обязаны отомстить мордве и разведать болгар. Мой хан, еще много дел, чтобы с честью предстать перед Великим, — советник поклонился.

— Ты предлагаешь уйти? Но мы должны направить послов и если их так же убьют, как и раньше? Мы будем мстить? — рассуждал вслух Субедей.

— Да, мой хан, но они уже знают, что послы священны, мы их научили этому, а говорить нужно о вине за убитых послов. Каждого убитого посла по весу серебром. Если откажутся — жечь их села. По данным пленников, у нас есть три-четыре недели и могут подойти войска владимирского князя, да и другие князья не дадут молодому Василько долго быть в Киеве, туда придут с воинами другие правители. У них может оказаться больше воинов, чем у нас, но они не выйдут за стены городов, а мы разорим округу, — советник вновь поклонился.

— Это и донеси до послов. Ступай и прирежь этого руса, он много слышал, — сказал пес Чингисхана и отпил кумыса.

Глава 9 В КИЕВ И ОБРАТНО

Глава 9.

В КИЕВ И ОБРАТНО.

На следующий день совещания и консультации повторились. Я уходил в поход и нужно было дать четкие указания по управлению. Хотел дождаться возвращения Жадобы и Шиноры, но видно, не судьба. Ермолай оставался на хозяйстве. Его свадьбу сыграют без меня, отменять и переносить венчание уже нельзя, потому как скоро у Белы будет виден живот, а это уже позор.

В поход берем самых способных новобранцев, всего семнадцать человек. Определили и науки, что будут в наше отсутствие проходить новики.

Жаль, что уже готовая механическая прялка, как и горн и стекольное производство не запущены. Но пока будем накапливать руду и шерсть, так же собирать еще две прялки. По строительству решили часть артельщиков направить на обустройство пристани, где предполагаем делать склады, амбары, хозяйственные и административные здания. Проект уже обсуждался, и было выделено даже место для ярмарки, которую я планировал провести в сентябре-октябре, сразу после сбора урожая.

Жадобе задания так же будут. Хотел его направить налаживать отношения в Новгороде Великом. Пусть на кораблях, пусть пешком, но сидеть в поместье и хулиганить — нет! Ушкуйников нужно занять делом. Хотел было взять с собой Юрия, но Божана стала в такую стойку, что проще было отказаться от затеи. В процессе нашего эмоционального разговора, я дал два года на бабье покровительство, а после Юрий пойдет в воинскую школу.

Выезжал из поместья в Унжу с сожалением. Столько дел, а я гуляться! Не пойдут же монголы в Киев. Но как отказаться от похода тогда, как я только стал зарабатывать авторитет в своей же школе?! Были и другие причины — торговля и расширение кругозора.

Возле города уже виднелись повозки и люди. Был там и Войсил, дающий распоряжения Гавриле.

— О, зять пришел, рать привел! — усмехнулся тесть.

— По здорову ли Василий Шварнович? — я уважительно поклонился.

— По здорову, Корней, спаси Христос. В баню с девками не бегаю, кабы упиваться там от трех чаш меда, бавленого водой, — сказал тысяцкий, прожигая меня своим взглядом.

Пауза после слов Войсила длилась долго, но, я, как и тесть, взгляд не отвел. Ну, узнал Войсил о безвременной кончине купчины-извращенца, так сам же и дал индульгенцию на месть!

— То Бог покарал, — сказал я и ухмыльнулся.

Сборы заняли еще час, по истечении которого, мы отправились в дорогу, сразу же задав вполне резвый темп передвижения. Не все имели двух коней, да и повозки подтормаживали, думаю, кони, как и люди, от такой скорости устанут быстро.

В дороге размышлял, что главной целью похода для меня будет попытка налаживания связей в южных княжествах, а так же приглашение купцов на ярмарку. Сделаю такое торгово-развлекательное мероприятие, что все те, кто будет этой осенью в поместье, в следующем году станут с нетерпением ожидать нового торгово-увеселительного действия.

Мы споро двигались и, на удивление, кони не так и уставали, как я это прогнозировал. Чередуя верховую езду с отдыхом в повозке, я практически не ощущал усталости. Все же мой

шайра более выносливый зверь, потому как повозка шла бойко.

Бывало, что япо утрам и бегал несколько километров вдоль нашего каравана и обратно. Есть возможность для физических нагрузок — буду пользоваться.

Старшим походного поезда был назначен Гаврила, но мне удалось договориться с ним, чтобы мои новики будут по ходу движения учиться, в том числе и у городской сотни. Мы отработывали дозоры, посты, разведку, охрану обозов. На стоянках были постоянные тренировки и ни грамма хмельного. Чтобы сильно не выделяться, разрешалось выпивать только старшим воинам, немного, перед сном, если не в дозоре.

Споро добрались до Суздаля, и уже тут я увидел, как и чем отличается наш погост и бывший великокняжеский город. Мощные улицы, гостиные дворы на выбор, а не грязь трактирная от пышки Милы, каменные церкви, которые сразу же превращают городище в полноценный город.

От Суздаля до Владимира было еще меньше расстояния, чем мы проделали, и в походной суете даже не заметил, как открылись стены стольного града. Да, это не был город XXI века, и жителей тут было вряд ли столько, сколько проживают в одном микрорайоне мегаполиса будущего, но это была Столица. Множество домов, усадьбы прямо в городе, каменные остовы детинца и еще две стены на территории города, Успенский собор выделялся величием и показной «столичностью». Прожив уже больше трех месяцев в ограниченно населенном районе Руси, я именно здесь увидел потенциал русского государства. Если бы одна рука собрала все территории, эта держава уже к следующему веку обогнала в своем развитии все страны, как минимум Европы.

Во Владимире к нашей колонне присоединялись другие отряды. Там же Глеб Всеславович возглавил поход, и к нам прибавилось еще больше двух сотен ратников. Это уже была серьезная сила.

Еще я исхитрился встретиться с венецианцами — теми, что оптом скупили мои зеркала. Их я тоже пригласил на ярмарку и пообещал, что найду, чем удивить. Было смешно наблюдать, как европейцы пытались меня подпоить и разговорить. Пришлось поставить их на место и определить правила честного сотрудничества. Венецианцам не терпелось выехать в Херсонес, а после домой, чтобы торговать уже там. И зеркала, наверняка играют в этом желании не последнюю роль. Но, ярмаркой заинтересовались.

После Владимира, другие города Руси меня мало впечатляли и слились в один характерный и типичный древнерусский город. Единственно, я очень хотел попасть в черниговский Козельск, который так мужественно сопротивлялся монголам в той истории, но мы прошли этот маленький городок стороной.

В Киев входили уже в сумерках, но, свое впечатление об этом великом городе я составил. Киев — это так же столица, но город очень отличается от Владимира. Прежде всего, это степенность и некая высокомерность, как образа города, так и его жителей. Наверное, чем-то подобным был Рим в период падения империи. Это еще великий город, но уже почивающий на прошлых успехах и победах. Владимир же был молодой, голодной до свершений столицей. Деятельной и развивающейся.

Киев кипел, казалось в нем больше ратных людей, чем простых жителей. Может, так оно и было. По дороге мы встречали немало обозов, устремленных от города, и это были обыватели. А вот в сторону древнерусской столицы шли вооруженные люди, как правило, малыми группами. Позже я еще и узнал, что Василько, который ранее единственным князем в городе, раздал оружие киевлянам, тем, кто мог его держать. А взявший бразды правления в

свои руки, выживший на Калке, Мстислав Удалой, который прибыл несколько дней назад в столицу Руси, не рискнул отменять популярное в народе решение о раздаче оружия.

Глеб Всеславович уехал, оставив нас в пригороде. Спать пришлось на земле, но перед тем, как ложиться отдыхать, мы спешно начали обустривать импровизированный лагерь, огораживаясь повозками и выставляя дозоры. На следующий день вернулся Глеб Всеславович в прескверном настроении.

— Вчера от татар прибыли послы, — начал рассказывать командующий нашим поездом. — Замиритесь хотят. Мстислав Удатный начал лаяться с послами, токмо Василько меч поднял на великого князя и вызвали послы, а Мстислав собирает своих и иных воев под руку свою, дабы бить Василько.

— Так пошли до князя Ростовского, нужно стать рядом с ним, и уже самим бить Удатного! — высказался Гаврила и я ужаснулся.

Стать участником очередной смуты и междоусобицы? Мало били этого Мстислава, так он опять права качает? Послов монгольских уже один раз убили, потом тот, кто прозван Удамым, бежал и пятки его сверкали. А сейчас пришел в Киев и опять за свое.

— Нельзя раздор чинить на Руси, — сказал я. — Идти к Василько нужно, но не для того, чтобы биться, а чтобы послов провести в стан татарский.

На все собравшиеся развернули головы в мою сторону. Я был уверен, что нужно вывести монгольских послов из Киева. Монголы еще одно оскорбление не снесут, даже, если и силы их сейчас подорваны. С иной стороны, у русичей так же не особо людей для защиты Киева. В любом случае, даже, если Субэдей уйдет, но смерти послов не простит. И тогда можно ждать степных гостей уже через год-два, а не по прошествии четырнадцать лет. Нужно выиграть время для Руси, для себя выиграть. Мне лет десять нужно — минимум.

Насчет противостояния князей, я был уверен, что Мстислав Удалой не пойдет на обострение конфликта. Свой бой он уже проиграл и сейчас демонстрирует только бессильную злобу. Войск, верных Удалому, в Киеве меньше всего, тут больше тех, кто прорвался из блокады Мстислава Киевского Старого. Даниил Романович же спешно, если не сказать большего, увел своих ратников на Запад. Так что при желании, можно Василько и Киев занимать.

Решили идти к князю и уже там решать, а, скорее, узнать волю княжескую.

Василько занял в Киеве Подол, куда и вывез послов, войско Ростовского освоило и укрепления возле Бабьего торга. Удалой располагался на Замковой горе и тем самым создавалась патовая ситуация. Атаковать детинец города — не лучший вариант, даже, если и сами киевляне поддержат ростовцев. Жители Киева вообще не были в восторге от того, что в городе много разных войск и, как следствие, могут быть стычки — у них же тоже оружие из городских арсеналов. На мой взгляд, нужно выводить послов и самим, с посланниками Субэдея, отправляться в стан монголов. Пусть уходят степняки!

Пробраться на Подол оказалось не сложно. Отряд из трехсот конных внушал опасения всем окружающим, тем более, что к нам то и дело присоединялись и другие малочисленные отряды, состоящие из киевских воинов, что вырвались из мясорубки, которую устроили монголы на Калке. Оказалось, что часть киевских ратников, особенно тех, что были в почтенных годах, некогда ушли из владимирского княжества после смерти Константина, отца Василько. Они высказались за то, чтобы быть рядом с тем князем, чей отец вел их в битву под Липой и многие лично знали Глеба Всеславовича.

Молодой, высокий, стройный и по-мужски красивый, несмотря на юный возраст, князь

сам, в сопровождении отряда, вышел к нам навстречу. Глеб Всеславович спешился и поклонился князю, который так же не остался в седле а, лихо выпрыгнул из седла и обнял своего друга.

— Рад видеть тебя! — сказал князь мальчишеским, звонким голосом.

— Спаси Христос тебя, князь. Вот привел ратных людей от Василия Шварновича и от себя. Возьми во служение! — произнес Глеб Всеславович и вновь поклонился.

— Не знаю, что делать, дядька. Не гоже з Удатным ратиться, когда ворог у границ Руси, но и убить послов не дам! — произнес князь и посмотрел на уже пожилого верного не подчиненного, но соратника.

— Мы держали совет и просим тебя, князь, доставить послов в стан татарский. И самим послами быти желаем, — торжественно произнес Глеб Всеславович.

Молодой князь задумался. Он прекрасно должен понимать, что в поле против монголов не выстоит. В городе, дать бой степнякам, когда Мстислав закрыл Замковую гору, так же не силах. Но и монголы, как ему уже сказали, потеряли много воинов и не готовы к длительному противостоянию. Он же не сделал ничего дурного степнякам и может рассчитывать на договороспособность Субэдея. Но вопрос с послами нужно решать, как и с Мстиславом тоже нужно что-то делать.

Увидев сомнения юного князя, я решил выступить с предложением.

— Князь дозвожь слово молвить, — обратился я к Василько и глубоко поклонился, ожидая реакции князя.

Ростовской правитель скользнув по мне взглядом, но я не особо его заинтересовал, чего не скажешь о моем коне. После князь всмотрелся на мой доспех, всем своим видом выражая непонимание. Только после двухминутной паузы Василько кивнул, разрешая продолжить.

— Мы отвезем послов Субэдея обратно, нужно виру собрать для татар. На то люду киевскому сказать, — начал я говорить, но князь жестом руки остановил меня.

— Как собрать? Серебра у меня нет, а люди киевские не дадут! — размышлял вслух Василько.

— А давно ли киевский колокол вечевой людей собирал? Пусти гонцов по Киеву людей привезти на Падол, а ты, княже, и скажи им, что боронить Киев будешь, коли татары слово не сдержат. Но, коли соберут киевляне серебро, так легче будет откупиться от татар. Соберут, князь, свой живот всяко важнее серебра! — сказал я и внимательно начал наблюдать за реакцией князя.

Вначале на лице князя читалось сомнение, после оно сменилось пониманием, а дальше пришло озарение. Быстро последовали распоряжения, которые выдавали в юном человеке зачатки хорошего администратора и военачальника. По Киеву поскакали небольшие отряды, а уже через минут десять зазвенели колокола вначале на одной церкви, а после от звона уже закладывало уши.

— Кто ты? — обратился ко мне ростовский князь.

— Я Корней Владимиров сын, Кирилл во крещении, зять Войсила, — начал я представляться князю, рядом с которым особым интересом светился ратник лет двадцати пяти-тридцати.

— Ты зять того мужа, что мне служит! А это сын Войсила! — сказал князь.

Я уважительно поклонился тому ратнику, что был похож на Войсила и пристально меня рассматривал.

— По здорову ли Великобор, сын Войсила? — спросил я обращаясь к ратнику.

— По здорову, боярин! — ответил Великобор, но не стал развивать тему.

— Знаю я, что дочь брата Василия Шварновича полонили, а ты муж ее теперь. Добрый зять у Войсила, конь знатный, брони крепкие и мастерские. Пойдешь с Глебом и Великобором в посольстве к Субэдею! — сказал Ростовский князь.

— Пойду, князь, и монголов я немного, но знаю. Уйдут они, но вернуться через десять — пятнадцать лет, — решил я закинуть камень в озеро сомнений и размышлений.

— То мне уже говорили, — ответил князь и отвернулся, всматриваясь на потоки людей, что собирались на торжище.

Киевляне, взбудораженные всеми событиями, только привыкавшие к спокойной жизни, воевать не хотели. А то, что их родной город может стать ареной противостояния двух князей, один из которых вроде бы статуснее, но у другого сила и больше правды, никак не вселяло оптимизма.

Вече прошло бурно и, как и должно проходить такое мероприятие, бестолково. Но решение об откупе было принято и уже через три часа было собрано серебро. Думается, что предлагаемая сумма для откупа не стала чем-то большим для зажиточного города. Вот сколько его не грабили, а люди живут в достатке.

Мы, выбранные послами, отправились ко псу Чингисхана. Интересно, но ни один из киевлян не изъявил желания идти с нами.

Дорога была не сильно долгой и уже через полтора дня мы встретили первый дозор монголов. Действительно, они уже топтали русские земли и Субедей, наверняка, хотел показать, что пойдет и дальше. Ярлык послов, присланных ханом, был серебряный, и я вспоминал свой золотой. Возникал вопрос о том, что может золотой ярлык, если ханские послы имели только серебряный? Сколько ни думал о том, кому мог принадлежать артефакт, так и не получалось представить этого статусного человека.

Братъ же золотой ярлык с собой — безрассудство. Так как встречные монголы должны были при необходимости даже отдать своего коня обладателю такого сокровища и проводить к хану. Нам такие почести не к чему. Спросят же, откуда сей предмет?!

На следующий день мы прибыли в стан монголов, которые, было видно, ожидали нас. Посольству делали форменную показуху. Были сложены метательные машины. С первого взгляда было понятно, что их собирали ночью из свежих деревьев, да и такая конструкция была незавершенной. Так же нам попадались только воины в полных доспехах и богато одетые. Нарочито много было и котлов, как раз к нашему присутствию, наполненных мясом. В целом, хитро, но сильно уж чопорное исполнение.

— Приветствую тебя, о, свирепый пес Великого хана, объединившего степь, — высказался я.

Долго же мне пришлось уговаривать всех, чтобы я начал разговор. Выслушал, что и не по чину, и что слушать меня не станут и сочтут за оскорбление. Пришлось даже парировать тем, что лично монголы и не знают ни Василько, ни его окружения. И по сути, как назовемся, так нас и воспримут. А одет я богато, даже на всякий случай нацепил и разные побрякушки. Так что выглядел новогодней елкой.

Поднятые брови Субэдея, казалось, увеличили узкий разрез глаз.

— Пусть добрые боги бырханы дают тебе силу, твоим сыновьям, стада и теплую юрту, — продолжил я и низко поклонился. — Великий покоритель меркитов!

Субэдей не выдержал и встал на ноги, начав расхаживать в юрте взад-вперед.

— Кто ты? И откуда знаешь обо мне? — перевел слова ханского военачальника толмач

из монголов, или родственных им племен.

Интересно, а среди русичей есть знающие монгольский? Монголы в этом времени достойны всяческого уважения, как, впрочем, они достойны и поражения от русских.

— Я Корней, сын Владимира. Мой отец воевал с мусульманами — врагами вашими в Сирии. Был я и в Иране, куда бежал ненавистный тебе Мухаммед-шах. Знал я о тебе и от твоих врагах, с которыми на поле ратном ты смело бился, и от венецианцев, с которыми ты говорил. Великий воин и богатур, великая честь для меня быть с тобой в одной юрте, — произнес я и краем глаза посмотрел на недоуменные взгляды как моих соплеменников, так и переводчика.

После того, как толмач перевел мои слова, Субедей рассмеялся.

— Вот как русич говорит! Краше иного монгола! Кабы не видел тебя, подумал, что мудрец разговаривает со мной, но ты юн, — сказал монгольский военачальник и пригласил всех к столу.

Испив кумыса, от которого не скривился только я, мы начали, по сути торг. Субедей вначале захотел вывести наше посольство из себя, чтобы мы нервничали и совершали ошибки. Он предложил платить дань монголам и войти в его войско, чтобы покорить мир. Увидев жесткие лица у всех русичей, а у меня улыбку, сын кузнеца рассмеялся. После он попросил уже показать мой доспех, и я ожидал самого плохого, но мне вернули его, спросив о том, урусы ли произвели такие брони? Я же, естественно, сказал, что — да. Пусть лишний раз подумает нападать ли на Русь. Была относительно непринужденная обстановка, пока не влез со своими предложениями приближенный Василько, имя которого я даже и не спросил. Вот молчит же сын Войсила — умно молчит! Чего вмешиваться в разговор?

— И когда хан уйдет уже с нашей земли? — спросил «посол».

Судебей жестко посмотрел на осмелившегося дерзить в его юрте и начал говорить:

— Земля твоя только та, что защитить можешь, или та, что дарована Великим ханом. Так в степи было, так и у вас заведено. У нас Великий хан, он сильный и объединил всех монголов, а кто у вас Великий хан? Ханы есть, а великого, нет — то неправильно. Придет мой господин и у вас появится Великий хан, тогда правильно будет.

Спрашивавший русичь побагровел и стал выходить из себя, но я перехватил инициативу, расхваливая юрту и коней великого воина и богатура. С трудом, но удалось отвлечь внимание Субедея, в то время, как Великобор успокоил нашего горе-посла.

За витиеватостью слов и жестов стоял прагматизм, и мы через окружные пути пришли к заключению, удовлетворяющего всех. Удивило меня то, что Субедей так, между делом, предложил покарать мордву, утверждая, что и русичи воевали с ними ранее, вот можно вместе и покорить их. Его осведомленность была уникальна, как и моя, но я-то владею послезнанием! Субедей же использует систему разведанных. Обещали подумать. Нам на этой волне вероятного сотрудничества удалось снизить виру за убитых послов до трети от того серебра, что было собрано. Конечно, никто не собирался вместе с монголами воевать, но и проявлять сейчас агрессию, не стоило точно.

Договорились, что уже через два дня Субедей покинет пределы Руси и обязуется ее не грабить. Добиться того, чтобы взять слово не приходиться на Русь, хотя бы пятнадцать лет, не получилось.

Когда уже посольство выходило из юрты, Субедей обратился к своему советнику, указывая на меня.

— Его доспех легкий и прочный, его сабля из хорошей стали, его слова мудры. Кто этот

человек, я не знаю, но он может стать достойным противником. Он еще молод и будет учиться, а я буду стареть... — философски сказал Субедей.

. * * *

В Киеве наши отряды встречали, как триумфаторов. Еще на подходе несколько сопровождающих нас людей ускорились и понесли вести о результатах посольства. Мне было странно, когда все безоговорочно поверили договоренностям с монголами. Допускать, что завоеватели обманут, никто не хотел. Я понимал, что шанс обмана минимальный, но он есть.

Субедею нужно зализать раны и еще вернуться в Хорезм и не факт, что без боев. Тех же болгар он обязательно попробует пощипать. Выхода нет — к югу степь жгут половцы со своими союзниками и только вдоль кромки границ Булгарии смогут пройти степные монгольские войны.

На Подоле нас встречал князь Василько и был он в прекрасном настроении. Думалось, что не только возвращающееся посольство его радовало.

— Спаси Христос! Вернулись и вести хорошие принесли! — с такими словами князь ростовский встречал наше посольство.

— Мне уже казали про то, что ты, боярин, Корней Владимирович, слово держал, и хан татарский дюже в думах пребывал от сказанного тобой, и наряд взял наш, да и серебро сберегли частью, — хвалил меня Василько.

— Служить тебе, князь, и Руси, честь и правда моя! — ответил я.

— Добро, сладки и правильны твои слова, — сказал Василько и ушел.

Мои спутники имели разные диаметрально противоположные реакции на мой разговор с князем. Большая часть завистливо поглядывали, но двое — Глеб Всеславович и Великобор смотрели с уважением и некоторым отеческим одобрением.

Веселое настроение ростовского князя так же было связано с первым раундом переговоров с Мстиславом Удалым. Запершись на Замковой горе, этот князь не сразу обнаружил пустые амбары и склады, где должна была храниться провизия на случай осады. Потеряв свои обозы на Калке, он не мог прокормить даже поредевшие ряды своего воинства, и пошел на переговоры. Василько же, с чувством исполненного долга, наверняка, хотел уходить из Киева. Борьба за киевский стол — гиблое и кровавое дело! Да и не по чину Василько, найдутся князья иные. Да и брат такой Киев — смерти подобно. Останешься без шансов, чтобы прокормить город и навести в нем порядок. Поэтому Василько торговался за то, чтобы вывести свои обозы, отяжелевшие от методического разграбления всего, до чего дотянулись руки ростовчан.

Когда обе договаривающиеся стороны хотят одного и того же, договор не заставляет себя ждать. Уже на следующий день из Киева начала выходить огромная веретеница обозов и ратников. Древнюю столицу Руси покидало больше воинов, чем входило в состав владимирской дружины. Сотни бывших ратников погибшего Мстислава Старого Киевского решили примкнуть к Василько, особенно вспоминая те раздоры, что у него были с новым хозяином города. Они забирали не только свой скарб, но и имущество и семьи тех ратников, что остались вечно лежать в Диком поле. А по совести, так и не только это имущество прихватили. Грузные колонны выходили из Киева.

Умудрился и я прибарахлиться — закупил тридцать метров шелковой ткани. Обошлась она дорого, но намного дешевле, чем стоила бы в мирное время. Купцы стремились сбыть свой товар и уехать из беспокойного города, жители которого оставались вооружены.

Была у меня мысль и помородерить. В этом времени — мысль вполне нормальная. А в будущем слышал, что в районе предполагаемой битвы находили несколько мечей. Оружие и любая сбруя — нам только в плюс. Ведь с поля боя отошел и Субэдей и он не успевал собрать все оружие убитых русичей, как и доспехи. Но я, посоветовавшись с Глебом, решил идти со всеми, тем более, что друг Войсила утверждал, что несколько отрядов отправлялись на разведку и принесли много железа. Часть этого оружия я думал выкупить.

Шли медленно, и колона растянулась на пять-шесть километров. Шло, казалось, тысяч пять тысяч человек, из которых только десятую часть составляли сами ратники. Все веселились и ликовали, но наш отряд держался особкой. Было у нас и охранение и учение. А на мои лекции по тактике ведения боя вскоре начали приходиться и десятники со всего войска. Так что собирал я до сотни слушателей, пока не составил график занятий.

Можно ли считать меня гением войны? Нет, конечно. Я рассказывал и анализировал военные тактики и стратегии словами исследователей будущего. К примеру, фланговый обхват Ганнибала при Каннах, или Гальские войны Цезаря со строительством полевой фортификации. Сколотили и доску, на которой я углем рисовал схемы.

Через три дня полевых лекций на стоянках начали даже экспериментировать, устраивая практические вариации на теоритические выкладки. К веселью присоединился и князь Василько с Глебом Всеславовичем, который становился чуть ли ни правой рукой ростовского князя, оттесняя и воеводу и соглядатаев владимирского великого князя.

На стоянке, что была выбрана для ночевки, поставили вагенбург. Классический, насколько я это понимаю, не получился, а вновь лишь связанные повозки. Еще поставили заостренные ежи в метрах семидесяти.

Все фортификации, их задачи, я объяснял князю и его свите. Рассказал и о возможном рве с валом и больших копьях, которые выдвигались бы в щели щитов вагенбурга для остановки коней. Говорил и о возможных волчьих ямах при достаточном времени для оборудования позиций, а так же о колючей проволоке по периметру и разлитой горячей смеси, что можно поджечь из укрытия. Много мои слушатели и так знали, но системы противостояния коннице, которая вырабатывалась только в последующие века, например в гусистких войнах, не понимали.

Представление началось. В вагенбурге было тридцать человек из тех, что пришли со мной и еще десять выявили желание посмотреть изнутри на действия защитников. Мне уже говорили, что выставлять повозки не ново для русичей, но это не используемая тактика, по крайней мере, часто.

Конница из трех десятков начала степенную и грамотную атаку. Вот перешли на рысь, и строй стал казаться монолитным. Накатывается, казалось бы, несокрушимая сила вооруженных рогатинами воинов. Вот переходят за метров сто пятьдесят до укреплений на галоп, но вскоре кони вздыбились и отказались идти на ежи, а из вагенбурга стройно начинают стрелять арбалетные болты и стрелы без наконечников, с тряпицами на острие, что снижает баллистику, но град стрел окончательно останавливает нападающих. Потом споро открывается проход из вагенбурга, и защитники становятся в две линии, где первые с сомкнутыми щитами, а сзади копейщики. Они делают слаженные десять шагов, и командующий всем этим представлением Андрей останавливает учение.

Все находятся в некотором недоумении и начинают обсуждать, что можно было стрелы пустить, что нужно было спешиться и растащить ежи и тогда все будет кончено для защищающихся, что это трусливая тактика, не достойная война и так далее.

— В бою нужно бить врага разумом, — говорю я и спешу к своим защитникам, чтобы дать указания разбирать сооружения.

Уже на бегу понимаю, что немного становлюсь заносчивым и высокомерным. Взял на вооружение чужие достижения и сейчас кичусь своим талантом военачальника. Но, ничего, переживем. Лишь бы с пользой для дела.

Остаток пути домой был в бесконечных разборах тактики действий против конницы. Рассматривали и принципы испанской терции, что еще не появилась, линейного боя, ударов и наскоков, разведки, оружия и амуниции, медицинской подготовки ратников или выделение одного ратника на десяток с умениями оказать первую помощь и многое другое.

Отношение ко мне было разное, но все больше людей, подражая любопытству ростовского князя, расспрашивали и высказывали свое видение, относительно поднимаемых вопросов. Жалели бывалые ратники и новиков с их наставниками, которые постоянно тренировались, бегали, ходили в разведку и упражнялись, как только была возможность. К концу, на этот раз долгого, перехода, я уже начал замечать зачатки сплоченности и дисциплины, как у новиков, так и их наставников, которых держали в узде Филипп и Андрей. А я думал, что нужно четко разделить полномочия между двумя лидерами, чтобы избежать вероятного конфликта интереса между этими людьми.

При подходе к Владимиру меня вызвал к себе Василько. В шатре были приближенные к князю люди, Глеб Всеславович и с десяток других, в которых я узнал десятников и ратников, что проявляли больший интерес к занятиям, проводимым в походе.

— Вот, Корней Владимирович люди ратные, что к тебе просятся идти воинской науке научиться и учить новиков, — князь сделал паузу, выжидая моей реакции.

— Кто голова над ими? — задал я закономерный вопрос.

Если у меня таким образом хотят отжать школу, то пусть с ней и возятся, но вначале сами ее и построят. Мой учебный центр, все здания, тренажеры, полоса препятствий, полигон — я не отдам никому. Деньги вложены большие, запасы продуктов, да и все планы порушатся.

Князь Василько задумался. Через некоторое время, никакого решения не высказав, князь начал шептаться с приближенными. Только через минут пять озвучил свою волю.

— Головою быть Глебу Всеславовичу. Когда войдешь в силу — головой быть тебе! — сказал князь и посмотрел на Глеба.

— Глеб Всеславович станет тысяцким и может давать мне советы, а в походе учить будет меня. А голова в школе воинской есть. Если ты, князь, помощь школе решишь оказать, то противиться не стану. Но школа на моей земле и я уже вложил серебро в то, чтобы она была. Помочь можно и тем, чтобы прислать ратников, — я покосился на собравшихся кандидатов на поступление в школу.

— Унжа имеет тысяцкого, — задумчиво сказал Василько. — Мы уже держали совет с Великим князем, чтобы Василия Шварновича посадником назначить, а, стало быть, тысяцким может стать Глеб Всеславович. Земля твоя и школа твоя, однако ж дядька Глеб — муж зело мудрый, и совет с ним держать обязательно. Ратников будет две сотни и еще полсотни. Сотников нету, потому назначите сами. Зерна и мяса дам. Земля этим летом уродит добре.

— Еще плотников и зодчих нужно, чтобы избы ладить, — я решил воспользоваться моментом и сторговать еще больше преференций.

А если строители будут оплачены — вообще красота! Мне еще ладить гостиницу, дома

постоялые, ярмарку организовывать, ткацкий цех.

— У тебя и так три артели строителей! — удивился князь.

— Где детей и жен ратников селить? Где скотину, да коней, что они гонят, размещать? — начал я перечислять вероятные проблемы и заметил довольные взгляды десятников.

Князь согласился. Уж не знаю, почему, но почти все, что я просил, мне обещали.

Познакомившись и поговорив с десятниками, я немного успокоился. Они понимали, что их ждет — все видели и оценили дисциплину, видели они и рацион питания, когда мои десятники чуть ли не заставляли своих подопечных мясо с кашей доедать. Да и сами ратники, даже новики, обросли мышцами и выглядели удалыми молодцами. Оружие приглянулось так же, особенно мои арбалеты. Пришлось подарить один арбалет Василько, но ничего не попишешь.

Во Владимире нас всех согнали к Успенскому собору, где, начиная с меня, так как Глеб Всеславович оказался не с нами, стали целовать крест на верность в службе князю Юрию Всеволодовичу. Удивительно, но четыре ратника, наиболее старшие, отказались целовать крест и удалились с площади. Великий князь светился от радости. Три сотни бойцов поступали в его распоряжение и он пока что не вкладывает в них ни одной куны. Все учатся вдали, едят вдали, а на службу придут по первому зову.

На радостях великий князь и спросил меня, чем он сможет помочь, я же и отвечивал. В этот раз кроме коней, овец и коров, я просил фруктовых деревьев. Князь, демонстрируя показную заботу, в моем присутствии, приказал собирать два корабля для отбытия в Унжу с овцами, зерном и тканями.

Почему я так много прошу зерна? Предполагается же, что своего будет в достатке? На продажу можно выставить, но я собирался заняться самым прибыльным бизнесом в России — алкоголем. Виски солодового, да вина хлебного к ярмарке надо будет много. И торговать ими я стану и в лечебных целях и для гигиенических нужд использовать, а там и парфюм надумаю делать. Постараюсь наладить продажу алкоголя свейм или иным немцам.

Входили в Унжу прямо-таки победителями. Немногочисленные жители разрастающегося городка встречали нас, как будто полмира уже у наших ног. Вышел и тысяцкий града Унжи — Василий Шварнович. Тесть обнялся со своим другом, тысяцким воинской школы, Глебом Всеславовичем. Многочисленная прибывшая публика была с женщинами и детьми. Было много людей. После этого похода произошло увеличение численности населения в поместье почти вдвое. Куда только всех селить?

— Это как же так? — возмущился было Войсил, но Глеб Всеславович протянул пергамент своему другу и тот углубился в чтение. — И как это? А где строители? Куда селить их?

Войсил ворчал, задавал вопросы больше себе, чем кому-то.

Нашли и куда расселить и все порешали. Частью прибывших расселили в гостинном дворе, который уже был взят под патронаж городских властей, частью смогли стать лагерем под городом, им были отданы все имеющиеся шатры. Частью я забрал себе, так как, еще уходя в поход, сказал ставить избы в новом поселении, оказалось — план перевыполнен на четыре дома. В эти жилища я заселил восемь семей десятников. Да, тесновато! Но после отстроимся.

Казарма была рассчитана на двести человек, а проживали в ней постоянно меньше семидесяти. Поэтому все несемейные ратники пошли жить туда. Десять семей еще

распределил по поселкам, и проблема временно была решена. Под предлогом необходимости строительства направил сразу и десятников и новых ратников в лес за стройматериалами.

Игры закончились и потешные полки, просуществовав месяц, становятся гвардейскими. Только до конца не понятно кто император и кого эти полки призваны защищать.

. * * *

Правы те, кто говорит, что экономика — «кровь войны». Вот чего стоило мне месяц назад расселить огромное количество людей, дать им пропитание, а воинов начать встраивать в систему обучения воинской школы? Больших трудов! И справиться со всем этим я бы не смог, если не действительная помощь полковника — так я начал называть тысяцкого Глеба Всеславовича, чтобы отличать от тысяцкого городского, которым оставался Войсил.

Василько и Юрий проявили волю и существенно помогли. Во-первых, из Новгорода Нижнего пришел караван из шести судов, в которых были в основном строительные инструменты и материалы, а так же прибыла еще бригада строителей. Теперь уже все поместье превратилось в сплошную стройку.

Вышло у меня и купить земли соседа, «позорно почившего на девке срамной во хмели». Вдова Честислава, как и дети, не выдержали отчуждения и явного позора и решили уехать. Они продали свое поместье Войсилу, а тот сторговал уже мне. Я так и не узнал сумму сделки тестя, но мне он «загнал» поместье с людьми за четыреста тридцать гривен. Дорого, да только у меня хватало серебра. Последняя ревизия показала мое состояние примерно в 5 200 гривен. И это очень много! В учет суммы не шла земля, холопы и дома. Это только наличность! Правда я постоянно менял серебряную посуду на гривны, так как не сильно то и стремился к роскоши.

Огороды радовали. Удалось мне насладиться и огурчиками, и зеленью. Ягоды скупал у населения. Задешево покупал, но и дети теперь смогли свою копеечку заработать. А бабы целыми группами пошли в леса за ягодами. Жаль, грибов пока было мало.

Ягоды я использовал для... настоечек. Наконец, собрал самогонный аппарат и гнал как солодовое виски, так и настаивал ягоды. Не пробовали здесь еще крепленых напитков. Думаю, зайдут. Спаивать население я не собирался, и продажа людям пока была под запретом, но на ярмарке я открою закрома и надеюсь на этом и заработать.

Еремей и Бела поженились и уже обживали новую избу, рядом с которой шло строительство прядильного цеха. Бела оказалась замечательной кандидатурой на должность управляющей прядильной мастерской. И опять оказалось некуда применить Симеона, которого я прочил на эту должность. Бела раньше, чем Божана освоила науку работы с механической прялкой, которых было уже четыре.

Свадебным подарком от меня Беле стало десять метров шелка, взятого в Киеве, чему жена Еремея была невероятно рада. Такой же подарок получила жена Филиппа и Мышана, готовящаяся к замужеству с Андреем. Последнего мне вначале пришлось уговаривать жениться, сильна была у него память об утерянной семье, но после близкого знакомства с управляющей, воин-характерник приходил и благодарил.

Святой отец Михаил так же стал благоволять мне. Такое расширение паствы не могло не льстить священнику, а строительство каменной церкви, хоть и шло со скрипом, но не останавливалось.

— Пошто пригорюнился? — Божана вошла в мой кабинет, где я перебирал грамоты от

старост и думал, что необходимо начинать делать бумагу, береста и восковые таблички были не практичными.

— Сильно мы людьми приросли, холопов уже меньше вольных, земли еще нужно, — сказал я.

— Так на другом берегу Унжи уже наши земли, а там леса много, можно ляды палить, — сказала любимая женщина, усаживаясь ко мне на колени. — Тяжко без бабьей ласки?

Да, мы уже месяц как не занимаемся любовью. У Божаны был период осложнения беременности и после того, как кризис миновал, я боюсь и притрагиваться к ней. Жена даже предлагала девку какую взять, пока она не разрешится, но я наотрез отказался. Выдержу!

— Без твоей бабьей телесной ласки и тяжко, токмо ты — моя душа, и не нужно поганить душу девками срамными, — сказал я и поцеловал любимую.

— Сколько людей нынче в поместье? — Божана переменила тему, но с колен не встала, чем только усугубляла ситуацию с воздержанием.

— Тысяча двести уже, — ответил я, начиная тяжело дышать.

Пришлось самому, усилием воли, отстраниться от жены.

— Утром поеду в Речное з Юрием, хочу посмотреть, сколько жита с полей собирают. Бабы бают, что столько урожая еще не было, — сказала Божана.

— Я утром собирался к бортникам, потом в Лесной поеду, а после в школу, — озвучил я свои планы.

Лесным назвал я поместье бывшего сластолюбца Честислава. А вот первоначальные поселения так и не были названы, именовали их «первое» и «второе», а усадьбу так и называли «усадьбой». Образовывался еще один поселок — ремесленный, который хоть и примыкал к Речному, но практически был автономным, там уже жило двенадцать семей. Все главы семей занимались кузнечным и оружейным делом, были и другие ремесла.

Мы стали, наконец, выплавлять сталь и чугун. Мне пришлось требовать целование креста с клятвой о неразглашении тайн. На ярмарке начну продавать сталь. Но вскрылась новая проблема. Катастрофически не хватало руды, от чего горн простаивал большую часть времени.

Серьезных изменений в вооружении я пока не сделал. Главным нововведением стало удлинение клинка за счет уменьшения веса. Сталь была прочным материалом, и ширина клинка сократилась вдвое. Меч становился не только рубящим оружием, но и колющим. И тутгодились мои азы фехтования.

Когда я «танцевал дестрезу» ратники школы и старшие и младшие с упоением впитывали принципы фехтования, а после тренировались на новых мечах, которых пока было только четырнадцать. Особое умение показывал Филипп — прирожденный поединщик. Большинство ратников, не ломая график обучения, занимались фехтованием в свободное время. Первоначально нужно было освоить пять-семь основных ударов и стоек, которые необходимы в строю. Когда же пройдут экзаменацию на автоматизм использования этих техник работы, будут осваивать и искусство индивидуального боя.

С увлечением производством оружия, планы на изготовления сельскохозяйственного инвентаря пока повисли в воздухе. Кос сделали еще с десятков, и это также позволило досрочно собрать планируемое количества сена, даже с учетом прибывших коней и другой скотины. Те же ратники пошли на сенокос и выполнили норму на своего коня и заводного. Руду стали покупать, где только можно, чем почти остановили кузнечное дело в Унже, за

что я получил нагоняй от Войсила.

Демьян-мельник, что вначале сомневался в целесообразности двух жерновов на мельнице, требует строить еще одну. И рук ему не хватает, и бабы не успевают шить мешки для муки, и людям, что приходят за хорошим помолом, нет возможности помочь. И это при том, что даже ночью мельница не останавливается. Но страду выдержит. Муки намололи очень много еще до сбора урожая, из княжьего зерна, а сейчас уже начали убирать свое. Жена его, Марфа, мало того, что грамотной была, так и еще превратилась в настоящую бизнес-леди. График работы составила, написала его на дорогушем пергаменте, что сама же купила в Унже, и определила время, когда селяне могут приносить свое зерно для помола. Когда я выказал удивление такому ноу-хау средневековья, женщина сослалась на меня, что я некогда выдвинул идею, она услышала и решила реализовать.

— Ну, Корней Владимирович, коли крещеным ты не был, то прозвал бы кудесником. Столько жита с одного урожая я никогда не видал! — Войсил пересыпал сквозь пальцы зерно. — А зерна какие большие! Богом поцелован ты! Утром пришлю посыльного, кабы стс гривен привез, по спору нашему. Выиграл, а я человек честный, забирай свои сто гривен серебром.

Меня посетила «великая инспекция» по сбору урожая. Тут я немного смухлевал, и повел тысяцких на свое поле, где зерно из XXI века дало для этого времени фантастический урожай. По моим подсчетам — сам тридцать было точно, если не больше.

Эти сорта в будущем давали и куда больше урожайности, но не было у меня ни минеральных удобрений, ни иной химии и такой урожай, что получился и вовсе запредельный. Но это зерно пойдет в семенной фонд, и на будущий год уже четверть полей посею его, да и на озимые будет что в землю кинуть. Спор я мог и проиграть, так как в среднем урожайность была сам девять-десять, что так же было много, но не достаточно, чтобы половину населения своего поместья освободить от сельскохозяйственных работ и направить на производство.

Хлеба будет в достатке в эту зиму на каждом столе. Вот с пшеницей я ошибся. Взял ее мало, а она так же дала большой урожай. Климатический оптимум этого времени еще был в силе, и выращивать эту культуру было вполне рационально.

Побаловал я высокую комиссию, в лице тестя и полковника Глеба, огурцами и даже первыми помидорами, которые они с большой опаской ели и даже кривились, не выплевывая только из-за уважения. Недаром до середины XIX века томаты считались ядом. Соус должен зайти. Это же вкусно! Как не зайдет?

— Диковинно все это, — Глеб Всеславович обвел стол рукой. — Не наше то, только есть можно.

Это он про жареные кабачки и вареную кукурузу, а вот картошка с салом пошла за обе щеки, только приговаривал: «Добрая репа!». А не репа то, а спасение людских жизней. Ни колорадов, ни медведок, ни химии, вовремя окученная и без халтуры, да погода и земля добрая — вот залог хорошего урожая картофеля.

Я перенаправил в это время картошку, которая дала почти двести кило урожая. Часть посевной картошки резали на две части и сейчас под кустом выкапывали по полведра. Правда и отравления были, не смертельные, но показательные. Одна смена охраны съела ягодки на ботве картошки. За этот проступок, после выздоровления, вся смена охраны была наказана и лишена на две недели занятий. Это было — действенным наказанием, так как, если они не сдадут нормативы, то будут отчислены из воинской школы. Людей в школе

хватает, уже четыре сотни, так что отчисления могут быть.

Строим уже новую базу школы, в часе верхом от Лесного. Там и поле неплохое для тренировок и учений и полигон будет получше. Делить курсантов будем по неделям — часть живет и тренируется на полигоне, часть на прежнем месте. Вообще по местным меркам собирается целая армия. Третью часть личного состава решили отправлять, пока не будет пристроена новая казарма, на лесозаготовки.

— А медок то у тебя добрый! — причмокивая, сказал тесть, уже краснея от выпитого.

— То, не мед, а настойка медовая с перцем и, она зело крепкая, — предупредил я разгоряченного тестя.

— Великобор придет з десятком своим в школу воинскую, прими по чести, Корней Владимирович. Прислал его Василько науки послушать, да поглядеть насколько выученики в школе годны для похода, — заплетающимся голосом произнес тысяцкий.

Вот же недоверчивые!.. Все шлют и шлют разного рода инспекции. Понятно, что для современников даже слово «школа» чуждое, не говоря уже о том, что сама система обучения выбивается из существующих реалий времени. Но пора бы и довериться, дать время, чтобы показать результат.

Конечно, было бы наивно полагать, что такую мощь, как воинская школа с уже почти сотней наставников и несколькими сотнями курсантов, оставят без присмотра, да и поход, видать, намечается. А против кого воевать? В истории припоминаю о небольшом походе на Великий Новгород в следующем году.

И как относится к этому? Вокруг земля русская, а князья собачатся. Отказаться не смогу. Своим отказом перечеркну все, что уже сделано. Но постараться повлиять на то, чтобы Новгород пошел под руку владимирского князя, можно. Торговый город сейчас вроде бы и княжий, но опосредовано — уже как лет сто играют в народную демократию. Захотят убрать князя — на дверь покажут и попутного ветра. И ломали московские князья эти традиции долго и кроваво.

А, ведь все равно без силы создать единую Русь не выйдет, и этот процесс в белых перчатках не осуществить. Но еще посмотрим на развитие событий, может какое окно возможностей и появится для того, чтобы Новгород приручить. К примеру, спровоцировать шведов, а после прийти на выручку новгородцам.

Нужно объединение и единоначалие. Россия, как только московские князья добились своего первенства, сразу же пошла в рост. Главным аргументом для тех, кто отрицает монгольско-татарское иго, или считает его положительным для истории России, является, как раз, то, что Русь приняла централизацию только в условиях взаимодействия с монголами. И, мол, если бы не этот фактор, то так и прозябали в безвластии и раздробленности. Но можно же прийти к единовластию и централизации и иными путями. Отметить лествичное право, умерить все эти вечевые вакханалии. Пусть это сделать и через аппарат принуждения. А дать взамен чувство защищенности, стройную систему хозяйствования с государственной помощью нуждающимся.

Свои мысли об устройстве Руси я вслух не произносил. И не поняли бы и могли обвинить в какой-нибудь крамоле. Не развязал мне язык и алкоголь, который употребили с Войсилом и Глебом в преизрядном количестве.

В итоге нашей попойки ни Войсил не отправился в Унжу, ни Глеб не отправился в свой дом на территории школы. Упились бояре и уснули за столом. Я же был во хмели, но держался бодро, видимо, сказалась определенная эволюция организма человека XXI века.

Разместили гостей в отдельных горницах.

Хотелось похулиганить, но мое озорство резко пресекла Божана. А я-то хотел девок голых подложить Войсилу и Глебу. Они просыпаются — опа! Как быть, что делать в церковь бежать грехи отмаливать? А, может, раз уже согрешил, так можно и еще? А девок хватает. Готовы сами ложиться за доброе отношение боярина и не боятся общественного порицания. Но я к таким услугам не прибегаю. Святоша? Нет! Зачем, когда рядом женщина, которая затмевает собой остальных?

— Урожай от кукурузы собрать в корзины, а ботву перемешать с сеном, коровы должны хорошо это есть. На мельницу зерно не нести, пока только сушить. На мельнице хватает работы, там обмолот другого зерна, того, что бояре дали на прокорм школы. И почему рыба не в холодниках? — распорядился я на очередном совещании.

Все были уставшие донельзя, но довольные. Особенно Мышана. Ей ранее не хватало женского счастья, а сейчас я уже за ее детей беспокоюсь, как и за Андрея. То эти влюбленные голубки купаются под луной, то в лесу собирают ягоды, да не находят их, а мнут мох и папоротник. А с кем дети? И куда делся серьезный и рассудительный десятник Андрей. После его женитьбы я вижу только Андрюшку. А вот изменений в работе Мышаны не заметил, что просто поражает. Кремень-Баба!

— Каков прирост свиней? — задал я новый вопрос.

— Сейчас свиней и кабанов три сотни и еще шесть десятков и три, подсвинков сотня еще два десятка, поросят три сотни и два десятка. Корма всем досыта, — отрапортовал Макарий, ответственный за «свинохозяйство».

Как и свинокомплекс, так и куриные и гусиные фермы расположены рядом с поселком Речным, где тиуном является Макарий.

Да, я создал, по сути, коммерческое хозяйство, на котором работали за оплату. Пока прибыли оно не приносило, но мы нарабатывали опыт и поголовье, чтобы впоследствии уже открыть лавку и продавать мясо, использовать жир для свечей и изготовления мыла.

Мясо и мясные продукты большей частью пусть закупает воинская школа. Да, это мое детище, но уже немало средств в это начинание вложили иные люди. Так, что можно немного и отбить свои вложения, той же продажей мяса.

Так же проводили примитивную, но все же хоть какую-то селекцию. Свиньи были очень маленькие и никакие раскормы не делали двести килограммовые туши, которые мне приходилось когда-то в прошлом будущем видеть.

Все эти подсчеты свиней, кур, гусей с коровами и баранами, были нужны для понимания того, чем кормить людей на ярмарке. По моим подсчетам из тех, кого я знаю, придут до тысячи человек, да и местные горожане и смерды подтянутся в наше поместье поглазеть и будет действительно много зевак, которые будут выпивать настоячки и есть мясо, что будет жариться на углях, повсеместно. Там и наценку сделаем. В лучших традициях праздников города с обдираловкой населения.

— Також, боярин, вчера пришла ладья з доброй крицей, — продолжал доклад Макарий.

Проходит то время, когда любой корабль становится огромным событием для поселян. Постоянно курсируют ладьи, поставляющие крицу, обтесанную доску, да и купцы все чаще приезжают.

— То добре, а то кузня снова простаивает, расчет кто дал гостям? — я посмотрел на тиуна.

— Так я и дал з того серебра, что в казне Речного, — ответил Макарий.

После был доклад Мышаны. Тут так же все неплохо. Даже провела примитивный анализ земель, где больше уродилось жито и греча, а где плохо. Интересная история была с гречкой. Я-то считал, что эта крупа традиционная для Руси и была спокон веков. Ну и историки оказались не всеведущи. Так и получилось — я ошибался! Гречка для этого времени как, наверное, рис басмати, для меня, когда я жил в XXI веке. Вроде бы и знаю, что это такое, что вкусно и полезно, но ем редко. И семян гречи я не взял, поэтому использовали только местное, чего было крайне мало и задорого.

Начали уже освобождающимися силами расчищать от леса две делянки. И в планах третья. Лес все дальше уходит от Дальнего поселка, который, казалось, еще вчера сам был лесом. Так и грибов не соберем. Но это будут последние три ляда у поселка Дальнего, которые будут вырублены. Найдем куда расширяться, но хороший лес нужно сохранить.

Порадовали пасечники или, как их называли, «бортники». Меда собрали уже в раз пять больше, чем в прошлом году. И в перспективе расширение пасек. Воск готовят на продажу к ярмарке, мед отдельно разлили на разноцветья, гречишный и липовый.

Главным итогом совещания, для чего я вообще вызвал Мышану и Макария, был контроль за полями и уборка новых территорий, которые были куплены после «скоропостижной кончины» соседа, чьи земли были по другую сторону реки. Никто особо проблемой не озаботился. А между тем, не большой, но урожай и там есть, а вот треть людей разбежались. Да и ловить их не стану. А вот переселять некоторых за реку уже стал — освободились избы, земля. Да и вторую пасеку делать станем. Старший сын главного бортника Кречи женился и готов новую жену вводить из семьи. Деятельный парень! Вот пусть и начинает создавать вторую пасеку. Знаю, что в Лесном были дупла пчел в трех-пяти километрах от поселка. Вот их сперва и попробует перенести в улей.

— Добре! Мышана, ты едешь в Лесное. Бери мужиков, сколь нужно, но следует собрать весь урожай, что там есть. Да и присмотришь может к кому, нужно знать, что там за люди остались. Возьми с собой мужа Андрея, может помнете где еще травку, — сказал я и пожалуй впервые увидел, насколько может краснеть эта железная баба. — Ступай, Мышана, да позови Белу и Симеона.

Через минут пять в моем, можно сказать, кабинете, была жена Еремея и бывший тиун Вышемира.

— По первой — Симеон! Волей моей ты теперь тиун Лесного, едешь з Мышаной и гляди, как наладить работу. Присмотри место под лесопилку Коли не осилишь быть деятельным тиуном, то станешь извергом, ступай! — определил я новое место работы для Сименона.

— Бела, все станки в работе? — спросил я начальницу прядильного цеха.

— Один на шерсти, три на льне, — ответила молодая девушка.

— По здорову ли Бела? Отдохнуть тебе нужно, а то неровен час с дитем что случится? Кто еще в прядильном деле сведущий? — спросил я, заметив бледноту молодой женщины.

— Так Ждана добре понимает в работе и людьми управлять сможет, — ответила женщина.

Доклад Белы сообщал, что шерсти мало, не выходит загрузить все уже имеющиеся мощности, так как машинки работают споро. Пряжа же получается отменная, если, как я и советовал, продевать льняную нить. Проблема в том, что ткачихи не успевают за прядильными станками. Получается пряжи много, а ткани — мало. Но я отмел эту проблему. Будем продавать и нитью, особенно льняную ткань, а все мощности бросать на производства

шерстяных. Еще я думал раздавать пряжу льна на дом. К примеру, дать нити на полторы рубахи, а забрать на одну. И народ оденется, и склады заполним, а уже на ярмарке рассчитываю побольше торговать, но особое внимание, опять же, на шерсть. Да, нужно сделать ткацкий станок, но тут кузнецы нужны с особым складом ума, может и ювелиры.

— Дарен, говори! — обратился я к кузнецу.

— Угля нет. Тот, что был уже использовали, — жаловался могучий кузнец.

— Почему уголь так быстро закончился? — спросил я, добавляя в голос металла.

Все замолчали и опустили лица в пол.

— Это дело не кузнеца. Готовить уголь должна артель. Дело кузнеца смотреть за горном и ковкой. Чтобы уже завтра был уголь! Палите иву, что растет у пристани. Там идет строительство и нужно вырубить деревья в первую очередь. Палите дерево в стороне от построек, — я посмотрел на Дарена. — А ты, кузнец, справнее работай мехами. Чушку два раза прокальвай в горне. Чаше чисти горн. И лучше прокальвай проволоку. Та, что ты дал три дня назад, плохая!

Я немного успокоился. Может быть, действительно, поддался лишним эмоциям. Та проволока, что предоставил Дарен, не была плохой. Она была такой же, как иная, сделанная им ранее. Кольчуга получится не хуже, чем та, которую сплели бы и до моего появления в этом мире. Но она не была лучше — вот что нервировало. При том, что возможностей для улучшения качества железа стало больше.

Дальше мы поговорили и принципе пресса. Я не стал сразу утверждать о необходимости штамповки, думаю, пока это слишком сложный в налаживании процесс. Но отбрасывать идею штамповать те же шелома или поручи, не хотелось.

Проблема с древесным углем частично решается рубкой леса под поля, но даже этого мало, так как большинство дерева уходит под строительство. Уголь для производства стали подходит больше выделанный из ивы, чьи заросли не бесконечны и это скоро станет проблемой.

В целом, сложностей много, но мы уже немного даем стали и изготавливаем мечи. Это окупает вложения. Две другие кузницы дают мелочевку в виде наконечников стрел, болтов, сулиц. Уже две недели нарабатываем запас. А тут еще полковник с тысяцким на поход намекают. По местным меркам оснащения сельского хозяйства, мы решили проблемы с инвентарем. Но это только по нынешним меркам. Разве у рачительного хозяина не должно быть два топора, несколько вил или с пяток лопат? Должно! Так что осенью будем вновь делать и топоры и косы и лопаты и все остальное, но пока работаем на войну.

— Мне нужно к ярмарке четыре пуда булата. И создать запас угля на зиму, — подвел я итоги общения с кузнецом и позвал стекольщиков.

— Зеркало вышло мутным, вода з серебром главное в деле, воды этой мало, но будет две дюжины зеркал размером в рост, стекло начинаем ладить, кубки уже дуем по той трубе, что ты боярин дал, добрая труба, — докладывал Вацлав Яндак.

Этого Яндака иногда хочется назвать Яндаком-муда..., себе на уме, вечный экспериментатор, а еще умудрился перессориться практически со всеми, с кем общался. Но человек — фанат своего дела и, неверное, гений. Вот только скользкий. Ни один серьезный работодатель не взял бы его на работу, если бы почитал «трудовую книжку». Уж очень он много бегал по всей Восточной Европе и не только.

Вацлав был сыном стекольщика, и, не желая полжизни прозябать в подмастерьях, поехал в Константинополь, где во всю уже хозяйничали генуэзцы, медленно, но верно,

вытесняемые венецианцами. Там он стал опять подмастерьем византийского мастера, который называл себя стекольным ювелиром, так как работал с предметами искусства. Однако, понимая все производственные процессы и схватывая налету особенности технологий, Вацлав напрочь был лишен чувства эстетизма и понимания красоты. Чех, выучив чуть ли не наизусть всю последовательность действий, даже заучив узоры и приемы, сбежал и от этого мастера. Одной из причин бегства Яндак называл то, что делать мелкие стеклянные предметы, ну никак он не хотел.

Еще одной причиной побега из Латинской империи, по словам мастера, стало то, что он не нашел общего языка с венецианцами, которые все больше перенимали лидерство в осколке бывшей Византии. Предполагаю, что он убил одного из представителей этого торгового народа.

После он попадает в Крым, где работает на генуэзцев, но город сжигают монголы и он бежит через Днепр в Киев, а оттуда сразу во Владимир. Доходит до великого князя владимирского в поисках поддержки, а тот уже направляет мастера в Унжу.

У меня же он сталкивается с тем, что еще, по его мнению, не умеет никто и мастер прямо преображается и готов на свершения. Думаю его женить, чтобы к болгарам, к примеру, дальше не побежал. Да с теми технологиями, что, при его же помощи, будут разработаны у меня в поместье, его примут и венецианцы и генуэзцы. Да и в родной Богемии он станет баснословным богачом и уважаемым человеком. Но и отказаться от единственного деятельного мастера, способного не только воспроизводить, но и создавать, я не могу.

— Вацлав, ты, пес шелудивый, зеркала ладишь, но не можешь стекло сделать? Если серебряную воду испортишь, то отдам тебя на съедение венецианцам, — сказал я и грозно посмотрел на чеха.

Яндак позеленел, то ли от злобы, то ли от того, что я, этакий влез в его вотчину и слишком придираюсь. После таких приключений слабаком он быть не может, да и понимает, что ценный персонаж. Эх, придется его того... женить или отпеть.

— Так одно мутное зеркало, а иные добрые, — сказал один из учеников мастера.

— Сразу сказать нельзя, что это только одно такое? — я привстал со стула, желая на эмоциях отвесить подзатыльник Яндаку и его ученикам заодно.

Вацлав развел руки, мол, не виноват я.

— Серебро и золото дам и сделайте достойную оправу, — обратился я уже ко всем собравшимся. — А стекло на окна готово?

— Мутное, но песок лучший отберем, я мальчикам показал, где добрый песок. Боярин, дашь гривну на траты? — мастер прищурился.

— А с евреями ты не в родстве? Вот такие же торгаши, хотя венецианцы еще те прохиндеи. Работать завтра буду у тебя, посмотреть хочу, что, да как ты устроил, — сказал я и продолжил совещание.

В целом «кровь войны» вдохновляла, стали-булата мало, но она есть. Стекло мутное, но оно есть. Пряжи много, переработаем еще до зимы весь лен, да еще закупим. Шерсти мало, но и это решим. Ткань опять же медленно идет, но быстрее, чем где-либо в Европе.

А многое еще в перспективе. Вон жареную картошку по пять кун за порцию будем продавать на ярмарке. Если получится сахар, то вообще бомба! Строимся. Только одна артель уехала, да и та думает вернуться, если стройка продолжиться, но уже с семьями. Практически все деньги, что собираются с округи на школу, как и многие трофеи, идут на

строительство. Ратники многие не захотели идти в закупы, несмотря на простую договоренность о долге, а сами оплатили свои дома. А еще я собираюсь открыть первый на Руси средневековый «супермаркет».

Короче — Нью-Васюки, да и только. Но лучше стремиться сделать больше, чем сделать мало.

Глава 10. ЯРМАРКА

Глава 10. ЯРМАРКА

Наконец, приехал Жадоба. Уже думал, что пират обо мне позабыл, но нет, привез хорошие вести.

— Боярин, Новгород Великий ждет твой торг, вельми потребен хлеб, булат, ткани, еще сказали, что зеркала возьмут за две сотни гривен, если они в рост человека будут, — докладывал Жадоба.

До этого у нас состоялся разговор, в котором Жадоба высказался в пользу того, что я мог бы и сам купить два-три ушкуя или выкупить еще один у него. Беспокоился, оказывается ушкуйник, за свое будущее. Но меня пока все устраивает в наших отношениях. Работы для Жадобы и его людей может быть еще много. Но чуть поменять эти самые отношения, я хотел бы. Не нужна мне вольница ушкуев, а мое серебро позволяло бы иметь вполне действенный торговый флот в полном подчинении.

— Добро, Жадоба, ты мне нужен, как не откажусь еще от двух ушкуев, но лучше больших ладей. Покупай! Предать меня ты не сможешь — найду и покараю. Со мной мощну набьешь, только изменить нужно кое-что, — я посмотрел в глаза ушкуйнику. — Ты и люди твои должны стать сотней воев. Семь десятков копий и три десятка людей с самострелами. А также подтянуть нужно выучку. Твои ушкуйники пройдут воинскую школу, пока ты будешь стоять в моем поместье. Также пригляди отроков добрых себе на корабли. А новгородцы на ярмарку приедут?

— Понял все. Совет держать будем и я слово на нем скажу в пользу твоего предложения. А новгородцы придут. Одна ладья. Гонор у люда новгородского велик, не хотят они ехать неведомо куда, но одна ладья будет. Купец Семьон придет. А избы будут нам, коли науку воинскую учить станем, да семьями обживаться? — растеряно спросил Жадоба.

— Две великих избы на всех. Будете со мной — поставим каждой семье избу, — создал я Жадобе почву для размышлений.

Видимо он решил остепениться. Может кто из женщин приглянулся.

— Пойду до ушкуев, радеть будем, — сказал Жадоба и вышел.

Расклад по ушкуйникам я знал еще до прихода капитана. Прежде всего, часть команды хочет получить свою гавань, куда можно будет возвращаться. Я же у них вызываю доверие в том, что возможные семьи не останутся без внимания и помощи. Те члены команды, что участвовали в бою с монгольским отрядом, получили серьезные доли от добычи, да и на тех, кто погиб, так же начислена часть от трофеев. Родственники павших не нашлись, и я разрешил разделить имущество между командой в равных долях. Эти люди будут моими! а строительство домов обойдется им в их доли в ушкунях, если бывшие пираты, конечно, не найдут чем заплатить. По сведениям Шиноры, большая часть бывших разбойников уже задумывалась о будущем и скопила немалые средства, закопанных по тайникам. В принципе, и это вариант более, чем устраивает — богатые граждане, богатое королевство!

Но прежде всего меня беспокоили не ушкуйники. Если они и уйдут, то в планах самостоятельно купить корабли и найти человека, который согласится возглавить мой торговый флот. Больше внимания я уделял вопросам окончания страды и организации

ярмарки.

Так, урожай почти весь собран, осталось надеяться на то, что и арбузы созреют. Они вполне большие и я надеюсь поразить гостей, особенно желтой мякотью. По подсчетам моих тиунов и моим выводам, зерна и уже готовой муки может хватить на два года. Репы собрали столько же, сколько в прошлом году, при этом посадили вдвое меньше. Я больше занимался уже заготовкой семян со своего поля «сельскохозяйственных чудес». В это же время в нашем доме увеличивали оконные проемы и вставляли стеклянные рамы, позже законопачивали мхом и замазывали шпатлевкой. Хотелось успеть остеклить часть дома до ярмарки, чтобы еще больше поражать, да показывать «товар лицом».

Приглашенные артисты уже репетировали номера в том числе и те, что подсказал я. К примеру, я надеялся, что будет файершоу. Так же разучивали песню про коня, да черного ворона. Подсказал идею кукольного театра и даже нескольких сюжетов.

Сооружали сцену, достраивали гостиный двор, дополняли порт казарменного типа помещениями. Избы для переговоров готовы, как и десять изб для гостей. Готовы и прилавки и навесы над ними. Получался такой базарчик из покинутого мной времени. Только там, в XXI веке такие базары изживали себя, а тут были передовым нововведением. Две тавернь уже готовы принимать гостей, там красовались у барной стойки напитки от пива и меда, до наливочек и настоечек. Проводились постоянные тренировки и консультации с новиками и ратниками из школы, которые должны будут следить за порядком. Три смены по сотне — более чем достаточно для полного контроля. Определили и места для сна пьяных гостей. Почти все готово, а самое главное — в пять раз расширили причал, увеличили количество пристаней.

А сегодня еще воинские учения. Первый экзамен для школы.

По сюжету учений, конница врагов настигает нас на марше. Разведка докладывает о неприятеле и у нас полчаса на подготовку.

— Боярин-старший сотник! — обратился ко мне посыльный по нововведенному званию. — Враг. Конный. Две сотни. Одна сотня легкие, вторая кованая рать. Доложил новик Степан.

— Степан, тревога! — приказал я спокойным и уверенным голосом.

Через минуту ко мне подскакали сотники.

— Повозки в круг! В сотне шагах, вязать проволокой, ежи на сотню и полсотни шагов, огонь перед повозками в тридцати шагах. Строй «круг», внутри строя самострелы. Все, — приказал я.

Тактика была в том, чтобы максимально испугать коней и не дать совершить условному неприятелю кавалерийский наскок, так как сто всадников в броне и с рогатинами сметут нас в легкую. А сегодня все по-настоящему, только без наконечников. Возможны и потери но на такой экзамен были согласны все наставники. Удар рогатиной, даже без наконечника, по сути, тяжелым древком, может быть летальным.

Я создавал, как мне казалось, эшелонированную оборону. Первой преградой коннице, когда она уже будет переходить в галоп для атаки, станут немногочисленные ряды ежей, которых мы смогли взять только двадцать. Но отсутствие строя перед атакой — уже определенный выигрыш. После будет преграда огнем, но не сразу, а когда наступающие подойдут к стоящим повозкам. По условиям игры, повозок по количеству не более двенадцати, но связаны они будет колючей проволокой, о которой не знает наступающий отряд. Следовательно, пространство между повозками так же было преградой и коням это не

понравится. Как и впившиеся в брюхо шипы. Когда же это произойдет, уже должна гореть смесь, а огонь не даст возможности организованно продолжить атаку. В это время арбалетчики должны сказать свое слово. Каждый пораженный, хоть куда, даже вскользь по руке, должен выходить из боя. На всех была максимальная защита.

Мы успели. Хотя на тренировках получалось и быстрее. Терция, которую я тут назвал «коло» уже собрана, но длинные копья не поднимаем. Готовимся.

— Стрела! — Прокричал я, и стрела с лентой ушла вперед.

Это расстояние покажет возможность стрельбы навесом для пятнадцати лучников, собранных в отдельный отряд. Лучники напряглись и стали втыкать стрелы в землю. Получалось не очень, наконечников на них не было. Приходилось складывать стрелы на земле. Баллистика, мягко сказать, так же страдала.

Тяжелая конница накатывалась, и отсюда казалось, что это тысяча, но не сотня. За триста пятьдесят метров лавина остановилась и вперед с флангов пошла легкая конница, сейчас вооруженная частью луками, частью арбалетами. Легкие лучники подошли к ежам и начали цеплять их веревкой, оттаскивая. Тогда я дал приказ лучникам бить навесом. Стройные выстрелы! Но ни одна стрела не попала в цель, в это время уже половина ежей были растасканы. Залп! И двое всадников демонстрируют попадания, после чего, с поднятой рукой, но с опущенным оружием, устремляются с поля.

Ежи растащили, и десяток из легкой кавалерии устремился к повозкам.

— Болты! — подал я команду для арбалетчиков и восемьдесят арбалетов устремляют свои подарки в ближайший условно неприятельский десяток.

Поражены все. Причем меня испугало то, что один воин так и остался лежать на поле боя.

Интересно, а что дальше предпримет полковник в руководстве своими ратниками?

Остаток сотни легкой кавалерии подходит в рассыпном строе к повозкам и начинает обстрел наших позиций из арбалетов и луков. Но первая линия уже успела опустить копья и поднять большие массивные щиты, в которые и попадают стрелы противников.

— Луки навесом по готовности, болты по приказу, — скомандовал я.

И луки и арбалеты выстрелили — первые навесом, вторые через открывшиеся щели щитов. Было видно, что пять-шесть всадников получили ранения и выходили из боя. Потери были и у нас, один лучник получил ранение и пошел «на выход». Нам выходить из боя сложнее — пока еще можно разжать каре, но после им придется оставаться внутри, и ничего не предпринимать.

Противник, несмотря на потери, продолжал разводить повозки и некоторые ратники, уже с окровавленными руками, разжимали проволоку и пытались ее вытащить, только это было не просто. Несмотря на потери, им это почти удавалось. Уже половина легкой кавалерии вышла из боя, в то время как нас покинули три человека. Противник очень мало стрелял, больше уделяя времени растаскиванию препятствия. В это время в трехстах пятидесяти метрах стояла тяжелая конница и была бессильна. Стрелять им было нечем. А ведь могли помочь!

Однако, у наступающих все же получается оттянуть первую повозку, несмотря на то, что я так выцеливал именно ее. Тяжелая конница засуетилась и начала движение в сторону открывшегося прохода.

— Лучники бой! — прокричал я.

Луки уже доставали до тяжелых пехотинцев.

— Жги, — вторая команда и ответственный за поджег смеси бросает искру.

Ручеек огня устремляется к полю от нас.

— Самострелы! — я понял руку, и стрела пролетела рядом с ней. — Стоять, стоять! Бей!

Я отслеживал, как бежал огонь, и как выстроились уже на аллур два креста для атаки тяжелые конники. Все же хорошо их выучили — так красиво и быстро построились и на ходу. Болты полетели во всадников, чем немного нарушили строй, так как с десятков остановились. В это же время вспыхнуло пламя, и кони попятнулись и отказались слушаться. Одна лошадь и вовсе понесла, убегая с поля.

Самое главное, что мы сделали — сбили атаку и теперь уже слаженного таранного удара не будет. Часть всадников все же продолжала натиск, и их встретили на копья. Коня вздыбились. Двоих всадников сбили. Рогатины конников не доставали до пехотинцев. И, по сути, они были обречены. Только лихая, на грани возможностей, атака смогла бы расстроить наше построение, но тут уже оставалось арбалетам и лукам расстреливать тяжелую конницу. Скоро прозвучал рог, символизирующий признание поражения.

— Раненые, убитые? — я сразу прокричал то, что меня заботило.

Через минуту.

— Два десятка раненых. Два тяжко, — доложил один из сотников.

— Тяжких до знахарей, — распорядился я.

Через три часа уже в учебном классе школы в присутствии сотников, десятников, полковника, тысяцкого, Великобора и еще двоих присланных инспекторов разбирали учения. Было высказано много соображений, тактик, проведены даже были штабные учения, моя тактика оказалась не безоблачной. Но все события вызвали такое оживление, что и столичные инспекторы рьяно включились в обсуждение.

— Тяжело в учении, легко в бою! — не выдержал я и произнес фразу, которую, возможно, услышат от Суворова через 550 лет.

. *.....*.....*

В последнюю неделю сентября начали прибывать купцы. Уже были представители из Киева и Чернигова, а из Городца и Новгорода Нижнего прибыли тысяцкие. Пришел с обозами Антяс — мокша, с которым мы громили отряд монголов. Ждал я и делегацию из Новгорода Великого и болгар, венецианцев и для меня наиболее важную — ростовского князя Василько.

Уже во всю работали два трактира, настойки, пиво и мед лились рекой. Сто свиней, забитых накануне, были разделаны, частью закоптили, частью замариновали, они составляли главный белковый рацион гостей. Готовы были и сто пятьдесят гусей, куры, десять коров. Охотничьи артели к мероприятию смогли добыть два лося и взяли медведя. Рыбы насолили много, икра в бочках была как для продажи, так и в розницу для реализации в кабаках. Однако, самым востребованным оказались всевозможные пироги, булки и хлеб.

Это была отдельная история. Пришлось соорудить целую хлебопекарню, где кроме традиционного приготовления хлебобулочных изделий, были поставлены два тандыра и бабы долго обучались готовить лепешки, которые после посыпали сыром с укропом.

Освоены были новоиспеченными поварами солянка, гуляш, и... пельмени с варениками.

В целом создавалось впечатление невиданного разнообразия и изобилия. А еще впереди, когда придет большинство гостей, будут леденцы на палочках, но в ограниченном количестве, а также печеный хворост с медом и вареньем. Последнее ну очень дорогое.

На следующий день запланирована дегустация сладостей, сала, настоек с наливками и солодового виски. По «грамульке», но это только раззадорит прибывших.

Ночью, за два дня до начала основных мероприятий, приплыли болгары и венецианцы. И между ними чуть не завязался настоящий бой за место у причала. Однако, Макарий, ответственный за организацию постоя гостей, как полководец, повел в атаку два десятка дежуривших у пристани ратников и усмирил прибывших. Он же и приехал ко мне еще до рассвета.

— Горницы забиты в избах, гостиные дома также, люда прибыло тьма! — докладывал взъерошенный тиун с мешками под глазами.

— Их тьма, а нас рать! — вспомнил я шутку из не изобретенного здесь КВНа и отсмеявшись, продолжил. — Ставить шатры в двух верстах у дубравы, избы гостиные не занимать — еще князь и знатные гости придут. Начинать выкладывать на лавки товар для показа и пиши, кто торговать их захочет. Цены не сбивать, ратников болей бери. Также говори всем, что игры начнем завтра, или послезавтра, как придёт князь Василько, — выдавал я очередные указания.

Устал тиун, это было видно, но после ярмарки дам ему и премию, и недельный отпуск.

Первые же подсчеты дебита с кредитом говорили о прибыли с мероприятия. Так, уже гостиные дворы и трактиры дали половину затрат на их строительство и завтра должны выйти в плюс. Цены мы давали большие, но купцы со своими приближенными считали, что жить на ладьях или в шатре неуместно, если предлагаются чистые и просторные горницы. На этом менталитете я и хотел сыграть. За четыре оставшихся дня только с этого сегмента моей экономики, я получу порядка двухсот гривен прибылью. А еще и уличная продажа еды и выпивки.

Были и побочные явления. Драки и пьяные гости доставляли проблем, но ратная школа справлялась. А когда еще применили, так сказать, «спецсредства», в виде плеток для буйных, то и вовсе стражников стали называть волками и побаиваться.

— Любы, ты снова на торг? — спросила подошедшая со сбитнем и пирожками Божана.

— Хорошо, кабы и ты пошла! Князь ростовский к обедне будет, нужно и хозяйке быть, али не здорова? — обратился я к жене, с удовольствием поедая пирожки с капустой.

— Добре уже, я пойду. А взять Юрия можно? — спросила любимая с опаской.

В последнюю неделю я не оправданно позабыл о своем долге перед парнем.

— Да и его бери! — ответил я и продолжил поедание вкуснейшего завтрака.

Через час мы уже выехали в Речное. Погода стояла замечательная. Тепло, солнечно, самое время для праздника. Сегодня предполагалось много мероприятий.

— У боях на мечях будут, почитай, четыре десятка, на кулаках три десятка и еще пять, силу на лавке выказывать пока вызвались десятков и три, на конях два десятка и два, еще болгары думают участвовать, но они без коней, — отчитывался Шинора.

Именно этот прохиндей стал у меня главным организатором соревнований. Я планировал бой незаостренными мечами с судейством, соревнование лучников, конный забег, бои без правил в круге на песке и армреслинг. Каждому победителю был приз в три гривны. Это много, но я рассчитывал подогреть интерес, когда и закуски с алкоголем продаваться будут и самое главное — тотализатор. Вот это все организовать и следовало Шиноре, который бегал по всем местам сосредоточения гостей и местных.

Приплыл ростовский князь Василько с сотней дружины и опять завертелось. Подготовка усадьбы в Речном для большого гостя уже подходила к завершению. Но не

получалось разместить сразу всех дружинников и пришлось ставить два шатра возле усадьбы, временно принадлежавшей ростовскому князю. Так же вместе с князем прибыли и владимирские купцы, которые, как тараканы, разбежались по всем местам скопления народа.

— По здорову ли князь? — приветствовал я у причала Василько Ростовского.

— Спаси Христос, а ты как Корней Владимирович? — спросил молодой князь.

— Спаси Христос! — лаконично ответил я.

— Чудна твоя ярмарка, не было еще такого. Много ли товару торговал? — поинтересовался Василько.

— Так торгова еще не было, токмо завтра будет, — ответил я. — А то жена моя, Божана Боряровна.

Божана низко поклонилась, а когда выпрямилась, ее немного повело.

— Непраздна? — среагировал князь, заметив выступающий живот у женщины.

— Так, князь! — ответила Божана.

— То добре, Корней Владимирович! Сына аль дщерь ждешь? — улыбаясь спросил ростовский князь.

— Как Бог даст, княже! — ответил я.

Мы прошли в дом, и ростовский князь сразу же опешил — в сенях, на стене, висело зеркало в полный человеческий рост.

— То диво дивное! Похвалялся великий князь Юрий Всеволодович зеркалом, токмо то малое было, а вот это... — князь развел руками и посмотрел на меня с некоторой укоризной.

То ли молодой князь разгадал план по собственному ошеломлению, то ли осуждал, что у великого князя только маленькое карманное зеркало, а тут вон какое большое, может еще что. Кто их князей знает? Василько минут пять красовался у зеркала и даже покривлялся своему отображению. Все же не все детство из него вышло.

— Добро, боярин, добро! — Василько, наконец, «отлип» от зеркала и вошел внутрь дома.

В обеденном зале князя ожидал еще один сюрприз — молодая девушка, тщательно выбираемая мной. И не только мое мнение учитывалось, а, так сказать, коллективный выбор. Красавица подала огромный каравай. Это было произведение искусства! Четыре стряпухи несколько раз готовили данного вида хлебобулочное изделие и только на пятый, я дал добро. Украшенный розочками из теста, посыпанный небывалой тут сахарной пудрой с курагой и изюмом, каравай казался величественным.

— Да, такой хлеб каждый день не устанешь есть! — сказал князь про каравай, но смотрел он в сторону девушки.

И таким томным был его взгляд!

Не хочу считать себя сводником, но князь должен быть под таким впечатлением от мероприятия, чтобы сомневаться в его поддержке я не мог. А лучше женщины никто не создаст это впечатление. Девушка и сама была готова и дала согласие первая, потом уже был разговор с ее родителями. Они получают и новую избу и сыновья пойдут в воинскую школу. А, если случится то, что должно, то и о девушке позаботимся и замуж отдадим и приданное положим.

— Князь, обедня будет из тех страв, что ты еще не смаковал, — сказал я после того, как князь налюбовался девушкой и отломал кусок от каравая. — И чарку князь подыми за русскую землю!

Всем пришедшим с князем, а это было одиннадцать человек, подали чарки. Князю ликер вишневый, а вот сопровождающим настойки с перцем. Но все остались довольны, только треть свиты закашлялась.

— Прощу к столу! — пригласил я гостей.

Зайдя в помещение все сразу обратили внимание на то как светло. Большие окна с двойными стеклами привлекли внимание. Гости стучали по стеклу, щупали, продавливали, скребли ногтями. В какой-то момент я даже подумал, что окна не выдержат, но свита обратила внимание на князя и резко отпрянула от окон. Князь же стоял и рассматривал все помещение.

— Чудно! Лепо! — проговаривал молодой хозяин ростовской земли.

Весь зал было оштукатурен и окрашен, с преобладанием растительного орнамента.

Выждав момент, я снова пригласил всех к столу. И приказал его накрывать.

Подавали сегодня на обед салат из помидоров, огурцов, перца болгарского с оливковым маслом, картошку запеченную со свиной вырезкой, жаренные баклажаны и кабачки под чесноком и майонезом. Шашлык из баранины с луком на стальных шампурах оставался горячим, впитывая жар от раскаленных углей под мясом. Были м фаршированные осетра с сеткой из майонеза, голубцы и фаршированные же перцы мясом с гречкой, пирожки и пироги с капустой, рыбой, мясом, яйцом с луком, рубленные свино-говяжьи котлеты. Угощались гости и квашеной капустой, маринованными огурцами и помидорами, хлебом ржаным, лавашем пшеничным. Морсы, квас, пиво, мед. А также две дюжины разных настоек и наливок в стеклянных бутылках. Именно последнее привлекло особое внимание у собравшихся.

— Боярин, видно, ты околдовать порешил нас, прости Господи! — сказал самый пожилой сопровождающий князя и многие перекрестились.

— Нет, боярин, то мои посева, а стравы приготовлены из их, — ответил я.

Ко мне подошел служка и шепнул на ухо, что прибыли тысяцкий и полковник и я обратился к князю.

— Князь дозволь еще двум мужам сесть за стол? — спросил я у князя.

— Ты хозяин и ты наряд чинишь! — ответил князь.

Я встал из-за стола и пошел встречать уже близких мне людей.

Войсил и Глеб по-стариковски поворчали, что, дескать, предупредить нужно, когда князь приезжает. И что невиданное — князь приехал ко мне, а не зашел ни к тысяцкому, ни к своему старому другу. Мои доводы, что сам только что князя встретил, и сразу за стол позвал, не были признаны существенными. Однако, когда Глеб Всеславович и Войсил увидели князя, все ворчание ушло.

Молитву доверили читать Василию Шварновичу как главе рода, к которому и я принадлежу, и как тысяцкому. А потом я понял, что отсутствие манер при еде — это норма! Все блюда разметались, щеки у гостей трещали, здравницы звучали все громче, по мере выпитого. Я пил только легкое пиво и князю служки старались подливать ликер, который был больше сладким, чем хмельным. В четырнадцать, пусть в почти и пятнадцать лет, вообще пить нельзя, но это был князь, ему можно многое.

Когда же вынесли три разрезанных желтых арбуза, то никто, пока я не показал пример, не решился их есть. Следующим, кто осмелился прикоснуться к ягоде, стал тесть. Видя замешательство князя, он взял кусок и с преобладающим удовольствием откусил желтой мякоти. Тогда и все остальные, наперегонки, схватили куски невиданного цвета ягоды.

— Подивил ты боярин, или еще есть чем поразить? — спросил князь, когда уже никто не мог ничего есть.

— Будет, князь, завтра лучники, да мечники лучшего выяснять будут, да скоморохи сегодня вечером огонь метать станут. Можем пройтись до лавок купцов. Но сперва прими, князь, дар, — сказал я и громко хлопнул в ладони.

Вынесли облегченный и удлиненный с широкой гардой полуторный меч из лучшей, на данный момент, нашей стали. Василько привстал и взял клинок.

— Добрый меч, аки у лицарей з крестами, токмо лепей, добрый дар, Корней Владимирович, — сказал князь и вышел из-за стола помахать новой смертоносной игрушкой. — А лепо как!

На следующий день начались соревнования. В общей сложности записались более двухсот человек, из свиты князя так же решили трое поучаствовать.

Шинора устроил тотализатор и взял в помощники двух новиков из школы, у кого лучше всего получалось считать и писать. И тут нашел себе помощь, проныра! Я сделал две ставки — одну на Филиппа в победе на мечах, вторую на Дарена-кузнеца в армреслинге. В обоих случаях был уверен в выигрыше. Филип уже неплохо владел Генуэзской школой фехтования, частью германской, больше подходящей именно для таких мечей, что сейчас только поступали на вооружение в школу. А Дарену я неоднократно показывал немногочисленные тактики укладывания руки соперника, что были, хотя бы теоритически, мне известны.

Подогретый спиртным, народ резво ставил ставки и организовывал минифанклубы, горланя имя своего фаворита. А ко мне подошел Атанас.

— По здорову ли Корней Владимирович? — спросил купец.

— По здорову, а как ты, все ли добро в доме, в Великой Булгарии? — отсалютовал я.

— Не все, боярин, и ты о сем ведаешь. Идет татарва на Булгарию, токмо где на границу выйдет, не знамо нам, — ответил Атанас и вопросительно посмотрел на меня.

— На Самарскую Луку по осени выйдут, Атанас, как я и говорил тебе ранее, — сказал я и увидел озадаченный вид у болгарина.

— Я твои слова довел до болгар, коли так и будет — сто овец и пять десятков добрых коней, приведу тебе. Более того, на что сговаривались, — официальным тоном сказал купец. — А ты, боярин дай у долг коня своего сыну моему Хосхару, он добрый воин и принесет награду, первым придет.

Я подумал и согласился, и сделал еще одну ставку на Хосхара. Мой конь и так самый быстрый, а если еще умелый наездник будет — победа обеспечена.

Вечером всех поразили артисты: акробаты, а после них выступали огневики. Файершоу на местную публику произвел такое впечатление, что все крестились и долго сидели с выпученными глазами. Я же в очередной раз подумал, что очень здорово совпало, что отец Михаил уехал во Владимир просить себе помощников, потому что паства его все больше ширится, и он не справляется. Я, конечно, подтолкнул его к поездке именно сейчас, а он понял, что видеть кое-чего ему и не надо. И нервы целы и каменный храм строится!

Вечером был пир, на который по моей просьбе были приглашены и представители от новгородцев, два венецианца и Атанас и еще пятнадцать делегатов разных мастей и пять человек из воинской школы.

Место выбрали на улице, благо погода была хорошей, а горячительные напитки еще больше прибавляли тепла.

Прошло душевно и в живых остались только я и еще несколько человек, которые

восхищались и делились именно со мной впечатлениями. По типу «мы тебя уважаем, ик!».

Князь же заранее просил в чашу подливать только легкий квас, и был почти трезв. Как и болгарский купец, который не пил вовсе и ушел раньше, весьма довольный приглашением, пусть и несколько кривился за столом от запаха свинины и того, что вокруг пьют. Но харам не распространяется, когда на войне? А он был на войне!

— Корней Владимирович, как ту деву кличут, что каравай подносила и на пиру служила? — задал вопрос князь.

Я ожидал этого, ждала и Лада.

— Иди князь в баньку попарься, — сказал я.

— Так может и ты у баню? — спросил князь.

— Не княже, я опосля тебя, иди! — я усмехнулся, а Василько растеряно побрел в сторону бани.

— Вот и парня определили, можно и мне на боковую, — пробормотал я себе под нос и подошел к дозорному из очередной смены, состоявшей на этот раз из всех ветеранов.

Быть подле князя новику не по чину.

— Всех уложить на лавки, укрыть шкурами, оставить квасу, — дал я распоряжение и поехал домой.

За князя я не волновался — Лада знает, куда отвести Василько, его спальня уютная и просторная.

Дома меня встретили с удивлением, даже показалось, что Божана и не ждала меня. А когда жена стала спрашивать, почему я не остался с какой девкой, мы в первый раз поругались. И это не было в одну калитку, в женщине проснулась страсть и она отвечала на мой повышенный тон, своими криками. Как мы оказались обнаженными и в обнимку, я не понял.

— Любы, прости, — прошептала любимая женщина, и мы пошли в спальню, где жена еще раз попросила прощения...

. *.....*.....*

Да что это за медведь то такой? Огромная рука размахнулась и понеслась в направлении моей головы. Приседаю и бью в пах, но громила даже не показывает эмоций. И так кружимся уже минуты три, а то и больше.

Идея поучаствовать в боях без правил пришла не столько в голову, сколько в часть тела пониже спины, когда все вокруг стали хвастать силой и ловкостью. Во мне проснулся мальчишка, который хотел кому-то что-то доказать. Вот и доказывал уже в седьмой схватке. Рука болит, костяшки на кулаках разбиты, левый глаз затек — это все результаты предыдущих боев, которые удалось выиграть. Некоторые закончил красиво и качественно, но два противника были, на удивление, ловкие и умелые.

И вот сейчас, в финале, я пытался пробить этого снежного человека. Откуда он? Я и не знал. Уже три минуты ни один мой удар не находил отклика у соперника. А я был порой значительно выше и больше людей этого времени и сам считал себя большим. Но рядом с этим... словно карлик.

Великан ускорился и опять сделал попытку замкнуть меня в свои тески. Уход перекатом. Все тело взвыло от боли, и я взмыл над землей — громила достал меня и незамысловато пнул пыром мне в бок. Раз, два, встать и сражаться! Поединок смотрят люди и болеют именно за меня, а князь и вовсе поставил на меня гривну.

Замечаю ступню и в последний момент переворачиваюсь, чтобы этот пресс меня не

раздавил. Бью по второй ноге соперника и удача! Ноги громилы подкашиваются, и он теряет равновесие. Кидаюсь на него, и только сейчас получается повалить соперника. Падаю сверху и со всей силы бью великану головой в нос. Кровь хлещет из носа бугая и его дезориентация продолжается. Удар! Еще! Моя рука издает нездоровый хруст. Еще удар! Удар! Громила лежит бездыханно. Еле поднимаюсь, и сразу же подкашиваются ноги, а голова кружится. Приходится стоять на одном колене.

Зрители ликут, а Шинора торжественно что-то объявляет. Ничего не разбирая, бреду к князю, который сидит в первых рядах, пьет ликер, а его обслуживает со счастливой улыбкой Лада.

— Князь то в твою славу! — проговариваю я и пытаюсь изобразить поклон.

Ко мне уже бежит перепуганная Божана. Зря я ей разрешил присутствовать. Беременной переживать нельзя. Юрка же восхищенно смотрит.

— Не, боярин, то слава твоя. Того исполина не смог одолеть никто, — князь усмехается и дарит улыбку рядом стоящей с бутылкой в руках Ладе.

— Воля твоя, князь! — говорю я и начинаю успокаивать жену.

Это был предпоследний финал соревнований. И я, если бы не травмы мог бы гордиться своей смекалкой и умом. Получилось почти до нитки раздеть некоторых увлекающихся гостей. Ставки делались, чуть ли, не на последние штаны. Шинора и его помощники даже приостанавливали соревнования для подсчета всех ставок. Мои две уже сыграли— Дарен смог всех одолеть в армреслинге, даже этого великана, который бился со мной. Большинство своих соперников он взял техникой и тактикой. Громила, с кем я бился, не успел даже сориентироваться, как проиграл в полуфинале кузнецу. Филипп не без труда победил в соревнованиях мечников, при этом у него сломана левая рука. А вот лучник, на которого я ставил, так как все утверждали, что он лучший в школе, не прошел и в полуфинал. Один из ратников князя порадовал своего сюзерена победой. Оставался только забег верхом, и я очень надеялся на болгарина.

— Уже три сотни и два десятка гривен собрал! — шепнул мне Шимора, как только нашел подходящий момент.

Это прибыль только от тотализатора, а мой личный выигрыш был 56 гривен. Уже только соревнования окупали треть затрат на ярмарку. Подсчитать же прибыль от продажи еды и выпивки еще предстояло.

. *.....*.....*

Я смотрел вслед удаляющимся кораблям. Наконец все закончилось, и можно отдохнуть. Глаз мой уже на следующий день открылся — все же регенерация потрясающая, только еще побаливали ребра. Гиганта того звали Бером и был он скотником в моих новых землях, недавно купленных, поэтому и не знал его. Это был наивный ребенок, которого просто уговорили участвовать в соревнованиях и то, после того, как туда заявился я. Недоброжелателя нужно будет еще выявить, чем и занимается Шинора.

Товары разлетелись все. Даже зерна продали так много, что я начал было опасаться, что не хватит до лета. Новгородцы загрузили зерном все ладьи. Венецианцы в этот раз были менее расторопны, чем Атанас, который скупил половину зеркал по цене, которую я просто в шутку сказал, чтобы начать торг. Одно зеркало — три сотни гривен серебра. Итого, только на зеркалах две тысячи гривен. Серебро просто таскали тачками. Это очень много! Не настолько, как одна дама-француженка, в другой уже истории, половину бюджета своей страны потратила на одно зеркало, но все же колоссально!

Продали и шерсть, и большую часть льняной ткани. Сталь ушла с аукциона, когда начался спор между купцами, а пять мечей оценили в стоимость зеркал. В итоге, вычитая затраты на подготовку и проведение и выдачу всех премий и зарплат, я стал богаче на почти семь тысяч гривен, что было сродни олигарху в XXI веке.

Удалась ярмарка!

Большое количество серебра, только кажется огромным. Начни тратить, и вмиг останешься ни с чем. Задумай я строительство крепостицы — и все деньги можно сразу туда и вкладывать, или, к примеру, одеть пять сотен воинов за свой счет и кормить их год, платить наставникам в школе. Да много куда нужно вкладывать, не забывая о том, что еще больше половины проектов, что задумывал, были не реализованы. Да и сельское хозяйство не вышло на полную мощность и в него вкладываться нужно в первую очередь. Так что олигархом пока мне не быть, как бы не стать банкротом и прожектером. Поэтому я взял блокнот, ручку, и стал прикидывать новые бизнес-планы по разным проектам, решая, что именно запускать в первую очередь.

Эпилог 1. ИНТРИГИ КНЯЗЯ

Эпилог 1. Интриги князя

Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович смотрел в окно. Ему привезли остекленную раму из Унжи. Опять этот странный и непонятный Корней. О нем и размышлял хозяин Северо-Восточной Руси. Князь потребовал собрать все данные об этом молодом муже, и все что он узнал, его восхищало, пугало и настораживало.

Прежде всего, боярин Корней врет, или не договаривает. Князь люди досконально расспросили венецианцев, что торгуют во Владимире. И европейцы о Корнее ничего не знают, более того, они и сами у княжских людей пытались выяснить многое. Корней говорил Василию Шварновичу, что долго жил у венецианцев, но эти торговцы не только не видели его, но и утверждали, что никакого стекла, тем более зеркал в их фактории не производят, как не производят и в метрополии. В Европе вообще нет зеркал, и они очень дорого их перепродали. Венецианцы описали и события, происходящие на святой земле, и что никаких славян не могло быть в тех походах, а Корней утверждал, что его отец православный и погиб то ли в Египте, то ли на святой земле.

С другой стороны, этот парень знает узор, который очень похож на дамасскую сталь. А этот секрет и венецианцам не ведом. Откуда могли быть и знания о стекле, булате?

Еще в разговорах Корней упоминает китайцев, которых, оказывается, сейчас воюют татары. Может он бежит от татар? Тогда как он оказался на Руси, ведь на вид ему от силы лет восемнадцать, а многие говорят и того менее? Чтобы преодолеть такое расстояние нужно год быть в пути, или более — князь люди не знали расстояния до сказочной страны. Одному пройти почти весь мир, а еще узнавать все науки и ремесла? Загадка, но предположить такое можно, если в пути мальцу помогал сам Бог.

Вероятно, поэтому он и хорошо организовал атаку на татарский отряд, что знает о них много? Это подтверждается и тем, что Корней неустанно твердит об опасности именно от татар. На взгляд же князя они ничем не отличались от половцев. Да мало ли каких там татар, половцев, башкир и прочих печенегов в степи? Будут еще и татары — сами передуются на просторах кочевий. Города же им брать не под силу!

Ну, с тем, откуда Корней мало-мальски разобрались, несмотря на нестыковки с вероисповеданием и тем, что он славянского роду. А чего он хочет? Вот зачем ему так отстраиваться? Его поместье уже по численности больше самой Унжи, а его урожай в этом году лучше Владимирского, а ведь Суздаль и стольный город княжества расположены в уникальной степной зоне с черной землей, окруженной лесом и земли тут родят больше, чем в других княжествах Руси. И диковинные растения у него, и хмельное крепкое.

А еще у него очень много денег. Только по подсчетам человека князя, что был в свите у Василько, Корней с ярмарки взял до пяти тысяч гривен и сторговал хорошо. На это серебро можно армию оснастить.

И тут и кроется главное опасение. Корней очень хорошо встретил племянника Василько и подарки дал, и девку подложил. Уж больно умно он обхаживает ростовского князя, чей отец еще недавно был великим князем Владимирским, подвинув его, Юрия.

Зачем? Посадить Василько на стол Владимирский? Но племянник искренне предан ему — Юрию. Так казалось до недавнего времени. Но, пожелай Василько престол и у него уже триста ратников своих, да уже почти четыре сотни из Унжи, да и сторожевая сотня

преданного лично Василько. А у Войсила связи есть и у марийцев, и у мордвы, и набрать отряды оттуда за деньги Корнея будет не сложно. И в школе почти все бывшие преданные отцу Василько люди, да новики, которым что вложишь в голову, в то и верить станут. Опасения вызывают и отношения Корнея с булгарами, которые еще четыре года назад разорили и Унжу и Городец. Сейчас волжане смирные, но надолго ли?

Убить этого Корнея? Но узор и стекло, и зеркала, и шерстяная нить, и дешевая льняная ткань, да и мука отличного качества. Как быть с этим? Перенять секреты может и получится, но все эти секреты идут от самого боярина и что еще он может изобрести? Стреляли уже в него, а потом он так отомстил, что и княгиня Ольга позавидовала бы! Может и ему, князю отомстить.

— Великий князь, челом бью тебе! — в горницу вошел Ростислав Ольгович.

Это был один из старших бояр, что были посланы в Новгород Великий при князе Мстиславе, который, по сути, был еще младенцем и только научился ходить. Вот Ростислав и должен был диктовать Новгороду княжескую волю. Его, Юрия, волю!

— Молви боярин новгородский Ростислав Ольгович, — позволил князь начать разговор.

— Новгородцы бунт умыслили и Мстислава извести, — начал боярин.

— А ты баба, али муж? Покарай и наряд поставь! — грозно прервал боярина Юрий Всеволодович.

— Так князь, они вече созывают, кабы гнать твоего сына, — чуть не плача сказал боярин великому князю.

Юрий поморщился. Ему, по сути, не было кого поставить в Новгород. Брата Святослава он отправил, как воеводу, крестоносцев воевать, Ярослав сильно деятельный и не хотелось бы ему давать много власти. Пришлось своего, еще малого летами, сына ставить. Ярослав часто у новгородцев бывает, чаще все же по поручению Юрия, может подбить купцов и новгородских бояр, чтобы на вече его, Ярослава, имя кричали.

А новгородцы опять почувствовали слабинку и требуют себе новых вольностей. Безумцы! Венецианцы рассказывали, что папа римский уже собирается объявлять крестовый поход на Русь. А у новгородцев город Юрьев, как перезрелый плод — только сорвать! Но показывать свою силу Юрию нужно, иначе можно и владимирский стол потерять.

— Ты иди изнов в Новгород и кажи люду новгородскому, что я до Торжка пойду, коли смуту чинить станут, а после и зерна болей не дам, — сказал князь.

— Так как? Загубят же новгородцы сына твоего и меня с ним! — простонал Ростислав Ольгович.

— Ступай! — прикрикнул на него великий князь

Юрий Всеволодович решил, что не только Торжок возьмет, но и пошлет к Новгороду шесть сотен войска, а возглавит это войско Василько. А вот новгородцев Юрий предупредит о том отряде. Так великий князь избавится от проблемы, которая пока и не проблема вовсе, но может таковой стать. Только обязательно сохранить жизнь этому Корнею. Булат нужен великому владимирскому княжеству, а еще свой терем стеклом отделать.

Князь осознал, что ему нужно срочно посоветоваться с Симоном, чтобы тот расспросил своего провидца монаха ростовского Даниила. Напрямую великий князь владимирский общаться с этим монахом откровенно боялся. Тот так же, как и Корней всякие новшества придумывает и среди монахов уже немалую власть имеет.

Эпилог 2. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА СХИЗМАТИКОВ

Эпилог 2. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА СХИЗМАТИКОВ

— Владыко, позвольте? — в кабинет вошел высокий рыцарь в длинной кольчуге, и с длинным же мечом, держа шлем с рукой у наверхшия.

— Входи Ульрих, есть новости? — спросил епископ Рижский Альбрехт.

— Да, ваше преосвященство. Король Кукейнойский Вячко отказывается переходить на нашу сторону. Мы обещали ему прощение за то, что вырезал слуг Бога нашего в Кукейнойсе, но он отказался, — начал доклад ливонский рыцарь, лично привязанный и преданный епископу, за то, что тот его поднял над другими братьями.

— Это неправильный поступок. Дочь его София живет у меня, а передать ее я собираюсь фон Тигенхаузенам — путь будут хозяевами в Кукейнойсе по всем правам. Земли Вячко или уже наши, или окружены нашими землями, даже язычники отказываются от него, видя нашу мощь. Но это строптивца не пронять, он хочет крови. Две сотни воинов-ортодоксов, да толпа лесных эстов — это не сила для нас. А более у Вячко ничего и нету. А как Новгород и Псков? Придут к нему? — задал вопрос главный выразитель воли папы в этом забытом Богом месте.

— В Новгороде зреет смута, и мы ее кормим. При малолетнем князе Мстиславе, бояре владимирские в городе потеряли всякие пределы и просто грабят и убивают. А недавно и девку из купеческой семьи снасиловали, так что Юрьев станет нашим, а Вячко уьем, — сказал рыцарь и перекрестился.

Грех то, убийство, но не значительный, просто папа пока забывает объявить поход против схизматиков, но это дело времени. А в крестовом походе все грехи прощаются. И епископ был готов к крови, у него уже есть в распоряжении меченосцы — воины, которым схизматы и язычники ничего противопоставить не смогут.

— Сказывают, что король Юрий придет карать новгородцев, или все же помогать им? Может же получится сделать так, чтобы именно карать? Ульрих это возможно, чтобы дите Мстислав в толпе случайно, только волей божией, погиб? — спросил епископ, но ответа он не требовал, не надо озвучивать то, что может ввести в сомнение веру в папский престол.

— Мы планируем летом идти на Юрьев, в период сбора урожая, чтобы князя много раз подумали приходить ли на помощь всеми забытому Вячко, — ухмыльнулся своей византийской хитрости Ульрих.

— Да, ты прав мой друг, приведи еще латгалов и ливов в войско. Нужно же будет кому-то умирать за веру, а рыцари еще пригодятся нам, когда будем храмы схизматиков в Новгороде в костелы освещать, — закончил епископ и удалился на молитву.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ!

Больше книг на сайте - Knigoed.net